

КНИГА ИЗ ЦИКЛА «КОЛЕСА ИСТОРИИ»

ТОМАС КАХИЛЛ

ДАРЫ ЕВРЕЕВ

издательство
амфора

КОЛЕСА ИСТОРИИ

Зачастую история представляется нам сплошной чередой бедствий, войн, вспышек насилия и произвола, точно это лишь вереница повествований о человеческих страданиях. Безусловно, порой это представление отвечает реальности. Однако история знает также примеры щедрости и милосердия, немало счастливых и непостижимых моментов, когда человек жертвует собой ради других, отдает последнее и делает больше, чем требуют обстоятельства.

В цикле «Колеса истории» мне хочется изложить историю западного мира как историю народов, которые подарили нам бесценные сокровища, составляющие духовное наследие Запада. Речь пойдет об эволюции западного мировосприятия, о том, как мы стали теми, кто мы есть, и почему мы думаем и чувствуем так, а не иначе. Это будет рассказ о судьбоносных моментах, когда на карту было поставлено все и могучему потоку, питающему историю Запада, грозила опасность разделиться на сотню никчемных ручейков, замерзнуть или испариться. Именно в такие моменты народы, даровавшие нам свои сокровища, изменяли ход вещей, иногда совершая подлинный переворот, и мир становился еще более сложным и ярким, путающим и восхитительным, сильным и прекрасным, чем прежде.

Томас Кахилл

Т О М А С   К А Х И Л Л

ДАРЫ ЕВРЕЕВ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

амфора

2005

УДК 94(5)+22 09
ББК 63 3(5) 86 37
К 30

THOMAS CAHILL
The Gifts of the Jews
How a Tribe of Desert Nomads Changed
the Way Everyone Thinks and Feels

Перевела с английского Т Ю Гутман

*Издательство выражает благодарность
литературным агентствам
P & R Permissions & Rights и Janklow & Nesbit Associates
за содействие в приобретении прав*

*Защиту интеллектуальной собственности и прав
издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания
«Усков и Партнеры»*

Кахилл, Т.

К 30 Дары евреев: Как племя, кочующее по пустыне, изменило образ мышления всего мира / Томас Кахилл ; [пер. с англ. Т. Гутман]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2005. — 268 с. — (Серия «Колеса истории»).

ISBN 5-94278-912-6 (рус.)

ISBN 0-385-48249-3 (англ.)

Рассказывая о том, как народ Авраама и Моисея обретал свою веру, о том, как создавались книги Ветхого Завета, американский ученый раскрывает истоки современного западного мировоззрения.

УДК 94(5)+22.09
ББК 63.3(5) : 86.37

ISBN 5-94278-912-6 (рус.)
ISBN 0-385-48249-3 (англ.)

© Thomas Cahill, 1998
© Издание на русском языке,
перевод, оформление
ЗАО ТИД «Амфора», 2005

Посвящается Кристин

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Писать популярную литературу — задача не из легких, особенно если речь идет о такой необозримой теме, как история создания Библии. Как сделать сложное простым, не упустив и не растеряв самое важное? Как, адресуясь к неподготовленному читателю, найти верный тон и определить ту грань, за которой упрощение может привести к потерям и искажениям?

Томас Кахилл взялся за нелегкое, хотя и благородное дело — дать широкому читателю представление о роли евреев в мировой истории с точки зрения эволюции мировоззренческих подходов, рассказать о том, какое значение для этой эволюции имела Библия, величайший памятник мировой литературы, созданный евреями. При этом автор останавливается на уникальной истории самого еврейского народа. Рассматривая ее в контексте других древних цивилизаций, он показывает, как разрозненные племена кочевников, ставшие ядром новой нации, радикально изменили отношение человечества к трансцендентному, изменили понимание Бога и, как следствие, восприятие времени и смысла жизни. Этот переворот в сознании, произошедший в незапамятные времена,

по сути определяет наше отношение к действительности по сей день.

Авторский подход, во многом непривычный для российского читателя, позволяет словно бы взглянуть на Библию с высоты птичьего полета. Формирование еврейского народа и постепенное создание колоссального по своему объему, охвату, глубине корпуса литературы, названного Библией, разворачиваются перед нами как два органично связанных процесса.

Безусловно, работая с таким сложным и обширным материалом, как документальным, так и историческим, невозможно, с одной стороны, отразить его во всей полноте, а с другой — избежать спорных утверждений и упущений. Недаром подобные просчеты порой встречаются даже у специалистов по библеистике. Однако отдельные незначительные промахи такого рода не умаляют ни ценности данной книги, ни того интереса, который она, вне всяких сомнений, представляет для всех, кого занимает история культуры и религии.

Т. Гутман

Традиция, обычай сбереженный —
Вот целомудрия единственный залог.
Обряд старинный — изобилья рог,
Живой обычай — лавр вечнозеленый.

Уильям Батлер Йетс¹

Все, что делает индеец, он делает в кругу, ибо любая сила на свете движется по кругу и все стремится стать круглым. В былые времена, когда мы были сильным и счастливым народом, мы черпали свою силу в священном обряде своего народа. <...> Даже времена года сменяются по кругу и всегда возвращаются на прежнее место. Жизнь человека — это тоже круг от детства до детства, и так происходит везде, где перемещается энергия.

Черный Лось²

Без нового взгляда
на вещи нет новой
строки, а старая
идет по порочному
кругу: без выдумки пусто под елкой.

Уильям Карлос Уильямс³

---

¹ Перевод Ю. Мениса.

² *Черный Лось* (1863–1950) — индейский шаман, свидетель битвы на реке Литл-Бигхорн и бойни на ручье Вундед-Ни. Поэт Д. Нейхардт сделал литературную запись истории его жизни и опубликовал ее под заголовком «Говорит Черный Лось» (1932). — *Ред.*

³ Перевод С. Степанова.

Введение

Это — евреи

Все это начали евреи — под словом «это» я подразумеваю множество волнующих нас вещей, основополагающие ценности, которыми живем мы все, евреи и неевреи, верующие и атеисты. Не будь евреев, мы смотрели бы на мир иными глазами, иначе слушали и чувствовали. Другим было бы не только наше сознание — призма, которая преломляет наши впечатления об окружающем мире, — но и наш склад ума; мы иначе интерпретировали бы свой опыт и делали бы другие выводы из происходящего. Самую свою жизнь мы строили бы иначе.

Говоря «мы», я вкладываю в это слово тот смысл, который закрепился за ним в конце XX в., то есть имею в виду людей западного мира, чьей своеобразной, но весьма живучей ментальностью успели «заразиться» все культуры на свете, так что, строго говоря, в это «мы» волей-неволей входит все человечество. Хорошо это или плохо, роль Запада в истории человечества уникальна. Поэтому уникальна и роль

евреев, создателей западной культуры: нет никого, кто напоминал бы их хоть отдаленно; их судьба — единственная в своем роде. Вы увидите, что сама идея призвания свыше или особой судьбы — еврейская идея.

Наша история знает немало личностей, которые не желали понять, что представляют собой евреи на самом деле, которые — в силу интеллектуальной слепоты, под влиянием шовинизма, ксенофобии или просто злобы — отказывались отдать должное этому необыкновенному народу, этому разношерстному племени, этому роду скитальцев, который стал прародителем западного мира. Безусловно, в конце кровавейшего из столетий мы стали слишком легкомысленно относиться к чудовищным преступлениям тех, кто был готов на все, лишь бы не отдавать евреям должное.

Но для начала я попрошу своего читателя выбросить из головы не только все ужасы истории, древней, средневековой и новейшей, но (насколько это возможно) и саму идею истории как таковой. Постарайтесь забыть все предпосылки и допущения, на которых строится наш мир, всю замысловатую систему установок и представлений, которые составляют наше интеллектуальное и эмоциональное наследие. Давайте попробуем вообразить себя тем человечеством, которое жило на этой планете, когда первое слово Библии еще не было произнесено и записано.

Должно быть, первые человеческие существа, появившиеся на земле, смотрелись странновато. Гибкие и поджарые, подобно своим предкам, приматам, они имели такие же длинные конечности, но куда менее впечатляющую мускулатуру; у них не было густого меха и острых когтей, и, чтобы не стать добычей хищников, им приходилось прятаться в лесу и покидать свое укрытие лишь ради поисков пищи. Эти создания с маленьким ртом, недоразвитыми зубами и неестественно большой, как у детенышей обезьян, головой могли рассчитывать лишь на свою сообразительность. Их дети оставались беспомощными гораздо дольше, чем молодняк прочих приматов, требуя неусыпного внимания и опеки со стороны родителей. Без умения планировать и предвидеть опасность, без навыка выработки сложных стратегий эти мутанты вряд ли сумели бы выжить.

Однако, обратившись к свидетельствам доисторического и протоисторического периода, мы придем к неожиданному выводу: изобретения и открытия первых людей, которые обеспечили им выживание и процветание (орудия труда и огонь, затем возделывание земли и одомашнивание животных, а впоследствии орошение и использование колеса), не воспринимались ими как нововведения. Это были дары потустороннего мира, тем или иным образом полученные свыше. Все говорит о том, что древнейшее религиозное сознание считало мироздание циклическим. Представления первых людей о мире, в сущности, не слишком отличались от значительно более сложных представлений более позд-

них и более развитых обществ, какие существовали в Древней Греции и Индии. Как говорит о греческой мысли Анри-Шарль Пюш в блестящей работе «Человек и время»: «Ни одно событие не является уникальным, ничто не случается единожды... любое событие происходило, происходит и будет происходить бесконечно; при каждом повороте круга появлялись, появляются и будут появляться те же самые индивиды».

Евреи были первым народом, которые вырвались из этого круга, чтобы обрести новый образ мышления, новый опыт, новый путь понимания и восприятия мира; и эта новизна была так радикальна, что можно по праву сказать: еврейская идея является единственно новой идеей за всю историю человечества. Мировоззрение евреев на сегодняшний день стало для нас столь естественным, что, наверное, уже вписано на клеточном уровне в наш генетический код. Мы не в состоянии расстаться с ним даже ради эксперимента, и видение мира, присущее другим народам, представляется нам чуждым и странным.

Библия по большей части являет собой запись еврейского религиозного опыта, которая, в отличие от мифологии других древних народов, сохранила свежесть и остроту. Слово «библия» происходит от греческого *biblia* — формы множественного числа слова «книга». И хотя Библия по праву считается главной книгой западного мира, его основополагающим документом, на самом деле это собрание разнообразных книг, целая серия произведений, со-

зданных на протяжении тысячи лет. Почти все они написаны на иврите.

Сведения о начальном периоде становления иврита, одного из множества семитских языков, которые сформировались на Ближнем Востоке до начала 2 тыс. до н. э., довольно скудны. Литература на некоторых семитских языках, например аккадском, возникла довольно рано, но памятники ивритской письменности появляются лишь после X в. до н. э., то есть когда израильтяне уже расселились в Ханаане после исхода из Египта под предводительством Моисея. Это значит, что предположительно исторические повествования по меньшей мере первых пяти книг Библии первоначально сохранялись не в письменном виде, но в устной традиции. Поэтому все библейские истории: о странствиях Авраама в Ханаане, об освобождении евреев из египетского рабства, о расселении израильтян во главе с Иисусом Навином в Ханаане — являются устными свидетельствами, собранными и отредактированными в первый (но далеко не в последний) раз в X в. до н. э., в правление царя Давида и позже. Полное же собрание текстов, составляющих Библию (не считая греческий Новый Завет, который добавится только в I в. н. э.), в нынешнем его виде сложилось лишь спустя значительное время после Вавилонского пленения евреев, иначе говоря, после 538 г. до н. э. Книги, последними включенные в канон еврейской Библии, по-видимому, относятся к III–II вв. до н. э. — это Есфирь и Екклесиаст (III в. до н. э.) и Данииил (II в. до н. э.). Ряд апокрифов, таких как Книга

Иудифь и Книга Премудрости Соломона, относятся к I в. до н. э.

Большинству современных читателей Библия представляется этакой сборной солянкой, разобраться в которой весьма непросто; и тот, кто преисполняется решимости прочесть ее от корки до корки, обычно остывает после одной-двух книг. Хотя излюбленные литературой темы — любовь и смерть, наряду с их суррогатами, сексом и насилием, — занимают в Библии весьма значительное место, она изобилует утомительными ритуальными предписаниями и картинами бесконечных сражений. Этот удивительный труд нередко приводит в замешательство современного читателя, пытающегося постичь его значение и смысл, поскольку очень многие приложили руку к его созданию и длилось оно много веков.

Но чтобы понять самих себя, оценить собственное своеобразие, которое стало для нас столь привычным, что большинство людей не задумывается о происхождении наших нынешних установок, считая их само собой разумеющимися, мы должны вернуться к этому великому документу, краеугольному камню западной цивилизации. Я не ставлю перед собой задачи написать введение к Библии или введение в иудаизм, но хочу помочь современному читателю, будь то атеист или верующий, увидеть связующую нить, которая пронизывает эту уникальную культуру Слова, проникнуться мировосприятием, которое лежит в основе всей Библии, и припасть к живым истокам западного наследия.

Чтобы по достоинству оценить значение Библии, следует начать не с нее. Задача любого определения — установить границы, то есть показать, чем не является определяемый объект. Поэтому мы начнем с периода, предшествующего Библии, предшествующего евреям и Аврааму — с тех времен, когда бытие представлялась огромным кругом, замкнутым и предсказуемым циклом. Мы отправимся в мир Колеса.

I

Храм в лунном свете

Первый религиозный опыт

Более пяти тысяч лет назад рука человека впервые написала слово, и это положило начало истории, летописи человечества. Это случилось в Шумере, скорей всего, где-нибудь на складах Урука, одного из первых поселений, что заслужило название «города» и выросло на берегу реки Евфрат в Древней Месопотамии, — ныне это место носит название Варка и располагается на территории Ирака. Изобретение письменности было необходимостью: как еще могли шумеры содержать в порядке свои счета? Новый тип поселений, подобных Уруку, — непостижимые скопления жилых, культовых и складских строений — вскоре начал распространяться в Древнем мире повсеместно. Сосредоточение в таких местах огромных масс людей и принадлежащего им имущества требовало новых методов учета товаров и торговых операций, поскольку масштабы хозяйственной деятельности превышали возможности человеческой памяти. Утомленный непосильной задачей, человеческий

разум отказывался повиноваться и часто ошибался, но люди нашли чертовски остроумный выход — заменить ненадежную человеческую память долговечными символами.

Это нововведение, подготовленное прочими новшествами на протяжении многовекового пути шумеров к урбанизации, к которой они пришли методом проб и ошибок, навсегда изменило ход истории человечества, сделав возможными фантастические достижения в сохранении и поиске информации и совершенно новые формы коммуникации, как межличностной, так и групповой. Изобретение земледелия открыло людям, что можно не ждать милостей от природы, но сделать появление ее даров более-менее предсказуемым, если периодически сеять зерно, а это, в свою очередь, значительно уменьшило зависимость человека от нестабильных результатов охоты и собирательства и создало предпосылки для появления первых оседлых общин, которые группировались вокруг надежных зерновых ресурсов. Затем последовало (а возможно, это случилось и раньше) одомашнивание мелкого и крупного скота и птицы, что обеспечивало постоянное поступление яиц, молока, мяса, кожи и шерсти. Изобретение мотыги, а потом плуга (по всей вероятности, это произошло, когда какой-нибудь ленивый, но сообразительный земледелец додумался привязать свою мотыгу к веревке, а веревку — к рогу быка, что позволило использовать силу быка и обрабатывать гораздо бóльшую площадь) привело к созданию стабильных сельскохозяйственных общин на территории так

называемого Плодородного полумесяца. Плодородным полумесяцем принято называть огромную изогнутую полосу орошаемых земель, которая простирается на север от равнины между Тигром и Евфратом, поворачивает на юг по Иорданской долине и заканчивается на Синайском полуострове. Чья-то блестящая идея рыть каналы (которые затем превратились в целые системы связанных между собой водохранилищ) дала возможность управлять поступлением речной воды на поля. Земледельцы больше не зависели от ненадежных на Ближнем Востоке дождей и могли возделывать поля, которые раньше считались негодными. Со временем в Вавилонии (непосредственной преемнице Шумера) развитие орошения вызвало к жизни висячие сады Семирамиды, поразительное чудо света, подробными описаниями которого туристы древности донимали друзей задолго до изобретения фотографии.

В период, предшествовавший появлению письменности, в Шумере происходило невероятно бурное развитие технологий, сравнимое по масштабам разве что с промышленной революцией XIX–XX вв. н. э. Стремительно росли сельскохозяйственные общины, расширялся арсенал нововведений в сфере скотоводства и земледелия, появился колесный транспорт, парусные суда, металлургия, гончарное дело с использованием гончарного круга и печного обжига. Шумеры первыми изобрели методы строительства, которые позволили людям не просто обеспечивать себя комфортабельным жилищем, но воздвигать впечатляющие, а порой и ошеломляющие сооружения

коммерческого и ритуального назначения. Монументальная каменная скульптура, резьба, мозаика, формирование кирпича, арка, свод, купол — все это было изобретено под ослепительным шумерским солнцем. В совокупности этот уникальный ряд изобретений впервые сделал возможной международную тор-

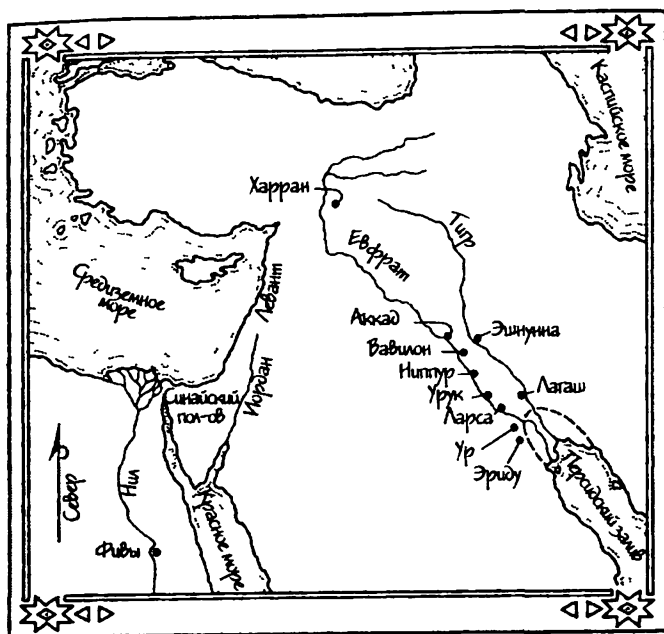

Рис. 1. Плодородный полумесяц (3 тыс. до н. э.)

Эта древнейшая колыбель цивилизации представляла собой огромную дугу обильно орошаемых земель, которая тянулась от Персидского залива на северо-западе, включала земли равнины между Тигром и Евфратом, на юго-западе захватывала территорию Леванта и долину реки Иордан и заканчивалась на Синае. На карте показаны основные шумеро-аккадские города-государства, включая Вавилон, появление которого относится к более позднему периоду. Побережье Персидского залива в 3 тыс. до н. э. обозначено пунктиром.

говлю, что привело к появлению огромных скоплений имущества, а значит, исполинских складских сооружений, которые воодушевили неизвестного изобретателя на создание письма.

К тому моменту, когда на маленькую глиняную табличку было нанесено первое слово (такая технология письма использовалась на протяжении многих веков), господство Шумера распространялось почти на всю Месопотамию. У шумерских городов сложились прочные торговые связи с соседними территориями, часть которых — вплоть до долины Нила в Северной Африке и долины реки Инд на Дальнем Востоке — находилась в подчинении у шумерских правителей. Кружившие в небе Шумера грифы, которые скептически озирали цивилизацию, прискорбно скупую на легкие жертвы, видели сверху два с лишним десятка городов-государств, похожих друг на друга как две капли воды. Но ордам амореев — кочевых семитских племен, которые странствовали по горам и пустыням, вторгаясь в пределы Шумера, — города, что расположились вдоль зеленых берегов извилистого Евфрата, точно гигантское ожерелье из отполированного камня, казались просто ослепительными. Ведь каждый город славился чем-то особенным и был украшен великолепным храмом и зиккуратом, посвященным богу-покровителю. Все это вызывало благоговейную зависть кочевников, напоминая им о том, чего у них не было.

Чего недоставало самим кочевникам, подробно перечислено в шумерском описании представителя аморейского племени:

Он живет в шатрах, под дождем и ветром,
Ест невареное мясо,
Не имеет ни дома, пока он жив,
Ни могилы, когда умрет¹.

Это почти описание животного. Невоспитанные и не умеющие себя вести (даже по отношению к мертвым), не знающие ни святынь, ни пицци, приготовленной на огне, кочевники постоянно вступали в кровавые стычки с более «цивилизованными» земледельцами. За этим описанием мы узнаем имперское высокомерие, блаженную уверенность в собственном превосходстве, как нравственном, так и материальном, над теми, кто отодвинут на обочину жизни. Шумеры не сомневаются, что право на все, чем они обладают, и в первую очередь на землю, даровано им свыше.

Благодаря усилиям археологов, которые на протяжении последнего столетия проводили раскопки на территории многих шумерских городов и перевели огромное количество надписей с глиняных табличек, о Шумере, первой мировой цивилизации, нам известно многое. Шумерские приемы ведения сельского хозяйства были чрезвычайно изощренны — лишь для обозначения разновидностей овец в языке шумеров имелось целых двести слов. Их математика позволяла извлекать квадратные и кубические корни и делать точные расчеты при определении площади полей, строительстве, рытье и расширении кана-

---

¹ Перевод В. А. Якобсона. *Цит. по:* Мифологии Древнего мира. М., 1977.

лов. Медицина носила прикладной, а не магический характер, а фармакопея предписывала средства на все случаи жизни — от ран, полученных в сражении, до венерических заболеваний (последние назывались «болезнями тан и ну» — хотя специалисты говорят, что перевод этих слов неоднозначен, профан легко догадается, о чем идет речь).

Довольно многое известно и о воображении шумеров. Большая часть руководств и наставлений написана от имени одного из богов: авторство трактата по сельскому хозяйству (судя по всему, это был настоящий бестселлер, ибо его копии обнаруживаются в шумерских руинах повсеместно) приписывалось Нинурте, «опытному земледельцу Энлиля», великому богу шумерского пантеона. Нинурта советовал землепашцам заботливо следить за посевами и принимать всевозможные меры предосторожности, как земного, так и сверхъестественного характера. Скажем, «после того как из земли покажутся ростки», надлежало не только отгонять птиц, но и помолиться Нинкилим, богине полевых мышей, чтобы та не подпускала к подрастающим посевам своих маленьких подданных с острыми зубами. Даже пивоварение (шумеры очень любили пиво) имело свою покровительницу — богиню Нинкаси, родившуюся из «искрящихся водяных струй». Имя этой богини означает «женщина, которая поит». Тему пивоварения шумеры развивают весьма поэтично: Нинкаси варит пиво для самих богов, она «зерно проросшее большой лопатой сгребает», «с травами душистыми закваску в чане мешает», «пивом цеженным

в могучую кадку изливается... — Тигра и Евфрата наводнение!»¹.

Многочисленные упоминания богов на шумерских табличках следует воспринимать не серьезнее, чем лицемерные обращения к Богу нынешних общественных деятелей. Шумеры были практичными, расчетливыми дельцами; более всего их занимала площадь полей и вместимость складов. Однако это не означает, что у них отсутствовала какая-либо идеология, кроме страсти к стяжательству.

Мировоззрение народа, не обсуждаемое в ходе купли-продажи и подсчета барышей, следует искать в преданиях, мифах и ритуалах, которые — если уметь их читать — неизбежно дают представление о тайных страхах и желаниях человеческого сердца. Красноречие шумерских преданий, которые удалось воскресить благодаря глиняным табличкам, несомненно, производило неизгладимое впечатление на читателей древности; нам же эти предания позволяют познакомиться с представлениями человечества на заре цивилизации. Практически все таблички повреждены, поэтому все произведения имеют пробелы. При этом многие истории существуют в нескольких версиях (лакуны одной версии иногда компенсируются отрывками другой) и даже на разных языках, что позволяет нам восстановить, хотя бы частично, процесс динамического развития мифов на протяжении многих веков. Возможно, отчасти шумерскими предани-

---

¹ Перевод В. К. Афанасьевой. *Цит. по:* От начала начал: Антология шумерской поэзии. СПб, 1997.

ями мы обязаны странствующим семитским племенам: они, по всей вероятности, обладали неистощимой памятью, свойственной людям, не умеющим читать и писать, и порой зарабатывали себе на пропитание, развлекая оседлое население разными историями. Эти сюжеты, как услышанные от сказителей-кочевников, так и передававшиеся из уст в уста жителями городов, затем были записаны шумерскими писцами. Те добросовестно сгруппировали разнородный материал, создавая «книги» — комплекты однотипных табличек. Иногда такие «книги» представляли собой связанное повествование, а порой включали разрозненные эпизоды или даже относились к разным эпохам.

Некоторые писцы обнаруживали чрезмерную добросовестность. Так, шумерское собрание преданий о царях — так называемый Царский список — совершенно бесполезно для современных историков. Краткие очерки правления шумерских монархов упорядочены по принципам соразмерности и нумерологии, чтобы радовать глаз и услаждать слух, но без всякой связи с тем, что происходило в шумерской истории на самом деле. Если верить списку, некоторые цари правили тысячи лет, срок правления других ограничивается сотнями. В действительности в список наряду с историческими лицами попали персонажи мифов, причем династии отдельных городов нередко на самом деле правили не последовательно, а параллельно.

Задачи современного историка для шумеров не имели никакого значения — и это кажется невероят-

ным, ведь именно шумеры изобрели письменность, инструмент, который делает возможным само существование исторической науки. Тем не менее понятия истории для них не существовало. Города-государства в незапамятные времена основали боги; те же самые боги даровали шумерам, «черноголовому народу» (как они сами себя называли), орудия труда, оружие и все те удивительные изобретения, которые, как знаем мы, были плодами трудов человека. «Развитие» и «эволюция» — слова, которые так важны для нас, — в эпоху вневременной шумерской культуры практически не имели смысла. Шумеры были убеждены: все, что их окружает — город, поля, скот, плуги, — существовало всегда.

Духа развития недоставало даже шумерским преданиям: они начинались с середины и обрывались на середине. Им не хватало создающей напряженности причинно-следственной связи, которая для нас является неотъемлемой частью любого повествования. Мы требуем, чтобы сюжет имел начало, середину и конец, то есть форму. Книга или фильм, где действие то и дело перескакивает с одного на другое, вызывают у нас недоумение: к чему все это? Однако любое шумерское предание представляет собой длинный, сбивчивый рассказ без начала и конца, подобный лепету маленького ребенка, который пытается повторить анекдот, услышанный от детей постарше, не понимая, в чем его соль. Современный читатель, обратившийся к памятникам шумерской литературы, тщетно ждет кульминации. И все же сказания древнего Шумера доставляют огромное

наслаждение как своим архаическим своеобразием, так и поразительными эпизодами, в которых мы внезапно узнаем себя, столь выразительны описания чувств, которые роднят нас с людьми из тех незапамятных времен.

Больше всего впечатляет современного читателя «Эпос о Гильгамеше», история легендарного героя, который, судя по всему, в середине 3 тыс. до н. э. был царем Урука, того самого города, где, по-видимому, изобрели письменность. Не исключено, что предками Гильгамеша был семиты, а не шумеры, поскольку в соответствии с одним из переводов известной своей ненадежностью Царского списка Лугальбанда, отец Гильгамеша, который царствовал до него, «был кочевником». Если это так, у странствующих поэтов из кочевых племен были веские основания воспевать его подвиги: воцарение Гильгамеша знаменовало собой один из первых случаев захвата власти кочевыми семитскими племенами, которые к концу тысячелетия заняли почти весь Шумер и чьи языки постепенно стали вытеснять шумерский. Шумерский язык, родство которого с другими языками не установлено, в начале 2 тыс. до н. э. был вытеснен аккадским (или старовавилонским), лингва-франка Месопотамии; за ним сохранился лишь статус языка образованной части населения, который использовался писцами для создания отдельных документов. Однако новые семитские правители позаимствовали не только клинопись, но заодно мифологию и верования своих шумерских предшественников, поэтому обнаруживаются версии истории о Гильгамеше,

изложенные не только на шумерском, но также на аккадском и иных древних языках.

Эпос начинается красочным описанием древнего Урука. Поэт берет на себя роль гида для гостя города, который видит его впервые:

Стеною обнес Урук огражденный,
Светлый амбар Эаны священной.
Осмотри стену, чьи венцы, как по нити,
Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, лежащим издревле,
И вступи в Эану, жилище Иштар¹, —
Даже будущий царь не построит такого, —
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай:
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены не семью ль мудрецами?²

*Три тысячи шестьсот квадратных локтей занимает город,
три тысячи шестьсот квадратных локтей сады*

занимают,

столько же занимает храма Иштар подворье.

Трижды три тысячи шестьсот квадратных локтей

Урук занимает³.

---

¹ Великую богиню Урука называют Иштар на аккадском (или старовавилонском) языке, но в более ранних записях на шумерском языке ее зовут Инанна. Это изменение имен богов с шумерских на аккадские напоминает изменения при переходе от греческого пантеона к римскому: от Зевса к Юпитеру, от Афродиты к Венере. В этой главе боги называются аккадскими именами. — *Авт.*

² Здесь и далее, если не оговорено иное, отрывки из «Эпоса о Гильгамеше» приводятся в переводе И. Дьяконова. *Цит. по:* Библиотека всемирной литературы. Т. 1: Пoesия и проза Древнего Востока. М., 1973. — *Перев.*

³ Строки, выделенные курсивом, не вошли в перевод, выполненный И. Дьяконовым, поскольку были восстановлены по табличкам, найденным позднее. — *Перев.*

Поэт явно гордится великолепием и размерами своего города. Урук «не знает подобья», его основанья заложены семьей мудрецами, богами, которые даровали «черноголовым» сноровку и мастерство и сделали их великими. Однако подлинное величие связано исключительно с незапамятными временами, и «даже будущий царь не построит такого», как Эана — храм богини любви и войны Иштар в Уруке. Затем, словно опытный кинооператор, поэт, закончив съемку дальних планов древнего города, приглашает нас взглянуть поближе на одно из его чудес, секретный документ, который хранится на плите самого драгоценного в Шумере материала:

Отыщи медный ларец для таблицы,
Отомкни ее бронзовый замок,
Открой дверь к ее тайне,
Вынь таблицу лазуритовую, прочти ее,
Историю Гильгамеша, что прошел через многие испытания.
Он превосходил прочих царей, владыка-воитель
исполинского роста,
Герой, рожденный в Уруке, бодливый, неистовый буйвол.
Он выступает впереди как предводитель,
Он идет позади, поддерживая своих братьев,
Прочная сеть, его охрана,
Бушующая волна паводка, что может разрушить
даже каменную стену.
Сын Лугальбанды, Гильгамеш, полон сил,
Сын горделивой буйволицы, дикой буйволицы Нинсун.
Это Гильгамеш, во всем величии своем,
Рассекает ущелья, прокладывая путь в горах,
Может выкопать яму даже на горном склоне,
Пересекает океан, широкие моря, как утренняя заря¹.

---

¹ Данный фрагмент отсутствует в переводе И. Дьяконова. — *Перев.*

Гильгамеш, получеловек, полубог (его мать — дикая буйволица, богиня Нинсун), обладает всеми качествами мифологического героя: он свиреп, как буйвол, силен, как волна; но ему не чужды и практические навыки, которые ценит расчетливый шумерский делец: он непревзойденный строитель и умелый мореплаватель. Столь выигрышное сочетание подсказывает нам, что история Гильгамеша претерпела множество переработок. Возможно, она возникла задолго до появления письменности и даже задолго до появления земледелия, в таком далеком прошлом, которое не под силу восстановить никакому археологу. Вращаясь, словно кувшин на гончарном круге, она обрела форму и была искусно украшена многими руками, сначала в доисторический период, затем шумерами, а позднее семитскими племенами.

Процитированные отрывки приводятся по уцелевшей части таблички I. Далее я хочу процитировать строки той же таблички, которые наводят на мысль, что даже для блестящего великолепия Урука Гильгамеш слегка хватил через край:

Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных, —
Все его товарищи встают по барабану!
По спальням страшатся мужи Урука:
«Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью:
Гильгамеш ли то, пастырь огражденного Урука,
Он ли пастырь сынов Урука,
Мощный, славный, все постигший,
Матери Гильгамеш не оставит девы,
Зачатой героем, суженой мужу!»

Несмотря на пропуски и непереводаемые слова, с которыми приходилось иметь дело всем переводчикам эпоса, можно не сомневаться, что Гильгамеш здорово докучал жителям Урука, держа в страхе юношей и нороя переспать со всеми девушками. Судя по всему, шумеры воспринимали это как неизбежные издержки, сопутствующие величию. В шумерском обществе, как известно по другим табличкам, царила острая конкуренция, шумеры были первостатейными хвастунами. Цари не могли отказать себе в удовольствии непрерывно и безудержно восхвалять самих себя. Их подданные часто обращались за помощью в суды, и «вердикты» последних представляли собой одну из самых распространенных литературных форм — ими заполнены целые собрания табличек. Другим популярным жанром, который шумеры считали чрезвычайно забавным, было «словесное состязание» — диспуты между двумя соперниками. Например, спор между двумя школярами (о том, кто из них лучший ученик — такая полемика изобиловала нелестными эпитетами вроде «болван», «тупица», «невежда» и «пустомеля») или между двумя претендентами на руку любимой женщины, даже между медью и серебром или летом и зимой. Это было сварливое и агрессивное общество, идеалом которого был до крайности честолюбивый человек, движимый стремлением обрести власть, побеждать, добиться успеха, безнравственный по нашим понятиям. Кроме того, это общество презирало бедность.

И все же народ Урука, несмотря на все свое восхищение Гильгамешем, нуждался и в утешении, по-

этому люди горько жаловались своим богам, взывая главным образом к «великой Аруру», всеобщей матери:

«Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает».

Поэтому Аруру создает внутри себя «подобье Ану» (в других вариантах перевода «слово Анну»), бога-отца. Затем, умывая руки, она «отщипнула глины, бросила на землю», где глина превращается в Энкиду, воина, порождение тишины и небесных молний Нинурты:

Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщине, волосы носит,
Пряди волос как хлеба густые;
Ни людей, ни мира не ведал,
Одеждой одет он, словно Сумукан.
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радует водою.

Энкиду — настоящий «естественный человек» — заодно с животными, а не с людьми; он расстраивает планы охотников, один из которых приходит жаловаться Гильгамешу:

«Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную, —
Он мне не дает в степи трудиться!»

Гильгамеш принимает замечательное решение:

«Иди, мой охотник, блудницу Шамхат приведи
с собою,

Когда он поит зверей у водопоя,
Пусть сорвет она одежду, красоты свои откроет, —
Ее увидев, к ней подойдет он —
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне».

Охотник делает, что приказал Гильгамеш, — приводит Шамхат к водопою, когда Энкиду, «муж-исследователь из глуби степи», приходит пить воду вместе с дикими зверями.

Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила,
Не смушалась, приняла его дыханье,
Распахнула одежду, и лег он сверху,
Наслажденье дала ему, дело женщин,
И к ней он прильнул желанием страстным.
Шесть дней миновало, семь дней миновало —
Неустанно Энкиду познавал блудницу,
Когда же насытился лаской,
К зверью своему обратил лицо он.
Увидав Энкиду, убежали газели,
Степное зверье избегало его тела.
Вскочил Энкиду, — ослабели мышцы,
Остановились ноги, — и ушли его звери.
Смирился Энкиду, — ему, как прежде, не бегать!
Но стал он умней, разуменьем глубже.

Ошеломленный таким превращением, Энкиду возвращается к блуднице, дабы разобраться, что происходит. Она говорит ему, что он стал «богу подобен», и убеждает его, что теперь ему подобает поселиться в Уруке,

«Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям!»
Сказала — ему эти речи приятны,
Его мудрое сердце ищет друга.

Разумеется, подход Энкиду к поискам друга необычен:

«Я его вызову, гордо скажу я,
Закричу средь Урука: я — могучий,
Я один лишь меняю судьбы,
Кто в степи рожден, — велика его сила!»

Но Гильгамеш уже готов к появлению Энкиду, поскольку видел вещие сны, которые растолковала ему мать, Нинсун:

Сильный придет сотоварищ, спаситель друга,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки, —
Ты полюбишь его, как к жене прильнешь ты,
Он будет другом, тебя не покинет.

Шамхат знает сны Гильгамеша и их толкование и рассказывает о них Энкиду, заключая:

«[Эти сны означают, что вы полюбите друг друга»¹.

Табличка II с продолжением этой истории полна пробелов, но понятно, что Энкиду по прибытии в Урук действительно бросает вызов Гильгамешу, и они

Стали биться на улице, на широкой дороге, —
Обрушились сени, стена содрогнулась.

---

¹ В переводе И. Дьяконова эта строка отсутствует. — *Перев.*

Затем, после вмешательства Нинсун, плачущий Гильгамеш произносит речь, которая в дошедших до нас текстах в основном непонятна. Тем не менее

Стоит Энкиду, его слушает речи,
Огорчился, сел и заплакал,
Очи его наполнились слезами:
Без дела сидит, пропадает сила.
Обнялись оба друга, сели рядом,
За руки взялись, как братья родные.

Пропуски в тексте делают тайну этих героев древности еще более непостижимой. Отчасти содержание текста понятно: как и во всех обществах воинов бронзового и железного века, среди разнообразных человеческих отношений превыше всего ценилась связь между мужчинами (и включала такая связь сексуальную составляющую или нет, в любом случае это была связь людей одного пола, то есть гомосексуальная). Близость с женщиной в определенном смысле облагораживает мужчину, отдаляя его от животных и готовя к жизни в городе, — именно встреча с Шамхат отдаляет Энкиду от природы и готовит его к приходу в Урук¹. Что касается Шамхат,

---

¹ Облагораживающий эффект общения с женщиной блистательно описан Лесли Фидлером в книге «Любовь и смерть в американском романе» (Fiedler, Leslie. *Love and Death in the American Novel*). Автор выявляет мифологическую составляющую таких образов, как тетушка Салли из «Гекльберри Финна». Она — одна из множества героинь американской литературы, которых следует избегать настоящим мужчинам, поскольку такие женщины не позволяют им отправиться в неведомые края на поиски мужской дружбы. — *Авт.*

она, судя по всему, не простая блудница. Она пользуется огромным влиянием, являясь царю во сне и будучи предметом его самых интимных бесед с матерью. Скорей всего, она принадлежит к группе священных блудниц, проституток, которых освятили для служения одному из богов. В рамках ритуала с ними на территории храма совокупляется верховный жрец. Более того, эпитеты, используемые для описания Энкиду — «подобье Ану», «порожденье полуночи, воин Нинурты», «топор», по словам переводчицы Стефани Далли, «обыгрывают термины, которые обозначали служителей культа богини Иштар для неизвестных точно форм половой близости; такие люди существовали в частности в Уруке». Иными словами, речь идет о сакральной мужской проституции.

Гильгамеш и Энкиду, теперь верные друзья, связаны между собой теснее, чем муж и жена. Поклявшись защищать друг друга до самой смерти, они принимают решение убить чудище Хумбабу, жуткое создание, чье лицо напоминает клубок внутренностей:

Хумбаба — ураган его голос,
Уста его — пламя, смерть — дыханье!

Могучий воин Гильгамеш обращается к Энкиду:

«Возьми меня за руку, друг мой, и отправимся в путь!
Твое сердце скоро возжаждет (?) сражения;
забудь о смерти и

[думай только о] жизни (?)».

Муж силен, готов к бою, надежен.

Он идет впереди (и) охраняет тело (друга),
бережет своего товарища.
Им предстоит увенчать славой свое [будущее(?)]»¹.

С помощью Энкиду Гильгамеш уничтожает страшного Хумбабу. Это весьма грязная работа, после которой царь отмывается, облачается в чистые одежды и венчает себя тиарой. Приняв столь приятное обличье, он привлекает внимание Иштар, богини любви и войны:

«Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
Зрелость тела в дар подари мне!
Ты лишь будешь мне мужем, я буду женою!»

Но Гильгамеш знает, что у богини было множество возлюбленных и всем им она рано или поздно давала отставку. «Какого супруга ты любила вечно?» — спрашивает Гильгамеш.

«...Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!»

И Гильгамеш перечисляет многочисленных любовников Иштар и говорит о печальной участи, которая постигла их по ее вине (ведь она, в конце концов, богиня любви и войны). Он начинает с пастуха Думузи, ощущая свое сходство с ним:

«Супругу юности твоей, Думузи,
Из года в год ты судила рыданья».

---

¹ Данный отрывок отсутствует в переводе И. Дьяконова. Скобки и знаки вопроса представляют собой пометы Стефани Далли, перевод которой использует автор.— *Перев.*

Думузи, умирающий и воскресающий бог шумерской мифологии, подобный египетскому Осирису, греческому Адонису и многим другим, был горячо любим простым народом, который воспринимал смену времен года как его ежегодную смерть («рыдания из года в год») и возрождение к жизни. Его участь так трогала шумеров, что во время зимних дождей они оплакивали горькую долю Думузи. Не исключено, что история его несет в себе слабый отзвук тех времен, когда цари Шумера — и других древних обществ — считались супругами богини и их периодически приносили в жертву во имя плодородия.

Гильгамеш заканчивает перечень любовников Иштар богом садов Ишуллану, изобретательности которого были во многом обязаны своей красотой города Шумера. Участь этого бога чем-то похожа на судьбу Думузи:

«Ишуллану, садовника отца, ты любила.
Что тебе постоянно носил фиников гроздь,
Каждый день тебе стол украшая, —
Подняла ты очи, к нему подошла ты:
«О мой Ишуллану, твоей зрелости вкусим,
И, рукою обнажась, коснись нашего лона!»
Ишуллану тебе отвечает:
«Чего ты от меня пожелала?
Чего мать не пекла моя, того не едал я, —
Как же буду есть хлеб прегрешенья и скверны?
Будет ли рогожа мне от стужи укрытьем?»
Ты же, услышав эти речи,
Ты его ударила, в паука превратила,
Поселила его среди тяжкой работы, —
Из паутины не вылезть, не спуститься на пол.
И со мной, полюбив, ты так же поступишь!»

От слов Гильгамеша, который «перечислил... все мои прегрешенья и все мои скверны», Иштар приходит в ярость, поднимается на небеса и убеждает своего отца, бога Ану, послать на землю Небесного Быка, чтобы уничтожить Гильгамеша. Но Гильгамеш и Энкиду вместе побеждают непобедимого Быка и разделяют его тушу. За такую дерзость один из друзей должен умереть, и выбор Небесного Совета падает на Энкиду. Почему именно на него? Текст табличек, изобилующий повторами и пространными рассуждениями на посторонние темы, становится необыкновенно лаконичным и явно что-то недоговаривает. Можно предположить, что Гильгамеш избежал гнева богов, поскольку у него есть собственный бог-покровитель — его покойный отец Лугальбанда, чью статуэтку он умащивает, посвящая ему свой трофей — огромные рога Быка, теперь богато украшенные «тридцатью минами лазури» и оправленные в «две мины золота». Такое почитание предка или иного домашнего бога, присутствие которого символизировало небольшое изображение, было принято во многих древних обществах.

На смерть Энкиду Гильгамеш слагает скорбный гимн, необыкновенно нежный для представителя столь древней цивилизации. Гильгамеш требует, чтобы Энкиду оплакивали не только все жители Урука, но и дикие звери и даже деревья. Таким образом, статус (и в определенной степени образ) Энкиду приближается к статусу несчастного, всеми любимого Думузи. Гильгамеш заканчивает свою траурную песнь жестом, который много столетий спус-

тя повторит Ахиллес в «Илиаде», оплакивая смерть своего соратника Патрокла:

«Стал ты темен и меня не слышишь!» —
А тот головы поднять не может.
Тронул он сердце — оно не бьется.

Гильгамеш плачет над телом друга шесть дней и семь ночей, пока в нос Энкиду «не проникли черви», и лишь после этого позволяет похоронить его.

Энкиду, как и все, кто умирает, отправляется в Кур, темное, мрачное, безотрадное место за рекой. Паромщик — образ, близкий к Харону в более позднем греческом мифе об Аиде, — перевозит обнаженные, ослабевшие души мертвых в их последнее пристанище, где «паразиты поедают [их], как старое одеяло», где они «сидят в ущелье, наполненном прахом». (Эта картина имеет определенное сходство с изображением ада средневековыми художниками.) Гильгамеш намерен избежать судьбы всех людей, открыв тайну бессмертия. Но бессмертие даровано лишь одному смертному — Утнапишти. Боги оценили добродетели этого героя шумерской мифологии (возможно, послужившего прообразом Ноя в более позднем библейском сюжете) и помогли спасти его семье и оставшимся на земле живым существам во время всемирного потопа. Прежде чем уничтожить человеческий род, боги повелели Утнапишти построить ковчег.

После страшных приключений среди людей-скорпионов («грозен их вид, их взоры — гибель») отважному Гильгамешу удастся отыскать хозяйку

пивной, которая знает, как добраться до райского места, Дильмуна, где Утнапишти и его жена живут «как боги» и пребудут вечно. В одной из самых полных версий эпоса хозяйка пивной дает Гильгамешу мудрый совет:

«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека».

После сражения с «каменными идолами» Гильгамеш наконец добирается до «далекого» Утнапишти; и шумерский Ной огорошивает его еще более резкими словами:

«[Зачем(?)] ты напрягался? Чего ты добился (?)?
Утомлен ты недосыпаньем,
Ты лишь наполняешь свою плоть печалью,
Лишь приближаешь далекие дни (расплаты).
Слава людей падает, точно срезанный тростник.
Прекрасный юноша, прекрасная девушка,
[   ] Смерти.
Никто не видит Смерть,
Никто не видит лицо Смерти.

*Никто не слышит голос Смерти*¹.

Ярая смерть не щадит человека:

Разве навеки мы строим дома?

Разве навеки ставим печати?

Разве навеки делятся братья?

Разве навеки ненависть в людях?

Разве навеки река несет полые воды?

Стрекозой навсегда ль обернется личинка?

Взора, что вынес бы взоры Солнца,

С давних времен еще не бывало:

Пленный и мертвый друг с другом схожи —

Не смерти ли образ они являют?

Человек ли владыка? Когда Энлилль благословит их,

То собираются Ануннаки, великие боги,

Мамет, создавшая судьбы, судьбу с ними вместе судит:

Они смерть и жизнь определили,

Не поведали смертного часа,

А поведали: жить живому!»

Этой здоровой сентенцией, которая, похоже, и представляет собой главный урок эпоса, мы завершим рассказ о Гильгамеше, но сначала подытожим прочитанное. Хотя неискушенный читатель может легко спутать некоторые качества шумеров (например, находчивость и восхищение бесстрашием) с достоинствами, что ценятся в нынешнем обществе, не следует забывать: в древнем контексте назначение этих качеств совершенно иное. Изобретать — прерогатива богов, сами люди — их творения, созданные лишь для того, чтобы служить богам и ублажать их жертвоприношениями. Напористость воинов, подоб-

---

¹ Отрывок, выделенный курсивом, отсутствует в переводе И. Дьяконова. — *Перев.*

ных Гильгамешу, и тесные узы мужской дружбы были насущно необходимы городам-государствам Шумера, которые, несмотря на единую культуру, постоянно воевали между собой, как позднее воевали города-государства Греции. Однако ни город, ни воин не могут побеждать бесконечно. Даже боги порой ссорятся друг с другом; и, скорей всего, Гильгамеш остался в живых (вопреки воле разгневанной Иштар) благодаря покровительству двух богов — мудрой дикой буйволицы, которая дала ему жизнь, и своего отца, обожествленного Лугальбанды. Но кто знает, в какое мгновение человек навлечет на себя гнев одного из множества богов и погибнет? И даже если кому-то удастся избежать такой судьбы, его неизбежно поджидает Смерть, которая положит конец его счастью.

В «Эпосе о Гильгамеше» слышится слабый отголосок мотивов, которые более определенно выражены в первых книгах Библии. Хотя библейские книги были записаны гораздо позднее, их связь с шумеро-аккадским эпосом очевидна. Эта связь прослеживается, в частности, в истории о всемирном потопе, когда остатки всего живого спасаются от гибели в ковчеге¹. Утнапишти и его жена, которые стали «как боги» в райских кущах Дильмуна, напоминают Адама и Еву. Последние возжелали стать «как боги»

---

¹ Обнаружение «Ноя» у шумеров при первых попытках расшифровать клинописные таблички в конце XIX в. вызвало не меньший переполох, чем теория Дарвина: викторианцы полагали, что Библия не имеет предыстории, поскольку представляет собой «Слово Божье». — *Авт.*

и были изгнаны из Эдемского сада, само название которого, возможно, заимствовано из шумерского языка. А когда Шамхат заверяет Энкиду, что, обретя человеческий облик, он станет больше «похож на бога», это напоминает утверждение Книги Бытия, что люди, в отличие от животных, созданы «по подобию Божию». Энкиду был создан по «подобию» или слову бога-отца, как и в акте творения в Книге Бытия, и, подобно Адаму, вылеплен из глины.

В Библии есть и более слабые отзвуки этих древнейших текстов: слова любви, которые произносит Иштар, в чем-то близки языку Песни Песней. Небесный Совет напоминает те библейские пассажи, которые создают впечатление, будто Господь советуется с прочими небесными созданиями или с ангелами, а небеса рассматриваются как своего рода высший суд. Описание царства мертвых вызывает в памяти не только греческий Аид, но и еврейскую преисподнюю — Шеол. Картина возникновения вод потопа из первозданного хаоса, окружающего Небо–Землю, вселенную, придуманную богами, заставляет вспомнить первозданный хаос, с которого начинается сотворение мира в начале Книги Бытия. Житейская мудрость речей Утнапишти и хозяйки пивной переключается с поучительным тоном иных библейских книг, и в первую очередь Екклесиаста, циничного и пресыщенного жизнью.

Единственный мотив «Эпоса о Гильгамеше», который не затрагивается ни в одной из книг Библии, — это плодородие. Вернее сказать, подход Библии к данной теме отличается так резко, что делает ее неуз-

наваемой. Жители Урука с благоговейным трепетом взирают на возносящийся над городом храм Иштар, место отправления священных сексуальных ритуалов с участием мужчин и женщин, занимающихся проституцией. Эти ритуалы возвращают нас в мир, еще более древний, чем Урук, мир, где соитие людей рассматривалось как одно из проявлений космического единства Неба—Земли, великой машины плодородия, созданной богами. При этом считалось, что последние не только породили все сущее, но и обладают выраженной половой принадлежностью.

Мы побывали в Уруке, городе из обожженного кирпича, раскинувшемся на берегу Евфрата под жарким месопотамским солнцем, мы получили представление о людях, его населявших, и познакомились с преданиями, что долгие годы передавались из уст в уста и были одним из основных развлечений народа. Теперь давайте заглянем в глубины шумерской души и познакомимся с фундаментальными установками, которые сплачивали это общество, и основами мировоззрения шумеров. Как ни парадоксально, погружаясь в эти глубины, мы вынуждены будем карабкаться вверх по крутой лестнице, чтобы войти в величественный храм Луны, который возвышается над другим городом — Уром, столицей Шумерского царства. Приближаясь к средоточию тайны, мы должны ответить на ряд вопросов, касающихся этого места.

Почему все древние храмы и святилища сооружались на самых высоких из доступных для строительства мест? Потому, что такие места ближе всего к небесам. А почему самое священное пространство на-

ходится вблизи небес? Да потому, что небо — противоположность преходящей земной жизни, обитель всего вечного. Когда первобытный человек поднимал глаза к небесам, перед ним тянулась бесконечная вереница божественных образов, разворачивалась захватывающая своим неизменным порядком и предсказуемостью космическая драма. Он видел вечные образы, которые воспроизводила жизнь смертных, но эти два мира разделяла настоящая бездна, ведь жизнь небес, жизнь богов вечна, тогда как жизнь на земле преходяща и завершается смертью. Для первых древних людей, которые осмысленно наблюдали за небесной драмой, эти представления не требовали доказательств и не подлежали обсуждению; они носили непосредственный и очевидный характер само собой разумеющихся истин. Эти представления и были изначальным религиозным опытом. По словам выдающегося современного исследователя религии Мирче Элиаде, «выражение „созерцание небосвода“ имеет вполне реальное значение применительно к первобытному человеку, который восприимчив к повседневным чудесам до такой степени, что нам трудно даже представить. Такое созерцание сродни открытию. Он видит небо таким, каково оно есть: беспредельным, трансцендентным. Небесный свод более чем что-либо иное представляет собой „нечто запредельное“ для крохотного создания, человека с его недолгой жизнью. Символика этой запредельности проистекает из осознания его бесконечной высоты. Вполне естественно, что „высшее“ становится атрибутом божественного. Сферы, недо-

сягаемые для человека, звездные дали, наделяются божественным величием трансцендентного, абсолютной реальности, вечности. Такие сферы становятся обителью богов; отдельные привилегированные представители рода человеческого [например, Лугальбанда] отправляются туда в результате ритуалов, позволяющих им подняться на небо. <...> „Высшее“ недоступно для человека как такового; оно по праву принадлежит сверхъестественным силам и существам; если человек в ходе особой церемонии поднимается в святая святых или по ритуальной лестнице восходит на небо, он перестает быть человеком».

По мере того как мы поднимаемся в святилище, первозданное мировоззрение людей, построивших эти ступени, становится все более понятным. Космология шумеров опиралась на утраченные ныне представления еще более древних обществ; с небольшими поправками эти представления считались аксиомой едва ли не всеми обществами, которые последовали за шумерским, почти до начала новейших времен. Земля мыслилась плоским кругом, который по периметру соединяется с небесным сводом. Между Землей и Небом находился Эфир, в котором высоко вверху висели астральные тела. Они проплывали перед глазами жителей Земли, отображая драму, что разыгрывалась на Небесах и предопределяла жизнь на Земле, а последняя, в свою очередь, была слабым отражением небесной драмы. Прямо под плоским кругом — Землей — располагалось царство Смерти — Аид, Шеол, мрачная преисподняя, куда отправлялись мертвые, — что-то вроде основания Моря Хаоса, ко-

торый окружал Землю–Небо со всех сторон, откуда изливался дождь и приходили наводнения. Каждая из основных составляющих была богом: Небо — отцом; Земля — матерью; Эфир, вместилище вечной, циклически развивающейся космической драмы и источник предзнаменований (для посвященного интерпретатора) вершащегося на Земле, выступал посредником между Небом и Землей, а следовательно, самым важным богом шумерского пантеона; Море всегда оставалось непредсказуемым и докучливым союзником, который требовал осторожного обращения.

Но давайте приблизимся к священной территории Луны, появление которой на ночном небе завораживало древнего человека как ничто другое. Даже сегодня полицейский в любом городе скажет вам, что в полнолуние количество преступлений возрастает и что душевнобольные, которых сводит с ума Луна, становятся в это время более активными и доставляют больше хлопот. Повивальные бабки и ветеринары убеждены, что полная Луна стимулирует схватки, и не только на скотных дворах в деревнях и селах, но и в родильных отделениях больниц крупных городов, центров цивилизации; в ночь полнолуния там полным-полно женщин, которые производят на свет свое дитя. Никто не может отрицать и той власти, которую имеет над морскими приливами и отливами Луна, что изливает с ночного неба свой вечный свет на бурлящие воды.

Мы преодолеваем последние ступени. У входа нас встречают скульптурные изображения змей с горящими лазуритовыми глазами. Миновав украшенный

колоннами фасад, мы оказываемся во внутреннем дворе, где на отдалении, в полумраке, за чередой сводов виднеется изображение бога Луны, мерцающее в свете сотен жертвенных светильников. Стены внутреннего двора украшены красными, черными и желтовато-коричневыми конусами, которые образуют правильные геометрические фигуры: треугольники, ромбы, зигзаги и спирали. И вот наконец мы входим в святилище Нанна-Сина, шумерского бога Луны, чье бесстрастное изваяние неподвижно возвышается над нами, уставившись в пространство разноцветными зрачками огромных пустых глаз. Стену позади статуи украшает фреска — внушительных размеров Луна, которую обвивает змея. На фоне лунного диска изображен гигантский черный паук с длинными, тонкими лапами. Мы ощущаем запах фимиама и слышим шипение: у ног Нанна-Сина медленно свивают и распускают кольца питоны с ярким черно-оранжевым зигзагообразным узором на спине. Какое-то движение прямо перед нами отвлекает нас от незыблемой фигуры Сина, и мы видим, что на скромном, невысоком, по пояс человеку, алтаре из обожженного кирпича громадный питон, окруженный тучами мух, заглатывает утробный плод ослицы, кровь которого ручейками стекает по аккуратным желобам в специальные чаши у основания алтаря. Запах теплой крови и внутренностей смешивается с удушающим ароматом благовоний, и мы невольно отшатываемся. Задышавшись, мы отступаем во внутренний двор.

Но сегодня ночь полнолуния; как только сгущаются сумерки и в небе появляется Луна, мы слышим

монотонное пение сотен жриц, которые подыгрывают себе, дуя в дудки и стуча в барабаны. Облаченные в замысловатые ритуальные одеяния, они собираются вокруг террасы, на которой возведен храм, и смотрят вверх, на ступенчатую пирамиду над храмом, — кажется, что она поднимается чуть ли не к самому небу. На площадке на самом верху зиккурата (так называется ступенчатая пирамида) находится маленький, ярко освещенный алтарь из лазурита, украшенный причудливыми резными изображениями змей и гигантских пауков. К алтарю привязан юноша, лежащий на спине. На нем нет одежды, а его тело расписано ромбами и зигзагами, как у кобры. Верховные жрицы, тоже обнаженные, если не считать причудливых колец и спиральных браслетов, начинают нежно ласкать юношу, массируя его тело. Луна освещает его возбужденный член, и внезапно неведомо откуда появляется главная жрица в серебристом одеянии, которое она немедленно сбрасывает. Ее нагое тело богато украшено жемчугом, а груди расписаны спиралями. Она усаживается на юношу с помощью своих сестер, которые поощряют ее криками; безумие нарастает; жрица начинает ритмично двигаться, поначалу с достоинством, затем все быстрее и неистовее; ее жемчужины дрожат в лунном свете, точно крохотные планеты; мелькают ромбы и спирали; два тела сплетаются, обливаясь потом, и кажутся уже не земной человеческой плотью, но воплощениями сверхъестественных космических сил. Жрицы низшего разряда по-прежнему стоят на террасе у основания зиккурата, а верховные служительницы

бога, расположившиеся соответственно своему рангу на ступенях зиккурата, постепенно приходят в иступление. Срывая одежды и раздирая свое тело, они с криками бросаются к вершине зиккурата и к самой Луне.

В такую минуту у гостя из иной эпохи может закружиться голова, а там недалеко и до обморока. Очнувшись, мы видим, что на террасе, освещенной призрачным светом полной Луны, не осталось никого, кроме нас. Мы поднимаем глаза на зиккурат, увенчанный пустым ярко-синим алтарем, и думаем, не приснилось ли нам все это.

Выше я попытался описать один из ритуалов, связанных с полнолунием. Разумеется, при подобной реконструкции любой ученый ошибается в тех или иных деталях. За тысячи лет шумерские храмы и зиккураты подвергались разрушительному воздействию времени и сохранились куда хуже клинописных табличек; но, имея представление о сохранившихся частях шумерских святилищ, я полагаю, что сумел вполне правдоподобно описать облик храма Луны и дополнявшего его зиккурата. Что касается церемонии в честь полнолуния, мы не знаем всех ее подробностей, но нам доподлинно известно, что в Шумере устраивались празднества в честь смены фаз Луны и что этим церемониям придавалось огромное значение. Кроме того, известно, что центром культа Луны был Ур, который традиционно считался столицей Шумера (на самом деле местоположение столицы менялось в зависимости от того, какой город входил в силу), что священные

совокупления (или «браки») были основой шумерского ритуала, что жрецы обоих полов занимались храмовой проституцией и что «эн» (верховный жрец) храма и его свита всегда были представителями противоположного пола по отношению к богу, которому они служили. Нанна-Син, шумерский бог Луны, был мужчиной, поэтому служение в его храме осуществляли жрицы. В Уруке, где особенно почиталась Иштар, переменчивая богиня любви, в храме служили жрецы-мужчины и сам царь (в качестве заместителя Думузи) ежегодно совокуплялся с храмовой жрицей, занимающейся священной проституцией (она выступала в роли Иштар), в пору посадки, роста и сбора урожая, чтобы обеспечить плодородие земель царства. Свидетелями этой церемонии были все городские власти. Осуществлялось ли таинство Луны прилюдно (то есть открыто для всего населения города-государства), или в присутствии ограниченного круга лиц (как описано выше), или втайне, сказать трудно. Однако вряд ли шумеры, которые любили изображать бога воды Энки извергающим семя в Тигр, стеснялись телесной близости; не исключено, что ритуал, описанный выше, был куда более разнузданным и включал многократные совокупления лиц обоих полов. Мне очень хотелось бы больше узнать о тех, кому в подобных ритуалах доставалась роль жертвы: растили их специально для этой роли, или изнасилованию подвергали пленников, взятых в бою? Становилась ли жертва после ритуального совокупления одним из храмовых жрецов, или ее приносили в жертву, как животное? Не

это ли происходило в глубокой древности с царем Урука, изображавшим в подобных священных действиях бога растительности Думузи? Всего этого мы не знаем, однако не вызывает сомнений, что в Шумере имели место человеческие жертвоприношения, поскольку при раскопках царских склепов археологи обнаруживали, что владыка был похоронен вместе с домочадцами и свитой.

Если мы, подобно героям фильма Стивена Спилберга, отправимся в древний Шумер, его культура поначалу покажется нам притягательной и любопытной, затем чужой и вызывающей отвращение и, наконец, пугающей и опасной. Человеческая жизнь считалась здесь бледной копией жизни вечных Небес; слабый и жалкий, человек был не властен над своей судьбой. Решения принимали боги. Вид небесных тел — должным образом растолкованный теми, кто имел доступ к тайному жреческому знанию и располагал досугом за счет прочих членов общества, — мог подсказать, как сложатся дела на Земле. Но судьба человека определялась звездами, и он не в силах был изменить свой жребий.

Не было небесного тела, которое по значимости могло сравниться с Луной, небесным отражением земной жизни. Луна рождалась, росла, слабела и умирала, совсем как люди, а затем возрождалась к новой жизни, как это случается на Земле. Но ведь человек не может вернуться? В Шумере этот вопрос не имел особого смысла, несмотря на то что доблестный герой Гильгамеш мучительно пытался ответить на него. Человека как отдельной личности в Шуме-

ре попросту не существовало; люди воспринимались как недолговечные земные проекции божественных образов, идеалов и принципов; именно поэтому схематично изображенные герои шумерских сказаний почти лишены индивидуальности. Само собой разумеется, шансов возродиться у человека имелось не больше, чем у стебля соломы. Но поля, засеянные зерном, возрождаются, а значит, возрождается и человеческая жизнь. Именно поэтому нам так мало известно о храмовой проституции и о судьбе тех, кто становился жертвами ритуалов, — их жизни не придавалось большого значения. Что значила их жизнь? Им выпала честь воспроизвести небесную драму на земле. И подобно любовникам Иштар, они выполняли отведенную им роль.

Задолго до появления на берегах Тигра и Евфрата шумерских городов, когда никто еще не помышлял о земледелии и скотоводстве, первые люди, которые устремляли осмысленный взгляд к небу, думали именно об этом. Именно восприятие отданной на волю обстоятельств земной жизни как мимолетного отражения вечной жизни Небес, открытие того, что Луна точно отражает земной цикл, включающий рождение, совокупление и смерть, с последующим возрождением вида определяли первый религиозный опыт человечества и лежали в основе всех древнейших мировых религий. В некоторых доисторических культурах Луна была женщиной, в других — мужчиной, но она все-

гда ассоциировалась с женским телом, которое, как и Луна, проходит через месячный цикл. Этот цикл связан со способностью к деторождению и подобен циклу, который проходит сама Земля. При этом во многих культурах существовало поверье, будто Земля сделана из того же вещества, что и Луна, и даже будто она — дитя Луны¹.

Чтобы получить представление о доисторическом мировоззрении, мы должны начать с беспредельного Неба и ошеломляющего впечатления, которое производила на первобытного человека его повторяющаяся драма, в особенности в предрассветное время темной ночи («ночная зона сознания», как называет ее Элиаде). Население Земли было тогда немногочисленным, и человек видел, что жизнь полна превратностей и случайностей (которые изо дня в день напоминали о смерти и возрождении), и для него было очевидно, что Земля составляет пару с недостижимым безграничным Небом. Человек отмечал самоочевидные а н а л о г и и: женщина похожа на Луну, а Луна и женщина, в свою очередь, подобны Земле; но женщина рождается и умирает, а Луна вечна. Следовательно, Луна — это вечный образ переменчивости, это модель изменчивости «вовне». Сходным образом все прочие небесные тела — Солнце, созвездия, планеты — являются вечным воплощением

---

¹ Предложенная Марией Гимбутас и другими археологами феминистского толка теория о том, что первым божеством человечества была Великая Праматерь, скорее всего, ошибочна. Первым объектом поклонения и обожествления было Небо. Земля сравнивалась по значимости с Небом лишь с появлением земледелия. — *Авт.*

ем подверженной тлену земной жизни, в которой есть свои сезоны, свои предсказуемые смерти и свои возрождения. Небо — это царство бога-отца, и ниспосланный им дождь оплодотворяет Землю, подобно сперме. Но если Небеса — обитель вечного, то Земля — это царство Смерти, здесь живут не образцы, но их смертные копии. Чтобы выросла пшеница, должно умереть семя; все живые существа появляются из тлена; любая будущая жизнь должна начинаться с принесения в жертву жизни существующей, а все живое на Земле в конце концов умирает.

Убежденность первобытных людей в правильности своего истолкования реальности сегодня может показаться наивной. Но не следует забывать, что их представление о сходстве или аналогии опирается на метафору (как в поэтическом выражении «свод небесный») и эта метафора является основой любого языка, мысли и религии. Почти наверняка любой язык начинался как поиск метафоры. Скорей всего, поначалу это была попытка человека подражать определенным звукам. Например, сочетание слогов «ма-ма», которое с небольшими модификациями означает во всех языках «мать», возникло как подражание звукам, что издает младенец, сосущий грудь. Где-то в глубине каждого из нас по-прежнему живет потребность в поиске соответствий; по сути, это потребность ощутить себя частью мироздания. Именно поэтому что-то внутри нас произвольно откликается на метафору. Мы не можем остаться равнодушными, услышав: «Серебряный налив луны // И солнца золотой

налив»¹ или «Любовь, как роза красная, цветет в моем саду»², поскольку подобные параллели придают языку невероятную глубину и напряженность.

Небо уже не кажется нам — исключая разве что составителей гороскопов — циклически повторяющейся картиной жизни богов, которая представляет собой модель или предсказание земной жизни. И все же оно остается нашей основной метафорой для беспредельного и трансцендентного. Думаю, этого не избежать, ведь мы по-прежнему смотрим на мир глазами наших далеких предков и зачастую испытываем те же тревоги и страхи, что и они.

---

¹ Строки из стихотворения У. Б. Йетса в переводе Г. Кружкова. — *Перев.*

² Строка из стихотворения Р. Бернса в переводе С. Маршак. — *Перев.*

II Путь во тьме

Переворот в сознании

В циклически возобновляющейся небесной драме первобытные люди видели вечную, подобную колесу модель, которая предопределяла преходящую земную жизнь. В центре Колеса Жизни была Ступица Смерти. Найденные древними параллели между земными и небесными реалиями нашли отражение в первобытном искусстве: практически все дошедшие до нас древнейшие памятники изобилуют изображениями спиралей, зигзагов и ромбов. Спираль, которая вечно вращается и вечно возрождается, отражает циклический характер реальности: фазы Луны, смену времен года, циклические изменения женского тела, вечное вращение Колеса рождения, совокупления и смерти. Зигзаги могут символизировать молнию, которая ассоциировалась с Луной, поскольку считалось, что Луна управляет водой и плодородием, а молния предвещает грозу. В еще более глубокой древности зигзаги, обнаруженные на керамике эпохи неолита и среди древнейших египетских

иероглифов, служили обозначением проточных вод. Ромб был древним символом женской вульвы, позднее он превращается в расщепленный треугольник, исходную шумерскую пиктограмму для обозначения «женщины». Недавно в Австралии были найден 130-футовый¹ монолит из песчаника, на котором вырезаны серии кругов. Возможно, этот образчик древнейшего искусства, возраст которого составляет 75 тысяч лет, — первая дань первобытного человека Великой Модели, что встречается его повсюду, вечно вращающемуся Колесу.

Религия — сложный, развивающийся феномен. Вскоре более изощренными становятся и параллели, для их верной интерпретации и эффективного применения теперь уже требуются жрецы и шаманы различных рангов. Земным олицетворением Луны во многих культурах становится фаллический змей; сбрасывая кожу и исчезая в определенное время года, он словно бы умирает и возрождается. При исследовании весьма далеких друг от друга китайских культур эпохи неолита Баншань и Нянь-Ян и американо-индейской цивилизации Кальчаки найдены изображения украшенных ромбами змей, которые сочетают признаки мужского и женского пола, — символ повторяющегося воссоединения двух начал, истока плодородия. Другим лунным созданием был паук, чья серебристая циклическая паутина, подстерегающая жертву, подобна судьбе человека — им, как и всеми живыми существами, управляет Луна.

---

¹ Примерно 40-метровый. — *Ред.*

(Прясть — значит предопределять; и некоторые из древнейших слов для понятия «судьба», такие как англосаксонское *wurd*, происходят от индоевропейского *wert*, которое означает «вертеть» или «скручивать нить».) Бык с его изогнутыми полумесяцем рогами, символом лунного серпа, ассоциировался с Нанна-Сином, богом Луны, «могучим тельцом с сильными рогами», «молодым быком небесным». Жемчуг — крохотная сияющая луна, зреющая в раковине моллюска, — служил амулетом бога Луны. В доколумбовой Мексике священным символом

1					
2					
3					
4					

Рис. 2. Развитие письма:

1 — первоначально пиктограммы верхнего ряда означали «звезда», они же имели значение «бог»; 2 — расщепленный треугольник (древним прообразом которого был ромб) обозначал женские гениталии; он же имел значение «женщина»; 3 — пиктограммы со значением «горы»; 4 — пиктограммы со значением «женщина горы», то есть рабыня семитского происхождения. Слева направо показано, как исходная пиктограмма превращается в символ, который легко выдавливать на глине небольшой заостренной палочкой, — так появилась клинопись.

Луны была улитка, которая, подобно ночному светилу, то показывает, то убирает рога, а в Европе ледникового периода чтили медведя, который то появлялся, то исчезал в зависимости от времени года и считался прародителем человечества. У столь далеких друг от друга народов, как африканские бушмены, самоеды (саами) и китайцы, были обнаружены целые группы лунных фигур, у которых чего-то недоставало (как у неполной Луны), руки или ноги. Таким статуэткам приписывалась способность вызывать дождь, а значит, обеспечивать плодородие.

Параллели, которые были очевидны для первобытного человека, кажутся нам, людям постаристотелевской культуры, скорее нелепыми, чем удачными. Чтобы увидеть мир глазами первобытного общества, мы должны забыть о нашей науке и нашей логике. «Смысл всех этих аналогий, — пишет Элиаде, — главным образом в том, чтобы соединить человека с ритмами и энергией космоса, а затем унифицировать эти ритмы», как это происходит в ритуале священного совокупления, «совместить центры и в конце концов совершить скачок к трансцендентному», к тому, что Элиаде называет «изначальным единством». Первобытная теология преследовала ту же цель, что и прочие попытки человека найти истину: наши далекие предки искали действительного знания, знания, которое обеспечит им процветание, потомство и единственную форму бессмертия, доступную человеку, — продолжение рода. Склонные к мистике верили, что это знание поможет им вступить в контакт с высшими силами. Любой ритуал,

будь то таинство евхаристии во время мессы, ритуальный танец дервиша или шумерский оргазм, имеет мистическое ядро, высшую сакральную точку, кульминационный пункт, который находится вне времени; и цель каждого ритуала — экстатическое, пусть и мимолетное, слияние с трансцендентной реальностью, с запредельным, с тем, что не подвержено изменениям. Для древних такая реальность находилась за пределами Земли и даже за пределами Луны, вдали от всего сущего. *Supra lunam sunt aeterna omnia*, — писал Цицерон, вторя древнейшей средиземноморской вере в абсолюты. «Выше Луны все вечно».

Спустя один-два века от начала 2 тыс. до н. э. одну из семей Ура перестали удовлетворять столь статичные представления о высших абсолютах и земных пороках. Это была семья Фарры, как записано в Книге Бытия, первой книге Библии:

Вот родословие Фарры: Фарра родил Аврама¹, Нахора и Арана. Аран родил Лота.

И умер Аран при Фарре, отце своем, в земле рождения своего, в Уре Халдейском².

---

¹ Позднее Аврам станет Авраамом. Я использую новый перевод Книги Бытия, блестяще выполненный Эвереттом Фоксом. Этот перевод значительно ближе к тексту на иврите, чем большинство англоязычных переводов, в том числе и в отношении фонетической передачи имен. — *Авт.*

² Выражение «Ур Халдейский» представляет собой анахронизм — его добавил переписчик, чтобы определить местоположение

Аврам и Нахор взяли себе жен; имя жены Аврамовой: Сара; имя жены Нахоровой: Милка, дочь Арана, отца Милки и отца Иски.

И Сара была неплодна и бездетна.

И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую. Но, дойдя до Харрана, они остановились там.

И было дней [жизни] Фарры двести пять лет, и умер Фарра в Харране (Быт. 11:27–32)¹.

Этот отрывок мог бы показаться читателю невыразительным повествованием, которое безыскусностью и странностью своей (Фарра, кем бы он ни был, прожил чуть более 200 лет) напоминает шумерские сказания, если бы не отсутствие мифологической составляющей. Однако нельзя не заметить очевидного отличия: в отрывке бережно сохранены имена и родословная древних героев (даже женщин), которые не были ни богами, ни царями; при этом приведенные сведения очень похожи на точные генеалогические данные.

Ура для читателей более позднего периода, когда в долине Евфрата господствовали халдеи. (Впоследствии халдейскими христианами стали называть одно из национальных меньшинств Ирака.) В Книге Бытия встречается много подобных неточностей. — *Авт.*

¹ Здесь и далее ссылки на цитируемые места Библии приводятся, если пассаж включает не менее одной полной фразы. Цитаты меньшего размера, как правило, находятся в непосредственном соседстве с более пространными отрывками. Ссылка состоит из названия книги Библии, номера главы и — через двоеточие — номера стиха. — *Авт.*

Семья Фарры принадлежит к семитскому племени, давно осевшему в Уре, который стал для Фарры *землей рождения*. Его предками были кочевники, которые захватили Шумер и постепенно усвоили его чрезвычайно высокую урбанистическую культуру. Приведенные здесь строки — перевод с семитского языка иврит — следуют в Книге Бытия непосредственно за историей происхождения человека, от сотворения мира до потопа. Но в отличие от предшествующего повествования, хроника семейства Фарры напоминает не сказку, но попытку подлинно исторического описания событий; и хотя этот текст, скорее всего, был записан менее трех тысяч лет назад, он является порождением устной традиции, которая возвращает нас почти на четыре тысячи лет назад, к началу 2 тыс. до н. э., к золотому веку Вавилонии под управлением Хаммурапи, правителя первой в мире империи.

Нам не ведомо, что было на уме у этих жителей Ура, когда они отправились в путь. Скорей всего, ничего особенного. Они двигались на северо-запад вдоль Евфрата, в Харран, город, где тоже поклонялись Луне, родной брат Урука, очень похожий на него внешним обликом — как Сан-Франциско похож на Нью-Йорк. Возможно, в первую очередь переезд был продиктован желанием улучшить свои перспективы; к тому же есть основания полагать, что семья Фарры намеревалась осесть в Харране. Для Авраама, однако, Харран был лишь временным пристанищем. Самое странное в этом отрывке — замечание, что конечной целью путешествия была *земля Ханаанская*,

своего рода «глубинка», где семитские племена (по крайней мере, в карикатурном описании шумеров) ели сырое мясо и не имели понятия о погребении покойных соплеменников. Никому из тех, чья семья обосновалась в Уре, и в голову не приходило оставить его, разве что переселиться в подобный ему город. Но здесь мы наблюдаем миграцию в ошибочном направлении, возвращение к корням, от которых представители семитских племен, живущие в городах, были отрезаны веками. Однако именно этому странному переселению было суждено изменить лицо Земли, совершив настоящий переворот в умах и душах людей.

В Харране Фарра и его семья добились процветания; скорей всего, именно в Харране голос, обращенный к Авраму, изрек:

«Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе.

И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение!

Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные!» (Быт. 12:1–3).

И пошел Аврам, — комментирует неизвестный повествователь. *И вместе с Аврамом в путь отправились Лот, Сара и все имение, которое они приобрели, и все люди, которых они имели в Харране, то есть с места вновь снялись две большие семьи вме-*

сте со слугами и хозяйством. Однако помимо домо-
чадцев, имущества и рабов они взяли с собой свое
шумерское прошлое. Хотя пуститься в подобное
путешествие значило резко порвать с прежней жиз-
нью, Аврам, Сара, Лот, их родные и их рабы были
выходцами из Шумера, склад их ума определялся
шумерской культурой так же неизбежно, как наш
образ мышления формируется современной куль-
турой. Зарождалось нечто новое, но, как это всегда
бывает, его окружали старые, привычные реалии
повседневной жизни. *Nova ex veteris* — гласит ста-
рый латинский парадокс. «Новое может родиться
только из старого».

Прежде всего, очевидно, что эта семья разделя-
ла шумерские представления о важности матери-
альных ценностей; иначе немногословному повест-
вователю не пришлось бы в голову упомянуть *все*
имение, которое они приобрели, — все богатство, ко-
торое было нажито в Харране. Отчасти нам извест-
ны и представления, которые они взяли с собой, —
их интеллектуальный багаж для нас почти прозра-
чен, — поскольку в древнейших записях потомков
Аврама явно просматриваются религиозные пред-
ставления шумеров. Голос, который говорил с Ав-
рамом, был голосом божества-покровителя; и для
Аврама оно, скорей всего, практически не отлича-
лось от Лугальбанды, чью статуэтку Гильгамеш
умаскивал на счастье. Богов было множество, но
у каждого человека имелся дух-покровитель (пре-
док или ангел), который заботился о нем. Эти бож-
ки, символами которых служили амулеты и стату-

этки, были в основном родовыми (персональными, семейными, городскими, племенными) и, как любые родственники, отличались ревнивым и вздорным нравом. Далеко не всегда эти божества чинили зло, однако нередко оказывались бессильны предотвратить его; впрочем, сами люди также были исполнены пороков. «Лжив человек», — глубокомысленно заявляет Утнапишти. «Не родилось еще безгрешное дитя», — предостерегает популярная шумерская поговорка. Чтобы преуспеть, следовало так или иначе воздать должное соответствующему божеству — оттого-то так точны и подробны описания шумерских храмов, потому с таким усердием исполнялся ритуал богослужения (включая оргии и священные совокупления). Именно скрупулезное внимание к деталям обряда сделало Утнапишти праведником. Для шумеров подобные проявления благочестия были единственным средством защиты от злой воли богов.

В «Эпосе о Гильгамеше» мы видели множество мифологических мотивов, которые нашли отзвук в Библии. (История Гильгамеша была столь яркой, что оказала влияние как на греческие мифы, собранные Гомером в «Одиссее», так и на памятник средневековой арабской литературы «Тысяча и одна ночь».) В VI в. до н. э. в иерусалимском Храме израильские женщины все еще оплакивали бога Думузи (в Библии — Фаммуз), которого с отвращением упоминает пророк Иезекииль. (Миф об умирающем и возрождающемся боге отбрасывает такую длинную тень, что даже сегодня один из месяцев еврейского

календаря называется таммуз.) Несомненно, семья Фарры взяла с собой в путешествие шумерские сказания о предках-долгожителях и сварливых богах, такие как история о ревнивой богине Иштар, что обладала священным «древом жизни», которое охраняла змея, и предание о далеком предке, чья праведность позволила ему уцелеть во время великого потопа и спасти жизнь на земле. И когда семья Фарры оглядывалась назад, на восток, где остался Шумер, вдали, на горизонте, еще долго виднелся зиккурат Харрана — свидетельство дерзкой попытки шумеров подняться к небесам, которая позднее повторится в истории легендарной, нелепой Вавилонской башни в Книге Бытия.

Однако верно и то, что какой бы «шумерской» ни казалась со стороны эта экспедиция в пустыню, тот, кто ее возглавлял, нес с собой совершенно новую идею. Нам известно, что Аврам направлялся в Ханаан, но так ли это? Возможно, упоминание Ханаана в итоговом отчете о потомстве и похождениях Фарры и его семьи еще не говорит о том, что это место было известно Авраму в начале пути. Нет причин полагать, что Аврам знал, куда направляется, или располагал какими-то сведениями, помимо слов, сказанных ему богом: он должен *пойти из земли своей* (ивритский императив *lekh-lekha* несет в себе безотлагательную необходимость, который не может передать английский язык) туда, откуда нет возврата, в *землю, которую Я укажу тебе*, и тогда бог неведомым образом сделает этого бездетного человека *великим народом и благословятся в нем все племена земные*.

Wayyelekh Avram (*И пошел Аврам*) — это, вероятно, самые дерзновенные слова во всей мировой литературе. Они воплощают в себе уход от всего, что происходило раньше в процессе длительной эволюции культуры и восприятия. Из Шумера, цивилизованной обители предсказуемого, исходит человек, который не знает, куда направляется, но держит путь в пустыню, как заповедал ему бог. Из Месопотамии, родины осмотрительных, своекорыстных торговцев, которые ищут покровительства богов ради процветания, без меркантильных целей выходит богатый караван. Из недр древнейшего человеческого сообщества, которое с незапамятных времен, едва начав осознавать себя, искало подтверждения вечных истин среди звезд, исторгается группа людей, что бредут неведомо куда. Из рядов рода человеческого, который убежден, что любые стремления заканчиваются смертью, выступает лидер, который заявляет, что ему обещано невозможное. Из воображения смертного проистекает мечта о новом, лучшем, о том, чему предстоит произойти в будущем.

Что бы мы услышали, если бы жили во 2 тыс. до н. э. и могли опросить все народы Земли о том, как они относятся к путешествию Аврама? На большей части территории Африки и Европы, где доисторический анимизм был обычным делом и люди продолжали вырезать и рисовать на камне небесные символы великого Колеса жизни и смерти, над Аврамом бы попросту посмеялись, посчитав его безумцем, и указали бы на небеса, где решается земная судьба. «Его жена бесплодна, как зима, — сказали бы

нам. — Человек не может избежать своей участи». Египтяне бы недоверчиво покачали головами. «Никто не рождается мудрым, — изрекли бы они, вторя самым авторитетным своим мыслителям. — Надо следовать примеру предков. Научите его тому, что было сказано в прошлом, и он станет хорошим примером другим». Древние греки, наверное, напомнили бы Авраму историю Прометея — поиски божественного огня закончились для него весьма печально. В Индии Авраму сказали бы, что время неразумно и безжалостно. Не ставь перед собой задачи завершить что-либо в срок — это приведет лишь к страданию. Китайские мудрецы, чьи мысли нашли отражение в «И цзин» («Книге перемен»), предостерегли бы его, что ни в путешествиях, ни в любых иных земных стремлениях нет никакого смысла; самое важное — гармонизировать жизнь, избегая закона перемен. Предки племен майя в Америке указали бы на свои круглые календари, которые, подобно календарям китайцев, воспроизводили неизменную последовательность лет, и объяснили бы, что все повторяется и судьба каждого человека предрешена. На всех континентах, в любом обществе Аврам получил бы один и тот же совет, который давали своим последователям столь разные мыслители, как Гераклит, Лао-Цзы и Сиддхартха: не пускайтесь в путь, но оставайтесь на месте; обретите гармонию с рекой жизни, созерцайте ее непрерывное и бесцельное течение, размышляя обо всем, что было, есть и будет, пока это зрелище не поглотит вас, и тогда вы примиритесь с Великим Колесом, и

с вашей собственной смертью, и со смертью всех созданий в мире, что подвержен разрушению.

По прибытии в Ханаан *прошел Аврам по земле сей до места Сихема*, которое станет святыней для его потомков, поскольку Аврам *создал там жертвенник*, небольшой алтарь под дубовым деревом, где он мог приносить в жертву своему богу животных. И здесь, на привале, бог впервые определил эту землю как Землю Обетованную: «*Потомству твоему отдам Я землю сию!*» *Землю сию* — весьма туманное определение; ведь границ в то время не существовало. Но с этого момента на протяжении многих лет каждый раз, когда бог говорит с Аврамом, обещание, данное вначале, становится все более конкретным. И все же многие годы Аврам и его люди, избалованные городской жизнью, не имеют ни постоянного места жительства, ни прав на владение какой-либо землей, они живут скитальцами — и именно так описывают себя сами. Мы начинаем подозревать, что те, кто последовал за Аврамом, пали жертвой собственного невежества, поддавшись обаянию его сильной личности, и что сам Аврам предавался несбыточным мечтам, приняв собственные безумные фантазии за голос свыше.

Однако Аврам демонстрирует находчивость, не свойственную безумцу. Когда в Ханаане начинается голод, Аврам направляется в Египет — *пожить там*. И на этой совсем чужой земле, где ему приходится остерегаться не полудиких племен, но могущественного фараона, перечить которому не осме-

ливается никто, Аврам разрабатывает план, говоря своей жене, Саре:

«Вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом. [Наверное, Саре было приятно услышать хвалу мужа, но сказанное далее заставило ее лицо вытянуться.]

И когда Египтяне увидят тебя, то скажут: «Это жена его», и убьют меня, а тебя оставят в живых.

Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя» (Быт. 12:11–13).

Разумеется, фараон взял Сару в наложницы, а Аврам получил взамен *мелкий и крупный скот, и ослов, и рабов, и рабынь, и лошаков, и верблюдов*¹. Текст умалчивает, удалось ли фараону познать Сару, а равно не говорит ни слова о том, как она отнеслась к случившемуся. Однако нам известно, что бог Аврама *поразил тяжкими ударами фараона и дом его* и что фараону каким-то образом удалось выяснить причину происшедшего. Когда Аврам предстал перед фараоном, тот воскликнул достопамятное: *Ma-zot?! («Что это?!»)* — в современном

---

¹ Большинство ученых считают, что упоминание одомашненных верблюдов во времена Аврама является анахронизмом, поскольку все данные, кроме библейского текста, говорят о том, что верблюды стали регулярно использоваться в качестве вьючных животных примерно с 1000 г. до н. э. Другие исследователи полагают, что отсутствие таких свидетельств не является достаточным основанием, чтобы упрекнуть библейский текст в неточности. — *Авт.*

Израиле это восклицание, не лишенное оттенка комизма, выражает растерянность и огорчение. Продолжение речи фараона сродни сцене из старого водевиля:

«Для чего не сказал мне, что она жена твоя?»

Для чего ты сказал: «Она сестра моя?» и я взял было ее себе в жены. И теперь вот жена твоя; возьми и пойдешь!» (Быт. 12:18–19).

Стражи фараона в два счета проводили Аврама, и жену его, и все, что у него было, к египетской границе. Приведенная цитата завершает главу; повествователь, который явно наслаждается разыгранным фарсом, сообщает, что Аврам не только спас свою шкуру, но и значительно умножил состояние. В начале следующей главы, чтобы мы ненароком не упустили самое важное, рассказчик напоминает, что *поднялся Аврам из Египта и был... очень богат скотом, и серебром, и золотом*. Сара в этой истории оказалась пешкой, с чьими чувствами можно было не считаться; главное здесь — находчивость прародителя-кочевника, который сумел обвести вокруг пальца египетских сановников.

Каким образом не имеющему реальной власти Авраму, бездомному скитальцу из Ханаанской пустыни, удалось вступить в контакт с могущественным фараоном, правителем Египта? Ответ на этот вопрос дает удивительный эпизод, который следует за происшествием в Египте. Когда миновал голод, племянник Аврама, Лот, поселился в Содоме, одном из горо-

дов окрестности, который находился, по-видимому, там, где сегодня расположена южная часть бассейна Мертвого моря. Сам Аврам отказался от городской жизни и поставил свой шатер на западном берегу Иордана, у дубравы Мамре. До Аврама доходит слух, что Лота взяли в плен в ходе войны между двумя союзами царей, ханаанским и шумерским:

И пришел один из уцелевших и известил Аврама Еврея, жившего тогда у дубравы Мамре, Аморреянина, брата Эшколу и брата Анеру, которые были союзники Аврамовы.

Аврам, услышав, что сродник его взят в плен, вооружил рабов своих, рожденных в доме его, триста восемнадцать, и преследовал [неприятелей] до Дана (Быт. 14:13–14).

Ma-zot? Аврам имеет 318 рабов, не говоря уже о членах семьи и прочих домочадцах? Аврам имеет «союзников», как вождь племени? Далекий от реальности Аврам, неловкий и застенчивый кочевник, сумел для преследования неприятеля собрать армию, которая прошла путь в несколько сотен миль от Мамре (нынешнего Хеврона) на юге Ханаана до Дана далеко на севере? Ключ к верной интерпретации данного текста — в определении Аврама как *Еврея*, определении, которое больше не встречается нигде. Хотя эта история и вплетается в ткань Книги Бытия, ее источником послужили не предания детей Аврама, которые никогда не называли себя *евреями*, но сказания тех, кто жил по соседству. Здесь

мы видим Аврама не через призму смягчающей идеализации, через какую смотрели на него последующие поколения его потомков; мы видим его таким, каким он представлялся современникам. Аврам, как явствует из случившегося в Египте, не был ни деревенщиной, ни праздным мечтателем, который ищет в пустыне безмятежной и легкой жизни. Умный и расчетливый, он имел свои причины на то, чтобы оставить городскую роскошь Шумера ради спокойной жизни в Ханаане; при этом он ничем не рисковал: он был могущественным и богатым предводителем клана, имел в своем распоряжении множество людей.

Он успешно освободил Лота и затем, возвращаясь на юг, укрепил отношения с местными царями, отказавшись взять свою долю военных трофеев:

«Даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама.

Кроме того, что съели отроки, и кроме доли, принадлежащей людям, которые ходили со мною; Анер, Эшкол и Мамрий пусть возьмут свою долю» (Быт. 14:23–24).

Не будучи полубезумным идеалистом, Аврам остается человеком в полном смысле слова. Даже обращаясь к богу, он остается расчетливым предводителем рода, который умеет вести дела. Услышав, как голос бога произносит великие слова: *«Не бойся»*, Аврам сетует: *«Что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным»*, — и сообщает, что намерен сделать своим на-

следником старшего слугу, поскольку бог не дал ему потомства. На это косвенное обвинение бог отвечает:

«Не будет он [слуга, что распоряжается в доме] твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником».

И вывел его вон и сказал: «Посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их». И сказал ему: «Столько будет у тебя потомков» (Быт. 15:4–5).

Хотя небеса и здесь являются источником метафоры, больше они ничего не предсказывают. Пророчество может исходить только от бога; небеса служат ему лишь иллюстрацией. Это вполне устраивает Аврама: в конце эпизода повествователь замечает, что Аврам — практичный, бывалый глава рода, как мы теперь знаем, — *поверил* богу и что бог *вменил ему это в праведность*. Эту веру можно объяснить лишь интуицией Аврама: оценивая происходящее, человек сей надеется только на себя и на собственный здравый смысл. В эпоху небылиц о царях и воинах, похожих друг на друга как две капли воды, возникает предание о скептической, практичной вере в бесплотный голос. Это начало поразительной истории о том, как начинают складываться личные отношения человека и бога.

Однако эти отношения не предполагают участия Сары — та, оставаясь пешкой, недовольна богом. *«Господь заключил чрево мое, чтобы мне не*

рождать», — ворчит она, прожив десять лет в Ханаане. Верная обычаям своего времени, она дает мужу в наложницы свою прислужницу-египтянку, говоря: *«Может быть, я буду иметь детей от нее!»* Однако, забеременев, Агарь начинает поглядывать на госпожу свысока, чего не в силах вынести бедная Сара. Аврам отдает Агарь в руки жены и говорит, что та вольна поступить со служанкой по своему усмотрению, и притеснения Сары заставляют Агарь бежать в пустыню, где ангел приказывает ей вернуться к Саре и покориться, поскольку потомство Агари тоже будет умножено *так, что нельзя будет и счесть его от множества*. Ее сын Измаил станет вторым Энкиду — *он будет [между] людьми, [как] дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него*, — праотцем арабов. В смятении Агарь поступает, как ей приказали, однако перед этим она нарекает бога, который послал ей ангела, новым именем. Она называет его *Бог видящий меня*, и именно о таком видении и повествуется в оставшейся части главы.

Аврам уже глубокий старик: как утверждает текст, ему 99 лет. И хотя эту цифру можно воспринимать как слабый отголосок шумерских преувеличений, нет оснований сомневаться, что Аврам и Сара давно потеряли надежду иметь детей. Однако бог превращается в нечто большее, чем просто голос. Он *является* Авраму и говорит ему: *«Я Бог всемогущий [на иврите Shaddai]»*. Значение слова Shaddai сегодня не вполне понятно, хотя многие полагают, что оно означает «Бог Горы» или «Бог Высот». *«Ходи предо Мною, — приказывает он, — и будь непорочен!»*

Увидев величие бога, Аврам, которому предложены столь близкие отношения, *пал... на лице свое*. Мы видим, как узы, связывающие его с богом, становятся все теснее, отношения развиваются, и нельзя не признать, что события имеют и глубинный смысл: едва ли подобная связь возможна без осознания Аврамом своей индивидуальности. Условием таких отношений является и их высочайшая напряженность, которой требует зарождающийся монотеизм. Все это дает нам право считать, что оборотной стороной монотеизма является индивидуальность с присущей ей способностью к межличностным отношениям.

И вновь бог обещает Аврааму землю Ханаана и бесчисленное потомство, в среде которого появятся цари (*и цари произойдут от тебя*). Бог намерен заключить с Аврамом соглашение, подобно тому как договаривались между собой вожди племен. По договору Аврам должен получить новое имя Авраам (или Отец многих народов); изменится и имя Сары, которая теперь будет зваться Сарра (или Правительница). Установление нерушимых уз в ту пору обязательно скреплялось кровью, как правило кровью жертвенного животного. Однако на сей раз договор будет скреплен кровью самого Аврама и кровью *всякого мужеского пола* из его рода:

«Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий [младенец] мужеского пола, рожденный в доме и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника, который не от твоего семени.

Непрерменно да будет обрезан рожденный в доме твоём и купленный за серебро твоё, и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным» (Быт. 17:12–13).

Ни один мужчина не может забыть о своем пенисе, воплощении жизненной силы. Этот завет не позволит детям Авраама забыть о боге, который всегда помнит о них. Этот бог, крепящий свое могущество и исключительность, все меньше напоминает карманные амулеты, которые нужно умащивать, чтобы добиться успеха. Бог Авраама утрачивает облик ангела-хранителя, характерный для шумерских божеств-покровителей, и становится Богом. Кому-то завет, предложенный Аврааму, может показаться варварским. Однако в суровой действительности Ханаана и Месопотамии постоянное напоминание такого рода — *завет Мой на теле вашем* — имело глубокий смысл.

Тот, кого теперь зовут Авраам, вновь падает ниц, но не может удержаться от смеха при мысли: *«Неужели от столетнего будет сын? и Сарра, девяностолетняя, неужели родит?»* Вслух он произносит: *«О, хотя бы Измаил был жив пред лицом Твоим!»* — иными словами, пусть сбудется это пророчество для Измаила, который имеет великое преимущество, поскольку уже появился на свет. Авраам пытается приблизить Бога к реальности. Но хотя Бог собирается *весьма, весьма размножить* Измаила, завет свой он обещает поставить с сыном, *которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год*. Иными словами, безответной Сарре, которая никогда не по-

лучала от жизни того, что хотела, через три месяца предстояло забеременеть. Что ж, хоть какая-то определенность.

И Бог перестал говорить с Авраамом и восшел от него. Беседа окончена; начинаются обрезания. Едва Авраам успел обрезать себя и *весь мужеский пол людей дома* своего, к нему являются гости. Авраам, который наверняка еще не вполне пришел в себя, *сидел при входе в шатер, во время зноя дневного* — в точности как старики-бедуины, которые и сегодня сидят в тени шатра на палящем ближневосточном солнце в надежде ощутить дуновение ветра.

Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли.

И сказал: «Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего!

И принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом.

А я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши, потом пойдите, так как вы идете мимо раба вашего!» (Быт. 18:2–5).

Авраам, хозяин огромных стад и множества слуг, ощущает себя значительно ниже этих *владык*, кем бы они ни были, и всей душой стремится проявить гостеприимство. Он явно не намерен ограничиваться хлебом. Поспешив в шатер, он приказывает Сарре поскорее испечь три лепешки из лучшей муки. Потом он бежит к стаду, выбирает теленка, *нежного*

и хорошего, и отдает его слуге, чтобы тот приготовил его. Когда еда готова, Авраам собственноручно подает ее гостям. За едой гости осведомляются о его жене, имя которой им почему-то известно: *«Где Сарра, жена твоя?»*

«Здесь, в шатре», — насторожившись, отвечает Авраам.

«Я опять буду у тебя в это же время [то есть год спустя], и будет сын у Сарры, жены твоей», — говорит один из гостей.

Теперь Авраам понимает, что он угощает Бога и двух ангелов¹. Сарра, которая не знает о прежних обещаниях (зачем делиться с женой?), подслушала разговор. Может быть, у нее просто закружилась голова, из-за того что ей пришлось в спешке печь хлеба, но речи гостей кажутся ей нелепыми, и она тихонько посмеивается: *«Мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар»*.

«Отчего это рассмеялась Сарра?» — спрашивает гость, расположившийся между двумя другими и уже не скрывающий, что он — Бог, для которого нет ничего невозможного. Несчастливая Сарра, сконфуженная и испуганная, твердит, что она не смеялась. *«Нет, — возражает Бог, — ты рассмеялась»*. Сарра не ведает о великой связи между Богом и ее мужем

---

¹ В этот древний период ангелы — очередное заимствование у шумеров — рассматриваются как одно из проявлений Бога, часто почти неотделимое от него самого. Сцена, когда три гостя с небес преломляют хлеб перед шатром Авраама, послужила сюжетом для иконы Андрея Рублева, одной из величайших в русской иконописи. — *Авт.*

и смеется, как смеялся бы всякий в Шумере, Египте и Ханаане, Европе и Азии, Австралии и Америке, смеется горьким смехом тех, кто знает: приходит время, когда женщине уже не понести плод, а мужчине — не зачать его. Несмотря на все небылицы о царях и героях, опыт подсказывает, что жизнь столь же предсказуема, как смена созвездий на небесах. Неизбежное поджидает всех.

Этот эпизод плавно переходит в следующий. Бог спрашивает себя: *«Утаю ли Я от Авраама, что хочу делать!»* — и принимает решение переговорить с Авраамом наедине, как-никак Он *избрал его*, а два ангела тем временем направляются в Содом, где живет Лот. Когда Бог открывает Аврааму свой план уничтожения Содома и Гоморры, тот пытается отговорить Господа: *«Неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?»* Задавая вопросы Богу, глава рода проявляет поразительную отвагу, отвагу, которую в грядущие века будут демонстрировать его потомки. После долгого спора Бог обещает воздержаться от истребления Содома, если там наберется десяток праведников.

И вот перед нами главная площадь Содома, где Лот встречает ангелов и приглашает их остановиться в его доме. (Он и не столь гостеприимен, как Авраам, хотя, похоже, добрый человек.) В два счета, точно ожившие трупы в фильме «Ночь живых мертвецов», его дом окружают жители города. Они требуют от Лота вывести к ним двух красивых юношей, чтобы заняться с ними — да-да, вы угадали — содомией. Становится ясно, что десятью праведниками

в Содоме и не пахнет. Здесь есть лишь Лот, который хитростью пытается выиграть время. Он говорит собравшимся:

«Братья мои, не делайте зла;

Вот, у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего» (Быт. 19:7–8).

Однако его предложение нимало не интересует жителей Содома — они грозят, что доберутся и до самого Лота, как только выломают дверь. В конечном счете содомитам не удается совершить свое черное дело и они получают, что заслужили, — огонь и серу с небес. Лот и его семья в это время уже далеко и в безопасности, однако жена Лота, несмотря на приказ не оглядываться, обернулась, чтобы взглянуть на обреченный город, и превратилась в соляной столб — еще одна женщина, ставшая заложницей обстоятельств.

Этот печальный эпизод, от которого всегда были без ума фанатики с подавленной сексуальностью, может вызвать у нас ту же реакцию, что и у офицера, служившего с английским писателем Ивлином Во. Офицер этот был невежественный дилетант, словно сошедший со страниц романов Вудхауза. В жизни не бравши в руки книгу, он как-то раз решил скоротать время между боевыми действиями за чтением, и случилось так, что его первой книгой стала Библия, поскольку ничего другого под рукой не

оказалось. Прочитав Книгу Бытия до середины, он оставил это занятие, воскликнув: «Господи, что за мерзавец этот Бог!»

То, что содомский грех заключался не в гомосексуализме, но в отсутствии гостеприимства, успокаивает лишь отчасти. Из этого отрывка непонятно, противна ли Богу содомия, но то, что ему отвратительно изнасилование милостивых странников, оказавшихся в городе, не вызывает сомнений. Кроме того, в Месопотамии найдено множество свидетельств того, что шумеры и другие древние народы Ближнего Востока при сексуальных контактах предпочитали позу «мужчина сзади», будь то вагинальный или анальный секс. Потомки Авраама считали такую позу недостойной человека (*как собака*), а значит, весь сексуальный репертуар соседей, возможно, казался им грязным и неестественным.

Но давайте оставим огонь и серу и обратимся к подлинному чуду:

Сарра зачала, и родила Аврааму сына в старости его во время, о котором говорил ему Бог.

И нарек Авраам имя сыну своему, родившемуся у него, которого родила ему Сарра: Исаак [Yitzhak — «Он смеется»].

И обрезал Авраам Исаака, сына своего, в восьмой день, как заповедал ему Бог.

Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его.

И сказала Сарра: «Смех сделал мне Бог» (Быт. 21:2–6).

Однажды Бог уже рассмешил ее, пообещав невозможное. Теперь безответная Сарра получила единственное, чего желала, то, что, по ее убеждению, не могла иметь. Ей этот ребенок был куда нужнее, чем Аврааму, который мог иметь детей и от другой женщины. Но замыслы Бога в отношении одного человека не ограничиваются одной жизнью, и порой это приводит к тому, что счастливыми становятся даже статисты. Беседа между мужем и женой (а ведь раньше они почти не общались, во всяком случае в нашем присутствии) тепла и трогательна, и слова Сарры, которая привыкла помалкивать, исполнены глубокого чувства. Передать такое под силу лишь великому мастеру диалога:

«Смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется...

...кто сказал бы Аврааму: „Сарра будет кормить детей грудью?“ Ибо в старости его я родила сына!» (Быт. 21:6–7).

Бог насмешил Авраама, Бог насмешил Сарру, Бог насмешил Исаака. *И дитя выросло, и отнято от груди; и Авраам сделал большой пир в тот день, когда Исаак отнят был от груди.* Кажется бы, полоса несчастий заканчивается и все кошмары позади.

Не тут-то было.

Во-первых, Сарра убеждена, что Агарь Египтянка не разделит ее радости, поэтому она навсегда вы-

гоняет служанку и ее сына (хотя Бог по-прежнему покровительствует им). А затем пронзительными, отрывистыми фразами повествователь начинает одну из самых страшных и горьких историй в Библии:

И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама, и сказал ему: «Авраам!» Он сказал: «Вот я».

[Бог] сказал: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдешь в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».

Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему Бог.

На третий день Авраам возвел очи свои, и увидел то место издалека.

И сказал Авраам отрокам своим: «Останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам».

И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе.

И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: «Отец мой!» Он отвечал: «Вот я, сын мой». Он сказал: «Вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?»

Авраам сказал: «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой». И шли [далее] оба вместе.

И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова

и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поперек дров.

И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего.

Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: «Авраам! Авраам!» Он сказал: «Вот я».

[Ангел] сказал: «Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня».

И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна, и принес его во всесожжение вместо сына своего.

И нарек Авраам имя месту тому: Иегова-ире. Посему [и] ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится.

И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба.

И сказал: «Мною клянусь, — говорит Господь, — что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего,

То Я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих;

И благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего (Быт. 22:1–18).

Едва ли кто-то, читая эту историю, в оригинале или в одном из множества переводов, остался равнодушным. Многие из тех, кто слышал ее в детстве

и прекрасно знает, чем все закончится (знает, что в самую последнюю минуту трагедия будет предотвращена), не могут заставить себя перечитать ее и примириться с «чудовищным богом Ветхого Завета», как, содрогнувшись, назвала его одна женщина.

Неужели это Бог? Кто мы такие, чтобы понять такого Бога? Может ли эпоха, в которую разворачиваются эти события, так или иначе объяснить или оправдать муки, которым Бог подвергает этого человека и его сына? Или этот мальчик, подобно Саре в египетской истории, лишь очередная пешка в играх Бога?

Исаак, несомненно, пешка, хотя повествователь беглыми штрихами изображает реального ребенка, который задает реальный вопрос. Как замечает Эфраим Спайзер, «ответ отца мягок и в то же время уклончив, и к этому моменту, должно быть, мальчик уже понял правду. Короткое и простое предложение: „И пошли оба вместе“ описывает, вероятно, самое напряженное и красноречивое молчание во всей мировой литературе». Повествователь обладает поистине великим мастерством, заставляя читателя лишиться дара речи от ужаса перед надвигающимся.

Интерпретаторы антропологического толка склонны видеть в этой истории символическое отречение, драматизацию того невозвратимого момента доисторического прошлого, когда евреи отказались от человеческих жертвоприношений, которые продолжали практиковать их соседи. Таким образом будто бы в их преданиях сохранилось напоминание о том,

чего не следует делать. Христиане видят в Аврааме подобие Бога, готового принести в жертву своего единственного сына, Иисуса, во искупление наших грехов. Ни в коей мере не утверждая, что первая или вторая интерпретации не имеют под собой оснований, спешу подчеркнуть, что и та и другая представляют собой умопостроения, предлагающие нам категории, в которые можно уложить этот эпизод. Оба толкования позволяют нам отстраниться от жестокости, а в конечном счете, и вовсе забыть о ней. Но забывать о ней недопустимо: случившееся на горе — кульминационный пункт истории Авраама.

Нас так и подмывает возненавидеть Авраама за то, что он делает. Он уже представал перед нами лукавым обманщиком, который ради личного благополучия готов, не дрогнув, пожертвовать своей женой. И хотя можно попытаться убедить себя, что моральные нормы того времени отличались от нынешних, смириться с этим почти так же трудно, как простить Томасу Джефферсону, проповеднику всеобщего равенства, то, что он был рабовладельцем. И все же мы должны сравнивать Авраама не с собой, но с Гильгамешем и Хаммурапи. На фоне современников фигура Авраама становится более рельефной. Несмотря на то что отношение Авраама к Сарре может вызвать у нас отвращение, его любовь к Исааку не вызывает сомнений. Ведь слово «любить» впервые появляется в Библии именно в этом эпизоде:

Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака... (Быт. 22:2).

Именно любовь Авраама делает этот отрывок таким душераздирающим.

Однако ключ к страшной загадке — это не отношение Авраама к Исааку, но его отношение к Богу. Авраам был выходцем из Шумера. Поначалу бог значил для Авраама немногим более, чем статуэтка Лугальбанды для Гильгамеша; это был всего лишь талисман, который приносит удачу, хотя никаких статуэток не существовало с самого начала, как и вообще какого-либо зримого образа. На самом раннем этапе эти отношения отличаются от отношения шумеров к своим божкам-покровителям. Но поскольку этим отношениям предстоит долгая жизнь, Аврааму нужно учиться; и бог неоднократно является ему, постепенно давая понять, что он — Бог, причем Бог единственный, а не какое-нибудь мелкое божество. Нет никаких сомнений, что поначалу, как все шумеры и все люди до него (а в сущности, и все после него), Авраам был политеистом, то есть верил в существование множества соперничающих богов и богинь, злых сил природы и космоса, которые можно ублажить с помощью ритуалов и заговоров. Вряд ли в течение жизни Авраам превращается в монотеиста в строгом смысле слова, но узы, связывающие его с Богом, определенно становятся основой его жизни, великим формирующим опытом. Голос, видение, могущественный повелитель — осознание Бога Авраамом становится все более глубоким; однако в силу особенностей общества, из которого вышел Авраам, это осознание — по нашим меркам — остается весьма приземленным. Чтобы он понял, кто

с ним говорит, после долгих лет подготовки требовалась встряска. Бог, который призывает Авраама подняться на гору, это уже не просто «Бог Горы». Он — полная противоположность шумерским божкам, которыми движут вполне земные соображения. Он — Бог, что превыше гор и превыше небес, грозный и непознаваемый; Его устремления недоступны человеческому разуму, и манипулировать Им невозможно.

А кто такие мы? Мы всецело подвластны этому Богу. И кто такой Авраам? Зависящий от обстоятельств человек, который должен уяснить, что он во власти Бога, который должен сознательно держаться Бога, непостижимого разумом, что дарует и отнимает. Как позднее скажет мудрый Иов: *«Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!»*

В начале этого страшного отрывка повествователь, жалея читателя, которому не вынести неизвестности, говорит нам, что речь идет об *искушении*¹, поэтому мы знаем, что Исаак не будет принесен в жертву, хотя, следя за разворачивающимся действием, об этом недолго и забыть. Это испытание и для всех нас. Готовы ли мы вверить себя Богу, которого нельзя постичь, который превыше любых измышлений, Богу, который проливает дождь во время пикника, Богу, который позволяет людям терять человеческий облик, Богу, который приговорил всех нас

---

¹ В данном случае слово «искушение» надо понимать как «испытание». — *Перев.*

к смерти? Все прочие боги — всего лишь выдумка, убогое отражение человеческих желаний. Лишь этот Бог стоит моей (вашей, Исаака) жизни. Поскольку *един есть*. Авраам должен прийти к вере в Бога, чье могущество приводит в трепет, а присутствие нагоняет ужас. Подобные чувства попытался однажды передать Уильям Блейк, один из многих наследников Авраама:

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?¹

Авраам выдержал испытание. Его вера — упование на Бога — сильнее страха. Но теперь он знает, что имеет дело с Непостижимым, который превосходит любые ожидания. Бог, который позвал его в пустыню и давал невероятные обещания, начал выполнять их. Но это не значит, что Бог сей поможет мне увидеть будущее и управлять им. Я не властен ни над чем. Моя задача — быть преданным Богу, так же как предан я своему ребенку, обоим я отвечаю: «*Вот я*».

«*Не бойся*», — советует Бог Аврааму. Не бойся присутствия Бога в твоей жизни. Но, как это ни парадоксально звучит, бойся Его необъяснимого могущества. Поскольку, как однажды скажет автор Псалмов, *начало мудрости — страх Господень*. И безымянная гора в земле Мориа стала для Авраама началом этого страха.

---

¹ Перевод К. Бальмонта.

После такой развязки история Авраама близится к концу. Сарра умирает в Хевроне, и Авраам приходит *рыдать по Сарре и оплакивать ее*. Может показаться, что его траур — простая формальность, если бы не события, которые развертываются далее. Чтобы похоронить Сарру с надлежащими почестями, Авраам приобретает в Ханаане свою первую земельную собственность, но происходит это не сразу, а лишь после долгих переговоров, которые потребовали от Авраама немалой твердости. Авраам решил, что местом погребения Сарры должна стать *пещера Махпела*. Однако «временному жителю», даже если он глава клана, купить землю в древнем Ханаане было не так-то просто, и даже если бы он уломал какого-нибудь несговорчивого землевладельца продать ему часть своих владений, сделка все равно считалась бы незаконной без одобрения местных правителей — в данном случае *сынов Хета*. Хозяин пещеры с притворной щедростью заявил, что ему и в голову не придет брать деньги с Авраама, весьма уважаемого человека, *князя Божьего среди нас*, — Авраам может взять бесплатно лучшее место, пусть даже речь идет о пещере Махпела, которая *стоит 400 сиклей серебра*¹. Слушая его, Авраам понимает, что означает такое предложение: временное место захоронения (без каких-либо гарантий на будущее) бесплатно или постоянное за огромную сумму. Во время торга (нескончаемого, полного ритуальных поклонов, расшаркиваний и заверений в искренно-

---

¹ Около 4,5 кг. — *Ред.*

сти, как до сих пор ведется на Ближнем Востоке) Авраам настаивает на упомянутых 400 сиклях серебра, пока его условия не принимают все. Хотя означенная сумма, скорей всего, превышает настоящую цену пещеры раз в десять, это не смущает Авраама, ведь он покупает неотменяемое право на могилу жены. Чувствуется, что он заплатил бы за облюбованное место любую цену, и это показывает его запоздалое, но трогательное и глубокое почтение к праmaterи евреев.

Вскоре после того умирает и сам Авраам. Его тоже погребли в пещере, что находится в Хевроне — священном для евреев и арабов месте, где упокоились и прародитель Измаила, и Исаак, и их потомки. Однако перед смертью Авраам успел женить Исаака, бесцветную личность, не оставившую почти никакого следа. Вероятно, Исаак заслужил забвение, но следует помнить, какую травму он получил в детстве! Дальнейший рассказ знакомит нас с жизнью следующего поколения патриархов — и матриархинь, поскольку видное место в этом повествовании занимает Ривка (или Ревекка), энергичная и своевольная жена Исаака (которая к тому же отлично готовит, а хитростью не уступает свекру). Исаак *возлюбил* ее и благодаря ей *утешился в [печали] по матери своей*, а Ревекка родила ему сыновей-двойняшек, Исава и Иакова. Когда сыновья выросли, она сговорила с хитрым Иаковым, своим любимцем, который родился вторым, и помогла ему украсть у Исава право первородства. Она научила Иакова, кожа которого была гладкой, зама-

скироваться под косматого Исава и подать ослепшему к старости Исааку его любимое кушанье (которое она приготовила собственноручно). Старый Исаак был сбит с толку и даровал Иакову благословение перворожденного, а значит, Иаков становится преемником Авраама и наследовал все данные ему обеты. Несмотря на боль, которую испытал Исаак, узнав о подмене, план Ревекки оказался и планом Бога: на протяжении всей жизни Иакова Бог не раз обращается к нему в переломные моменты, а в одном из эпизодов в лагерь Иакова является незнакомец и борется с ним ночь напролет, и к утру Иаков узнает, что боролся с Богом, и получает новое имя — Иаков Израиль (или Израиль), а его дети становятся наследниками Обета. Иаков тоже нарекает Бога новым именем, по праву называя его *страх Исаака*.

Иаков (Израиль) не последний из праотцев, но он последний, чьи отношения с Богом столь близки, что дело доходит до борьбы. *«Ибо я видел Бога лицом к лицу, — восклицает Иаков, — и сохранилась душа моя»*. Увидеть лик Бога и остаться в живых — для сынов Израиля во всех последующих поколениях это будет недостижимым апогеем святости. Первая часть Обета выполнена: как Авраам, так и Израиль *ходят пред Богом*. Сущность религии теперь совсем не та, что в Шумере и иных древних культурах: обезличенные посредством ритуальных предписаний манипуляции сменила личная связь с Богом. Новая религия формируется на протяжении жизни трех поколений рода скитальцев, которые отказались по-

клоняться идолам или царям. Постепенно, шаг за шагом, эти люди научились уповать только на Бога, на непостижимого, страшного Бога пустыни.

Однако поддерживать такой накал чувств постоянно невозможно. Теперь, когда их сознание изменилось, им предстояло вернуться к повседневной жизни. Больше никто не будет ходить пред Богом. Сотни лет никто не увидит Его лика и не услышит Его голоса.

III

Египет

От рабства к свободе

Несмотря на коренной перелом, в новом мире Авраама осталось многое, что роднило его с прежним миром Колеса. Авраам не превратился в одночасье в наивного мистика из пустыни, который день и ночь грезит о встрече с Богом. Стремления Авраама были сродни стремлениям любого нормального человека — удовольствие и безопасность, — хотя он надеялся и на нечто большее, нечто Новое. Единственный вид бессмертия, на который он рассчитывал, — оставить после себя наследников. Но теперь речь идет не о вселенском плодородии Шумера, где мужчины и женщины предаются священному блюду в храме и где воды Евфрата несут мертвые тела, как несут их по сей день воды Ганга. Отныне наследники Авраама уже не рассчитывают на священное совокупление — они надеются лишь на Бога, который обеспечит продолжение их рода и даст им землю.

Инициативу проявляет Бог: не они ищут встречи с Ним — Он сам выходит им навстречу. Он начинает диалог и поддерживает его. Этот Бог коренным об-

разом отличен от них, не проекция человека, не его баловень, не привычное мифологическое существо, чьи намерения можно выведывать с помощью гаданий, чьей волей можно управлять посредством ритуалов. Человеку не дано понять, почему этот Бог дарует или отнимает. Его мотивы необъяснимы, мысли и действия непредсказуемы — возможно все. Основной итог таких отношений это вера — до Авраама для нее не было места в религиозных фантазиях и чувствах. Там, где возможно все, вера становится возможной и даже необходимой.

Несмотря на то что Авраам, добравшись до Хаанаана, построил жертвенник в Сихеме, правомерно утверждать, что на глубинном уровне все прежние святыни и сакральные символы были им отвергнуты. Все мирское становится священным. Авраам и его дети не умащают идолов и не следят за звездами из блистающих великолепием храмов, но внимают Голосу и продолжают свой путь. Вера заменяет универсальную предсказуемость Древнего мира реальной возможностью успеха или провала, счастья или трагедии, то есть странствием, исход которого неизвестен. История Авраама подлинна и необратима, это уже не земная инсценировка небесной пьесы. *И пошел Аврам*, — читаем мы, и это означает, что он и в самом деле отправился в путь. Циклическая религия ведет в никуда, поскольку в ее представлении не существует будущего в нынешнем понимании — впереди лишь очередной поворот Колеса.

Теперь, когда время утратило цикличность, став однонаправленным и необратимым, сделалась воз-

возможной индивидуальной историей и жизнью отдельного человека приобрела ценность. Осознать эту новую ценность поначалу непросто, но уже в самых первых рассказах про Авраама и его близких мы встречаем тщательно составленную родословную простых людей — записывать подобное никогда не пришло бы в голову шумерам, поскольку они не придавали значения личным воспоминаниям. Для них имело значение лишь коллективное выживание, в частности существование царства или хороший урожай. Все индивидуальное, необычное, исключительное, странное — человек или события, которые не соответствовали архетипу, — не имело значения. А в отсутствие индивидуальности невозможны ни время, ни история. Однако Бог Авраама, Исаака и Иакова — это уже не прежнее божество, действия которого известны наперед, это подлинная личность, и она вмешивается в реальную историю, меняя ее ход и делая ее непредсказуемой.

Свое вмешательство Бог будет продолжать и впредь. Постепенно это произведет глубочайшие изменения в разуме и душе потомков Авраама, причем о части таких изменений история патриархов позволяет только догадываться. Всего один пример: Иаков, которому не давало покоя чувство вины перед братом, убежден, что если они встретятся, то Исав убьет его, однако в конце концов братья приходят к примирению; и в этот момент счастливой развязки Иаков, которые видел лицо Бога и остался в живых, произносит поразительные слова: *«Я увидел лице твое, как бы кто увидел лице Божие, и ты был бла-*

госклонен ко мне». Верный себе повествователь не комментирует это изречение. Но нам известно, что в Древнем мире выражение «увидеть чье-то лицо» означает узнать человека, заглянуть в его душу и понять, кто он такой. Иаков видел лицо Бога, то есть ему было позволено, хотя бы отчасти, познать Бога таким, каков Он есть, заглянуть в лицо высшей истины, а значит, он способен понять и человека, и в чем-то это опыт подобен познанию Бога. Нам еще предстоит осознать, что это означает для будущего, но восприятие человека как пешки (вспомните Сару, дочерей Лота, жену Лота, Исаака) незаметно и постепенно уступает дорогу совершенно иному взгляду на человеческую личность. И данный эпизод является лишь слабым намеком на это изменение. Следя за странствиями потомков Авраама на протяжении столетий, мы найдем множество свидетельств подобных изменений. Практически мы наблюдаем эволюцию всей системы ценностей. История патриархов не заканчивается историей Иакова (Израиля). Две жены и две наложницы подарили Израилю двенадцать сыновей, которым суждено стать прародителями двенадцати колен израилевых¹. Любимая жена

---

¹ Имена прародителей двенадцати колен (впоследствии они стали именами самих колен) приводятся в Книге Бытия: Рувим, Симон, Левий, Иуда, Иссахар, Завулон (от жены Израиля Лии); Иосиф и Вениамин (от Рахили); Дан и Неффалим (от наложницы Валлы); Гад и Асир (от наложницы Зелфы). В более поздних списках колено Симеона рассеивается по земле, которой правит Иуда; колено священников — колено Левия, — которое не имеет своей земли, временами пропускается; а колено Иосифа распадается на два рода — Ефрема и Манассии. — *Авт.*

Иакова Рахиль родила ему сына Иосифа, последнего из патриархов, благодаря которому израильтяне, вместо того чтобы осесть в Земле Обетованной, отправляются в Египет, где их ожидает вечное, казалось бы, рабство.

Иаков души не чает в Иосифе. Безумно завидуя вниманию, которое отец уделяет младшему сыну, сводные братья продают Иосифа каравану работоторговцев, что через Ханаан направляется в Египет. В Египте Иосиф попадает к царедворцу фараона Потифару. Сопrotивляясь домогательствам жены Потифара, Иосиф оказывается в темнице, где приобретает среди узников славу толкователя снов. В ту же темницу бросают провинившегося виночерпия фараона. Помилованный виночерпий, вернувшись во дворец фараона, рекомендует Иосифа как человека, способного безошибочно толковать сны. Иосиф толкует значение фараоновых снов (сны эти предвещают семь лет изобилия, за которыми последуют семь лет голода) и тем производит на фараона столь сильное впечатление, что тот жалует Иосифу исключительно высокую должность — делает его главным своим сановником, вторым лицом в Египте.

На новой должности Иосиф готовит владения фараона к голодным годам и запасает большое количество зерна, собранного в урожайные годы. Когда начинается голод, авторитет Иосифа в глазах фараона возрастает до небывалых высот, и тут-то в Египет прибывают братья Иосифа, которых привел сюда голод, свирепствующий далеко за пределами фараоновых владений. История Иосифа (потрясающая но-

велла, в особенности для тех, кто знает, что такое соперничество между братьями и сестрами) заканчивается приятной неожиданностью — примирением с братьями. Однако прежде чем помириться, Иосиф не отказывает себе в удовольствии хорошенько унижить братьев и дает им понять, что превзошел их во всем. Иаков вместе с семьей переселяется в Египет, где и умирает, даровав перед смертью особое благословение сыновьям Иосифа, рожденным в Египте от жены-египтянки.

Иосифу ни разу не довелось внимать Гласу Божию, который слышали его предки, три первых патриарха. Но так же как и в истории про мошенничество Ревекки, нам дают понять, что происходящее соответствует воле Божьей. Подобно тому как терзания Исаака, который благословил «не того» сына, были необходимы (ибо на самом деле отвечали Божьей воле в отношении рода Авраама), страдания, которые испытал Иосиф от рук своих братьев, и продажа в рабство необходимы, чтобы дети Авраама пережили голодные времена. *«Бог послал меня перед вами, — объясняет Иосиф братьям, — для сохранения вашей жизни»*. Так Бог использует людей для исполнения своей воли независимо от их желания.

После смерти Иосифа история потомков Авраама обрывается на несколько столетий¹. К рассказу о них Библия возвращается лишь в Книге Исхода.

---

¹ Сколько именно столетий пропущено, вопрос спорный. Приблизительная хронология событий еврейской Библии приводится в конце книги. Там же дан аннотированный перечень книг еврейской Библии. — *Авт.*

К этому времени сыны Израилевы *расплодилось, и размножились, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та*. В ту самую пору *восстал в Египте новый царь*. Это третий фараон, который встречается нам по ходу библейского повествования; про него повествователь зловеще замечает, что он *не знал Иосифа*.

Первый фараон был попросту глупцом — мнящий себя богом правитель, которого обвел вокруг пальца Аврам. Второй фараон, фараон Иосифа, был достоин своего титула: ему достало ума поставить Иосифа во главе страны. Высока вероятность того, что он был семитом и принадлежал к гиксосам, которые правили Египтом со времен Хаммурапи в XVIII в. до середины XIV в. до н. э., когда вновь выступили со своими притязаниями прежние правящие династии Египта. Среди фараонов, правивших после освобождения от гиксосов, был Эхнатон (Аменхотеп IV), который на непродолжительный период установил в Египте единый культ Атона, бога Солнца. Однако эта выдающаяся по значению реформа шла вразрез с интересами привилегированных слоев общества (жрецов и служителей культа прочих богов), и вскоре она была отменена следующим фараоном, могущественным Тутанхамоном, и предана забвению. Фараон, что *не знал Иосифа*, был, скорей всего, Сети I, который занял египетский трон через 34 года после Тутанхамона и спустя полвека после Эхнатона.

Этот фараон (в Библии ни разу не названо его имя, точно повествователь считает, что он не достоин даже такой чести) одержим маниакальным стра-

хом перед евреями. Он боится, что *сыны Израиля* стали столь многочисленны, что могут оказаться *сильнее нас*, — явный симптом паранойи, поскольку едва ли израильтяне могли превзойти числом египтян, — и что, *когда случится война, соединится и он [народ сынов Израилевых] с нашими неприятелями, и вооружится против нас, и выйдет из земли [нашей]*. Фараон решает изнурить израильтян тяжким трудом и заставляет их строить *города для запасов*, Пифом и Раамсес.

Боясь роста численности израильтян, он пытается склонить повивальных бабок к геноциду — первому, но далеко не последнему в истории сынов Израилевых. Он вызывает к себе двух женщин, названных в Библии *повивальными бабками Евреянок*. Не считая нужным упоминать имя фараона, богоподобного правителя Египта, повествователь не забывает назвать имена этих простых женщин — Шифра и Фуа. Уже сами эти имена вызывают из глубин времени образы двух женщин, представших перед фараоном, юной и прекрасной с юным и прекрасным именем и старой и простоватой со старым и простоватым именем. Вот они слушают бессвязную речь владыки:

«Когда вы будете повивать у Евреянок, то наблюдайте при родах: если будет сын, то умерщвляйте его; а если дочь, то пусть живет» (Исх. 1:16).

Историческая достоверность этой сцены вызывает определенные сомнения: если вы намерены истребить народ, в первую очередь надо уничтожить жен-

щин, ведь это они, а не мужчины, рожают детей. Идея фараона несостоятельна вдвойне: во-первых, он неэффективно использует свою рабочую силу да еще собирается убивать будущих рабов; во-вторых, если народ Израиля стал столь многочисленным, что могут сделать две повитухи?

Впрочем, почему мы должны считать фараона здравомыслящим человеком? Ведь у нас уже есть доказательства противного: фараон убежден, будто народ Израилев столь многочислен, что сильнее египтян. Скорей всего, перед нами слабый, одержимый бредовыми идеями правитель, который боится могущества израильтян, подобно тому как малодушные плантаторы с американского Юга боялись своих черных рабов, в первую очередь мужчин. Разве нацисты, которые тоже пытались уничтожить сынов Израиля, рассуждали более здраво, чем этот правитель? У меня нет сомнений, что перед нами мастерски выполненный скупыми штрихами портрет психопата с комплексом неполноценности, всемогущего правителя, который боится, что кто-то окажется сильнее него.

«Но, — продолжает повествователь в своей обычной, немногословной манере, — повивальные бабки боялись Бога, и не делали так, как говорил им царь Египетский; и оставляли детей в живых» (Исх. 1:17).

Какие прекрасные, простые слова! Эти женщины подчинялись подлинной власти, не склонив головы перед владыкой, а значит, они поступали правильно. Не факт, что эти *повивальные бабки Евреянок* сами были дочерьми Обета; возможно, они принадлежали

к язычницам, которые носили в своем сердце подлинного Бога, а может быть, как Агарь, относились к тем египтянкам, которые *понимали*. Но их обостренное нравственное чувство (*и оставляли детей в живых*) делает их людьми с большой буквы, подлинными личностями, которые, в отличие от ничтожного фараона, заслуживают, чтобы их имена помнили. Не следует забывать и то, что они — женщины, которые могли проникнуть в суть вещей, лишь сделав огромный шаг вперед в своем развитии и оставив позади Сару и даже Аврама, который был готов пожертвовать женой, чтобы спасти свою шкуру.

Следующий поворот сюжета радует еще больше. Когда фараон узнал, что повитухи ослушались его, он снова вызывает их к себе и раздраженно вопрошает: *«Для чего вы делаете такое дело?»*

Повивальные бабки сказали фараону: «Еврейские женщины не так, как Египетские; они здоровы, ибо прежде нежели придет к ним повивальная бабка, они уже рожают» (Исх. 1:19).

И вновь мы словно бы оказываемся на плантациях американского Юга, где «леди» с изысканными манерами в жаркий день падали в обморок, если при них не оказывалось докторов и лекарств, а рабыни были столь сильны и живучи, что рожали своих детей так же легко, как животные на скотном дворе. Тем самым угнетенные простодушно демонстрировали повелителю свое превосходство.

Разгневанный фараон делает следующий неразумный шаг и приказывает впредь бросать всех новорожденных еврейских младенцев мужского пола в Нил. И здесь мы знакомимся с еврейской матерью, женщиной, которая

зачала и родила сына и, видя, что он очень красив, скрывала его три месяца.

Но не могли долее скрывать его, взяла корзинку из тростника, и осмолила ее асфальтом и смолою; и, положив в нее младенца, поставила в тростнике у берега реки.

А сестра его стала вдали наблюдать, что с ним будет (Исх. 2:2–4).

Этот чудесный отрывок, дышащий любовью и нежностью, — редко повествователь позволяет себе останавливаться на столь незначительных подробностях, как корзинка и смола, — рассказывает о заботливой матери и любящей сестре, которые к тому же проявляют находчивость, отличающую потомков Авраама. Конец этой истории знают все, и я напомню его лишь вкратце: дочь фараона, одна из множества библейских персонажей, которые *понимают*, купаясь в Ниле, замечает корзинку в тростнике. Обнаружив ребенка, она проникается к нему жалостью, хотя прекрасно знает, что перед ней один из *Еврейских детей*. Сестра младенца оказывается тут как тут и услужливо помогает принцессе подыскать кормилицу *из Евреянок* — эта кормилица впоследствии окажется матерью малыша. Та-

ким образом, ребенок спасен от верной смерти благодаря молчаливому сговору и будет расти в семье фараона как египетский принц, которого втайне взрастила собственная иудейская¹ мать. Он станет человеком, близким к миру власти, но будет вскормлен молоком любви и доброты. Принцесса дала своему подопечному имя Моше (Моисей) — Тот, Кого Вытащили.

Это все, что нам известно о детстве Моисея. В следующей сцене Моисей, уже взрослый, поступает так, как и следовало ожидать: *Он вышел к братьям своим [сынам Израилевым] и увидел тяжкие работы их*. Воспитанный в неге и холе принц сочувствует обездоленным; увидев, как египтянин бьет одного из его братьев, он убивает египтянина и закапывает его тело в песок. На следующий день происходит событие, которое предопределило великие страдания Моисея в будущем — резкое неприятие его собствен-

---

¹ Слово «иудейский» здесь сознательно введенный анахронизм. Люди, которые впоследствии станут иудеями, в этот период известны как евреи (по-английски Hebrew). Слово это, возможно, восходит к слову *Harigi*, что означает «запыленные», то есть явившиеся с гор и из пустынь. Сами евреи определяют себя как сынов Израиля. — *Авт.* [Этимология слова «еврей» (в английском Hebrew), предлагаемая автором, представляется несколько одно-сторонней. Как правило, существительное *ivri* от ивритского корня *vg* трактуется как «тот, кто пришел с той стороны», что в еврейской традиции интерпретируется как «с того берега Евфрата», но скорее (если это название евреи получили в Ханаане) означает «из-за Иордана». Вопрос о связи со словом *harigi* (*harigu*) — последнее представляет собой название социальной или племенной группы, обитавшей в Палестине и Финикии в XV–XII вв. до н. э. и упомянутой в надписи фараона Аменхотепа II (ок. 1443), — является спорным. — *Перев.*]

ным *жестоковейшим* народом, — он разнимает двух ссорящихся евреев, и один из них со злым упреком бросает ему:

«Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? не думаешь ли убить меня, как убил Египтянина?» (Исх. 2:14).

Это значит, что *узнали об этом деле*. Происшествие получило огласку, и разъяренный фараон ищет Моисея, чтобы казнить его за совершенное преступление, а стало быть, единственный выход для Моисея — побег.

Моисей находит прибежище в земле Мадямской. Здесь он женится на Сепфоре, дочери священника Иофора и, поселившись в доме тестя, пасет его овец. Своего первенца Моисей нарек Гирсамом, что означает «временный житель там», «потому что, — как говорит сам Моисей, — я стал пришельцем в чужой земле». Именно в этой чужой земле с ним случится нечто поразительное.

Моисей пас овец Иофора и *провел... стадо далеко в пустыню*, на гору Хорив (второе название горы Синай). Повествователь готовит нас к тому, что сейчас произойдет нечто необычное, назвав упомянутое место *горой Божией*, однако дает понять, что Моисей не ждет от этого дня ничего другого, кроме изнурительного перехода вместе со стадом. Уголком глаза Моисей замечает *пламя огня из среды тернового куста*. Он останавливается посмотреть, что случилось, ведь самое незначительное происше-

ствие в пустыне превращается в целое событие, и замечает, что *терновый куст горит огнем, но куст не сгорает*. Хотя иссушающий жар пустыни приучил кочевников воздерживаться от усилий, кроме самых необходимых, Моисей решает: *«Пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает»*.

Как только Моисей направляется к огню, Бог окликает его *из среды куста*, дважды произнеся имя Моисей, как когда-то окликнул он Авраама на горе Мориа:

«Моисей! Моисей!» Он сказал: вот я! (Исх. 3:4)

Точно таким был и ответ Авраама.

И сказал Бог: «Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих [как до сих пор делают арабы в пределах своих святынь]; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая!»

И сказал: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исх. 3:5–6).

Эта минута, когда было нарушено молчание, длившееся сотни лет, привела Моисея — египетского принца, совершенно не готового к подобным вещам, — в ужас, не свойственный патриархам:

Моисей закрыл лице свое, потому что боялся взреть на Бога (Исх. 3:6).

Однако Господь заявляет, что постоянно был рядом (хотя и не обнаруживал своего присутствия):

«Я увидел страдание народа Моего в Египте, и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его,

И иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед...

<...>

Итак пойдя: Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых» (Исх. 3:7–8, 10).

Моисей, закрыв лицо, стоит под палящим солнцем пустыни — пылающий куст делает ее жар еще немилосерднее — и внимает Голосу, который не слышал никто со времен Иакова. Этот Голос возлагает на него невыполнимую задачу — приказывает спасти народ, от которого Моисей бежал. Как и Аврааму, ему не приходит в голову не верить своим глазам и ушам — все происходит наяву, в этом нет сомнений, хотя Богу явно недостает реализма:

«Кто я, чтобы мне идти к фараону и вывести из Египта сынов Израилевых?» (Исх. 3:11).

Однако самооценка Моисея нимало не волнует Бога:

«Я буду с тобою, и вот тебе знамение, что Я послал тебя: когда ты выведешь народ из Египта, вы совершите служение Богу на этой горе» (Исх. 3:12).

В напрасной надежде остановить Бога Моисей приводит одно возражение за другим. Он представляет, что произойдет, когда он объявит: *«Бог отцов ваших послал меня к вам»*. Сыны Израиля непременно усомнятся: *«Они скажут мне: „как Ему имя?“»* Вряд ли изнуренные рабы поверят безбородому протеже фараона с манерами египтянина, что он посланник Бога; скорее, вдоволь потешившись над ним, они обвинят его во лжи.

Ответ Бога является одной из величайших тайн Библии. Господь возвещает Моисею свое имя:

YHWH.

Что это значит? В древности еврейское письмо не содержало гласных, а в Средние века, когда к тексту были добавлены огласовки — значки для обозначения гласных, — имя Бога стало столь священным, что произносить его запрещалось. В значительно более ранний период, во времена Второго Храма, Имя Бога мог единожды в году произнести лишь первосвященник в молитве Судного Дня. После разрушения храма в 70 г. н. э. это имя более не произносил ни один еврей. С той поры и по сей день религиозные евреи при чтении Библии заменяют YHWH словом Adonai (Господь). Многие ортодоксальные евреи идут еще дальше и не произносят даже слова Adonai,

употребляя вместо него ha-Shem (Имя). За давностью лет сведения о том, как следует произносить данное слово, состоящее из четырех согласных, утрачены. Отсутствие надежной фонетической транскрипции не позволяет вынести окончательное суждение о значении слова, поскольку точное значение слова на иврите часто зависит от гласных, в особенности если речь идет о глаголах, — а YHWH, несомненно, глагольная форма.

Нам остается утешать себя тем, что Бог — это глагол, а не существительное или прилагательное. Он дает себе не статическое, но динамическое определение, именно таким и подобает быть Богу Странствий. YHWH представляет собой вышедшую из употребления форму глагола «быть»: существующие комментарии содержат три основных варианта интерпретации, ни один из которых не исключает прочие. Первый вариант: *я есмь Сущий* — так трактует это слово Септуагинта, древнейший греческий перевод еврейской Библии, который считается весьма авторитетным благодаря своему возрасту и связям с древностью. Именно на этот перевод опирался в XIII в. Фома Аквинский, разрабатывая свое богословское учение, согласно которому Бог — единственное, что действительно существует; все прочие создания зависят от Бога, который и есть Бытие (или Бытность) как таковое. Более определенно эта мысль сформулирована в следующей фразе: «Я — причина бытности вещей», иначе говоря, «Я — Творец». Второй вариант: *Я тот, кто я есть*, иными словами, «Вас не касается, кто я» или «Вам не дано управлять

мною, произнося мое имя (то есть определяя мою сущность), словно я один из ваших домашних божков». Третий вариант: *Я тот, кто пребудет с тобой* — таков перевод Фокса¹; он следует за Мартином Бубером и Францем Розенцвайгом², которые подчеркивают постоянное присутствие Бога в Его творениях, Его пребывание в нас.

Как же произносить это Имя? Одни заменяют тетраграмматон словом «Господь». Другие дерзко произносят Яхве (в английском *Yahweh*, во французском и немецком — *Yahvé*) или даже Иегова (неправильное произношение, которое часто встречается в протестантских гимнах и основывается на ошибочном прочтении тетраграмматона в Средние века). Что до меня, то я, когда пытаюсь произнести эти буквы, не прибегая к помощи гласных, делаю вдох и выдох и чувствую, как Бог становится жизненной необходимостью. Этот Бог отцов, который теперь явился как в кусте, что горит огнем и не сгорает, внушает еще больший трепет, чем прежде, — не только из-за огня, но и из-за символического характера такого явления. Оно означает, что Бог — непредсказуемый, яростный и очищающий, как пламя, — может жить в нашей душе, не уничтожая нас.

Бог не только рассказывает Моисею, как поведет себя фараон, который *не позволит вам идти*, пока Бог не поразит Египет *всеми чудесами* своими, но и вооружает своего посланника умением совершить

---

¹ Фокс — автор перевода Библии на английский язык, которым пользуется автор книги. — *Перев.*

² Мартин Бубер (1878–1965) и Франц Розенцвайг (1886–1929) — еврейские религиозные философы. — *Ред.*

несколько таких чудес, чтобы убедить народ. И тогда Моисей приводит самое веское возражение:

«О, Господи! человек я не речистый... я тяжело говорю и косноязычен!

Господь [YHWH] сказал: «Кто дал уста человеку? <...>

Итак пойдя, и Я буду при устах твоих и научу тебя, что тебе говорить» (Исх. 4:10–12).

Моисей продолжает отговаривать Бога, и тогда *возгорелся гнев Господень [YHWH] на Моисея* — случается это не в последний раз. В конце концов Бог предлагает косноязычному принцу-пастуху прибегнуть к помощи своего брата, Аарона: *он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога*. После этого *пошел Моисей*. Сотни лет вереница посланников Божьих следует примеру Авраама: порой они бурно возражают, но, когда все сказано и настает время действовать, они *идут*. Они неизменно верны, то есть исполнены веры.

Но пока Моисей остается необрезанным египетским принцем, а не полноправным сыном Израиля, поэтому на обратном пути в Египет *встретил его Господь [YHWH] и хотел умертвить его*. Сепфора, как всегда велось у практичных и сообразительных жен, мигом догадалась, в чем дело. *Тогда Сепфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и бросила к ногам Моисея*. Перевод, достаточно близкий к оригиналу на иврите, отражает сдержанность библейского текста, когда речь заходит

о гениталиях, в особенности мужских. На самом деле, воскликнув: *Ты жених крови у меня!*, Сепфора прикасается крайней плотью своего сына к пенису Моисея.

Можно представить себе, что это была за сцена: маленький Гирсам захлебывается слезами; кровь его, капая с рук Сепфоры, обагрят крайнюю плоть Моисея; Сепфора издает этот безумный, торжествующий возглас, и гнев Божий внезапно затухает. Эта история еще раз напоминает всем — и в том числе тем, кому милы нравы древности, — что Завет, скрепленный кровью, есть дело нешуточное. Несомненно, в рамках религиозных установлений того времени, по-прежнему тяготевших к идеям прошлого о соответствиях и силе крови, кровь собственного сына на крайней плоти означает не что иное, как обрезание.

Такой Бог не вариация на тему программы «Двенадцать шагов»¹. Он весьма далек от того, чтобы оказывать поддержку и демонстрировать понимание, и не отличается обходительностью. Возможно, эпохе, куда более жестокой, чем наша, скажем эпохе короля Якова I, когда утратить человека было куда труднее, пристало иметь именно такого Бога. «Раздави мое сердце», — призывает этого непостижимого Бога Джон Донн:

---

¹ «Двенадцать шагов» — программа помощи людям с поведенческими или эмоциональными проблемами, разработанная организацией «Анонимные алкоголики» и используемая многочисленными группами самопомощи. Основы программы были заложены в 1940-е гг. членами одного из протестантских евангелических обществ США. — *Перев.*

Постучи, подыши, посвети, посмотри,
Разломай и сожги мою пыльную плоть,
И сотри в порошок, и опять сотвори...
Разведись со мной, посади в тюрьму!
...Примеряя поутру парик напудренный,
Сформулирую особенно красиво:
Я не стану, Боже, целомудренным,
Если ты меня не изнасилуешь...¹

После этой кровавой сцены Моисей, преисполнившись уверенности в себе, вместе со своим глашатаям Аароном успешно завоевывает доверие *всех старейшин сынов Израилевых*. Затем он предстает перед грозным фараоном — новым фараоном, скорей всего, сыном Сети, Рамсесом II, — поскольку Библия сообщает, что к тому моменту, когда Бог явился Моисею в пламени куста, фараон, поработивший израильтян, умер.

Фараон вопрошает:

«Кто такой Господь [YHWH], чтоб я послушался голоса Его [и] отпустил Израиля? я не знаю Господа [YHWH], и Израиля не отпущу» (Исх. 5:2).

Это первые слова, которые произносит новый правитель Египта при первом появлении в Книге Исхода. Этот вопрос, подобно музыкальной теме в опере, станет для нас лейтмотивом фараона. Это ключ, открывающий для всеобщего обозрения душу фараона. Однако лейтмотив сей звучит не только в Книге Исхода, но и во многих других книгах Библии, причем

---

¹ Перевод Якова Фельдмана.

повторяется так настойчиво, что становится чуть ли не центральным вопросом Священного Писания.

Кто такой YHWH? Как бы мы ни ответили, Имя Бога означает высшую власть: Тот, От Кого Нет Спасения. Должно быть, эта мысль косвенным образом присутствовала уже в самых ранних формах повествования о вмешательстве Бога израильтян в дела людей, и израильтяне так или иначе привыкли к ней. Настолько привыкли, что для первых слушателей этой истории данная фраза определенно имела ироническое и даже грубовато-комическое звучание, и комизм усиливался тем, что был недоступен пониманию надменного ничтожества — фараона. Кто такой YHWH? Он это скоро узнает. Очевидно, он затыкал уши, ведь он один остается в неведении. Для аудитории, которая слушала эту историю в древности, фраза: «Кто такой YHWH?» звучала грозным предупреждением об участи, которая постигнет фараона, — как знаменитая музыкальная тема в опере Бизе «Кармен» предвещает страшный конец героини.

История десяти казней — их поочередно навлекает на египтян фараон своим упрямым нежеланием выполнить требование YHWH и позволить израильтянам покинуть Египет — известна слишком хорошо, чтобы пересказывать ее подробно. Каждый раз, когда Моисей и его брат Аарон приходят к фараону с требованием отпустить сынов Израиля, фараон отвечает отказом. Он идет лишь на незначительные, неприемлемые уступки, и казни следуют одна за другой: вода Нила, обращенная в кровь; полчища жаб; мошки *на людях и на скоте*; песьи мухи; моро-

вая язва, уничтожающая скот; нарывы; град; саранча; *тьма на земле Египетской* и, наконец, последняя, самая страшная казнь, которая сломила фараона, смерть первенцев — от *первенца фараона... до первенца рабыни*, включая все *первородное из скота*.

Почему фараон упорствует? Бог предупреждает, что он будет несговорчив («*Но Я знаю, что царь Египетский не позволит вам идти, если [не принудить его] рукою крепкою*»), и даже берет на себя ответственность за поведение фараона («*Я ожесточу сердце его, и он не отпустит народа*»). Следует ли из этого, что фараон — очередная пешка, не обладающая свободой воли? Мне кажется, скорее текст наводит на мысль о том, что фараон всего лишь исполняет роль, predeterminedенную свыше.

В Древнем Египте фараон был земным воплощением бога Ра, верховного бога египтян. Но на иврите слово г'а означает «зло»; и если фараоном в то время был Рамсес II, его имя несло для уха евреев именно эту коннотацию, что делало его не просто оппонентом Моисея, но явным носителем зла. Более того, на языке Древнего мира выражение «рука бога „икс“» означало бедствие (или наказание), что позволяет интерпретировать выражение *рука YHWH*, которое повторяется по ходу рассказа о казнях, в русле этой традиции. В египетском обществе было принято считать, что бедствия посылаются свыше, поэтому здесь перед нами своего рода космическое «перетягивание каната» между двумя богами — Ра и YHWH, — которое разыгрывается на земле между их представителями — фараоном и Моисеем. В рамках такой интер-

претации слова УНВН о том, что он поставит Моисея *богом фараону*, имеют более глубокий смысл, чем представляется на первый взгляд.

Однако, возможно, фараон упрявился, потому что считал себя воплощением бога Солнца, ведь египетского правителя называли «Сыном Ра» и «Милосердным Богом», а значит, на карту был поставлен весь его мир. Если он подчинится невесте откуда взявшемуся УНВН, последствия будут так ужасны, что о них лучше не думать, и контроль над естественным порядком будет утрачен. Фараон как сын Ра отвечает за разливы Нила и плодородие почв. Древние всегда боялись хаоса, в особенности хаоса в природе, и в первую очередь неурожая, поскольку, в отличие от нас, не могли от него защититься. Поэтому когда Бог предупреждает Моисея, что *ожесточит сердце фараона*, Он имеет в виду саму природу вещей: все будет так, поскольку не может быть иначе. Бог понимает природу вещей (и человеческую натуру) как никто другой, ведь именно Он создал все сущее:

«Кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли Господь?»
(Исх. 4:11).

Бог знает, кто такой фараон, и понимает, что его сопротивление неизбежно.

Однако в человеческом и теологическом аспекте эта история не сводится к предопределенности действий фараона. Верховная власть на земле при-

надлежит Богу-творцу, а человек выполняет лишь вспомогательную роль, и ровно настолько, насколько его действия соответствуют Божьей воле. Фараона ждет провал, поскольку он не подчиняется этой воле. Бог фараона бессилен перед YHWH; он ничто, не зря повествователь даже не упоминает о нем, его присутствие практически неощутимо, и обнаружить его следы можно лишь с помощью лингвистических изысканий.

Комизм повествования заключается в забавном несоответствии: фараон, который считается всемогущим, ничего не понимает. Можно смело сказать, что данное повествование утверждает: власть как посягательство на всевластие Бога отупляет человека и лишает его способности оценивать ситуацию; абсолютная же власть делает его абсолютным болваном. Первые слушатели этой истории, простые пастухи, которые вели полукочевой образ жизни, понимали, что они куда мудрее фараона: уж им-то, в отличие от великого Рамсеса, который то воевал с наводнившими страну жабами, то сражался с облепившими его мошками, не требовалось *десяти* казней, чтобы сменить курс! Эта аудитория понимала и другой парадокс: не будучи облеченными земной властью, они сильнее фараона, потому что на их стороне Бог. Этот урок история преподавала Израилю многократно.

Книга Исхода осмеивает притязания фараона на высшую власть, которой у него нет, — таков основной мотив его действий в сюжете о египетских казнях, — и это придает повествованию почти сатирическое звучание. Урок разыгрывается как мастерски

продуманная драма — десять казней, каждой из которых вполне достаточно, чтобы простой смертный уступил, — и оставляет в памяти неизгладимый, будто выжженное клеймо, след: если человек посягает на роль Бога, ему уготован печальный конец.

В те времена подобные идеи носили радикальный характер, поскольку не было такой политической структуры, которая не претендовала бы на то, что создана богом. Это повествование одним махом опровергало правомерность притязаний всех правителей Древнего мира на божественное происхождение. Фараон, который заявил поначалу, что слыхом не слыхивал про УНУН, теперь узнал его слишком хорошо, *и сделался великий вопль в [земле] Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца.*

Подобно своему предку Авраму, сыны Израиля покидали Египет более богатыми, чем пришли в него, ибо взяли с собой *вещи серебряные и вещи золотые и одежды*, которые отдали им египтяне. *И вышли сыны Израилевы... из земли Египетской.* Кроме того, они взяли с собой *кости Иосифа*, мумию своего предка. Они отвергли очевидный путь в Ханаан — вдоль побережья, занятого воинственными филистимлянами, — *чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет.* Бог, судя по всему, опасался, что народу, взятому Им под покровительство, недостает силы духа и сыны Израилевы будут искать отговорку, чтобы вернуться в безопасность рабства.

Маршрут беглецов пролегал по пустыне к Красному морю (на иврите оно называлось Тростнико-

вым морем, а название Красное возникло в результате ошибки перевода). Такой путь, который стал источником неисчислимых ученых споров, не позволял им вернуться назад. Однако в то время, по всей вероятности, так называемое море представляло собой скорее топь, чем водное пространство; и чудо, которое случилось, когда фараон, пожалев о своем решении, отправился в погоню с колесницами и всадниками, носило на самом деле менее впечатляющий характер, чем принято считать.

Когда войско фараона двинулось на сынов Израиля, они (немедленно пав духом) обратились к Моисею, возопив:

«Разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? что это ты сделал с нами, выводя нас из Египта?»

«Не это ли самое говорили мы тебе в Египте, сказав: оставь нас, пусть мы работаем Египтянам? Ибо лучше быть нам в рабстве у Египтян, нежели умереть в пустыне» (Исх. 14:11–12).

Так воздали они Моисею за упорство при «перетягивании каната» с богоподобным правителем Египта и мужественное преодоление своих слабостей. Однако Моисей не теряет присутствия духа и вспоминает наставление Бога:

«Не бойтесь, стойте — и увидите спасение Господне [YHWH], которое Он соделает вам ныне; ибо Египтян, которых видите вы ныне, более не увидите во веки!» (Исх. 14:13).

Моисей, подлинный лидер, следуя указанию Бога, переводит сынов Израиля через *море*, которое, скорей всего, было просто болотом. Израильтяне успевают перейти его во время отлива, а когда их догоняет фараон и его войско, начинается прилив, вода поднимается, колесницы вязнут в грязи и египтяне оказываются в ловушке. Следующие поколения вспоминают случившееся как чудесную, блистательную победу:

А сыны Израилевы прошли по суше среди моря: воды [были] им стеною по правую и по левую сторону.

И избавил Господь [YHWH] в день тот Израильтян из рук Египтян, и увидели Израильтяне Египтян мертвыми на берегу моря.

И увидели Израильтяне руку великую, которую явил Господь [YHWH] над Египтянами, и убоился народ Господа [YHWH], и поверил Господу [YHWH] и Моисею, рабу Его (Исх. 14:29–31).

Несомненно, здесь происходит нечто необычайное, события разворачиваются стремительно и не могут не вызвать изумления. Израиль, пестрая толпа беглых рабов под предводительством косноязычного принца, одерживает победу над могущественным Египтом. При этом масса вопросов остается без ответа: сколько человек участвовало в происходящем, сколько погибло и сколько спаслось, что именно позволило одержать неожиданную победу? Едва ли когда-то можно будет ответить на них однозначно.

Текст содержит длинную песнь, подобие антифона, — предположительно ее пел Моисей и сыны Израиля. Эта песнь изображает YHWH богом-воином и величайшим из богов («*Кто, как Ты, Господи [YHWH], между богами?*»); а Израиль — народом, который YHWH *сопровождает силой Своей в жилище святыни Своей*. Это поразительное чудо, эта несомненная победа, вырванная из пасти надвигающегося несчастья и, казалось бы, неминуемого поражения, произвела глубокое впечатление на весь народ — теперь уже не просто сынов Авраама или Израиля, но на народ YHWH, — как ни одна из предшествующих встреч Бога с избранными собеседниками. YHWH стал *их* Богом, Богом, что преподносит сюрпризы, а они сделались *его* Народом.

Сцену триумфа завершает еще одна песнь, на сей раз короткая. Когда израильтяне перешли море и оказались вне досягаемости поверженных египтян, на берегу принимается танцевать босоногая женщина с тимпаном, и к ней присоединяются *все женщины с тимпанами и ликованием*. Это Мариам, та самая, что когда-то, маленькой девочкой, стояла в камышах, надеясь защитить своего маленького брата. Теперь она стала взрослой, и в народе ее называют пророчицей. Песнь Мариам проста и лаконична, ее язык столь архаичен, что, вероятно, она действительно была сложена в тот день, когда Мариам танцевала на берегу Красного моря. В словах этой песни звучит тот же лейтмотив, что и в песне Моисея и во всех прочих песнях, сопровождающих повествование:

«Пойте Господу, ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его ввергнул в море!» (Исх. 15:21).

Этот рассказ об освобождении является центральной частью еврейского Священного Писания. Все предшествующие скитания праотцев и праматерей и их растущая близость к Богу ведут к этому мигу; и все, что случится потом, будет связано с этой триумфальной минутой. В следующей главе мы обратимся к горячим дебатам об историчности Библии — ее достоверности как исторического документа. А пока достаточно сказать, что именно в эту минуту потомки Авраама — пестрая толпа скитальцев — стали народом, которым остаются и по сей день, и запомнить бо-соногую женщину с темными распущенными волосами, которая танцует на далеком берегу, не сдерживая бьющей ключом радости.

IV Синай

От смерти к жизни

История Исхода — бегства сынов Израиля из Египта — столько раз воспроизводилась в литературе, песнях и изобразительном искусстве, что мы упускаем из виду простое соображение: речь идет не об истории в узком смысле слова, но о доисторических преданиях небольшого семитского племени, которое тогда еще не владело письменностью, племени столь незначительного, что оно практически не фигурирует в летописях своих могущественных и грамотных соседей. Анализируя обширную сохранившуюся литературу Месопотамии и Египта, мы не обнаруживаем там ни слова об израильтянах. Если, как предполагает большинство ученых, израильтяне ушли из Египта во время правления Рамсеса II, примерно в середине XIII в. до н. э., почему египетские тексты и надписи не упоминают этот поразительный разгром? Разумеется, не исключено, что поражение было для Египта слишком позорным и, как множество великих держав, он не мог позволить себе чест-

но зафиксировать происшедшее. Есть и другая версия: история о том, как войско фараона утонуло в море, возникла из-за преувеличенного значения, которое устная еврейская традиция придавала незначительному с точки зрения египтян столкновению (известно, что Рамсес II не утонул, но скончался на собственном ложе), и предание изменило подлинные события до неузнаваемости. Существует и крайняя точка зрения: никакого исхода не было, это всего лишь легенда вроде «Эпоса о Гильгамеше», которую сочинили скотоводы-кочевники, чтобы коротать время по вечерам.

Придерживаться последней гипотезы, которая, надо признать, обладает соблазнительной определенностью, можно, лишь игнорируя некоторые очевидные особенности текста Библии. Между «Эпосом о Гильгамеше» и Исходом и даже между «Эпосом о Гильгамеше» и Бытием существуют не только литературные и стилистические различия — различны, что гораздо важнее, сам материал и подход к нему. Неизвестные авторы «Эпоса о Гильгамеше» рассказывают свою историю в мифологической манере. Они не пытаются убедить нас, что описанные события в самом деле имели место. Напротив, нам постоянно напоминают, что действие происходит «во время оно» — в некоем незапамятном золотом веке, который не имеет отношения к реальному земному времени. История Гильгамеша, подобно истории самих богов, принадлежит царству звезд. Слушатели, уверенные, что все значимое и первичное уже произошло, воспринимают ее как образец для

подражания, считая, что однозначно привязать эти события к какому-то времени попросту невозможно — они происходят вне времени, за пределами земного мира. Для всех древних народов (за исключением израильтян, будущего еврейского народа) время не обладает реальностью, реально и первично то, что принадлежит к небесной сфере. Для нас, наследников еврейского мировосприятия, верно прямо противоположное: реально лишь земное время; вечность — это конец времени (или просто иллюзия).

Многое в тексте Библии говорит о том, что авторы пытаются создать подобие истории. Разумеется, предания о патриархах в Книге Бытия или рассказ о бегстве из Египта не похожи на историю Франклина Рузвельта. В отличие от Дорис Кирнс Гудвин, составители Библии не имели доступа к каталогам Библиотеки Конгресса или Интернету. Они просто записывали у с л ы ш а н н о е, то, что сохранила устная культура, причем зачастую в двух-трех разных версиях, что неизбежно, когда предание пересказывается веками. Они старались придерживаться традиции, даже если одна сюжетная линия временами противоречила другой. Но в этих историях есть одна особенность — конкретность деталей, желание передать все, «как было», и это убеждает нас, что составитель стремился создать хроник у р е а л ь н ы х событий. Ощущение реальности этих событий — Бог в самом деле говорил с Авраамом и велел ему покинуть Шумер ради неизведанного, Бог действительно говорил с Моисеем и приказал ему вывести израильтян из Египта — и есть самое главное. В отличие

от «Эпоса о Гильгамеше», это не архетипические истории, завершаемые моралью; по сути, они не имеют ничего общего с прочими мифами — от Гильгамеша до Эзопа и сказок братьев Grimm. Никого не волнует, что истории Эроса и Психеи или Красавицы и Чудовища рассказывают о вымышленных событиях. Однако если Авраам и Моисей не существовали или если их миссия не была возложена на них Богом, значит, их история не имеет никакого смысла — равно как и сведения о происхождении «иудейского народа», христиан или мусульман, которые также считают себя потомками Авраама.

Здесь мы видим один из величайших поворотных моментов в истории человеческого мировосприятия, колоссальный сдвиг в системе ценностей. Для шумеров — и всех остальных народов, кроме евреев, — реальным было Вечное. Однако для евреев, а вместе с ними и для нас, реальным постепенно стало здесь и сейчас и там и тогда. Вопрос: «Было ли это на самом деле?», который мы задаем постоянно, не имел практического значения ни для одной из древних цивилизаций. Для древних никогда не случалось ничего нового, разве что нечто чудовищное. Жизнь на земле определялась звездами; все, что шло своим чередом, повторялось циклически. Аномальное и странное, например брак Эдипа с собственной матерью, удовлетворяло потребность в чудовищном. Неожиданностей следовало остерегаться; мудрый человек искал предсказуемого, повторяющегося, архетипического, вечного. Жизнь в согласии с Колесом позволяла обрести внутренний покой.

По ходу первых двух книг Библии Израиль изобретает не только историю, но и Новое как позитивную реалию. Возможно, замечание о том, что, если бы не евреи, мы не смогли бы даже развернуть рекламную кампанию нового сорта мыла (ведь рекламное объявление всегда предлагает нечто новое и неизвестное доселе), может показаться странным. Но в Древнем мире «реклама» Нового была попросту невозможна. Качество шумерского пива определялась его связями с вечным, с архетипической богиней, которая заботилась о подобных вещах. Если бы пивовар объявил свой продукт новым — единственным в своем роде и неизвестным ранее, — это положило бы конец его предпринимательской деятельности, поскольку пить такое пиво не стал бы никто. С психологической точки зрения израильтяне стали первым народом, который начал жить в реальном времени и ценить Новое и Неожиданное. Это было подлинное ниспровержение прежнего мировоззрения, свойственного Древнему миру.

Теперь значение прошлого состояло не в том, что оно поставляло примеры для подражания, но в том, что оно привело нас к настоящему: это первый отрезок пути, пройденный нашими предками. А значит, рассказывая историю их жизни, мы должны как следует разобраться в случившемся. Мы не просто создаем литературу — мы рассказываем об исторических личностях, их судьбе и о том, как их история могла нам стать теми, кто мы есть.

Именно поэтому израильтяне уделяют такое внимание генеалогии — педантично указывают, кто чей

сын, не забывая имена таких, казалось бы, незначительных лиц, как чьи-то жены. И хотя составители Книг Бытия и Исхода, которые записали огромный объем устного материала спустя несколько веков после того, как произошли описанные события, вряд ли были профессиональными историками, что проверяют и перепроверяют факты, сопоставляя их с сохранившимися документами, они, несомненно, стремились составить хронику реальных событий, соответствующую имеющимся в их распоряжении источникам.

Читая эти книги в совершенно иную эпоху и имея лингвистическую и документальную поддержку, которой позавидовали бы авторы Библии, мы находим в библейских преданиях множество ошибок. Так, теперь нам известно, что имя Моше, или Моисей, которое авторы Исхода считают еврейским, на самом деле имеет египетское происхождение. Но это лишь свидетельство честности и добросовестности составителей Книги. Ошибочно интерпретируя данное имя как еврейское, они тем не менее не считают возможным опустить тот факт, что человек, о котором они пишут, был воспитан как египтянин и, скорее всего, его имя придумала дочь фараона. Это косвенное доказательство того, что история Моисея правдива (или, во всяком случае, что это не вымышленный персонаж), иначе авторы Библии едва ли упомянули бы обстоятельства, которые косвенно опровергают их собственную версию. То же самое можно сказать и про неоднозначный эпизод с *женихом крови*. В этом отрывке Бог предстает в столь

странном свете, что любой автор, стремящийся создать целостный образ, опустил бы его. Он сохранился лишь потому, что, как бы ни противоречил этот эпизод образу всеведущего, всемогущего, целеустремленного Бога, к созданию которого явно стремится автор, это часть устной традиции, которую редактор не вправе исказить, сколь бы силен ни был соблазн.

Благодаря современным инструментам текстологического анализа мы можем легко выявить противоречия, расхождения между разными традициями и явные ошибки. Однако, стараясь разглядеть, как с течением времени создавался этот текст, мы не должны закрывать глаза на огромное достижение: человечество впервые пытается записать историю, и эта история невероятно важна, поскольку именно она определяет своеобразие личности и народа.

Для древних будущее всегда воспроизводило прошлое, а прошлое представляло собой земное воплощение драмы, которая разыгрывалась на небесах: «История повторяется» — так оно и есть, когда речь идет не о подлинной истории, а всего лишь о мифе. Для евреев история тоже насыщена нравственными уроками. Но главный урок заключен не в том, что история повторяется, а в том, что она всегда несет что-то новое: во времени разворачивается процесс, направление и результат которого неведомы, если только Бог не дал нам понять, что ждет впереди. Будущее не повторяет то, что происходило раньше; единственное, что доподлинно известно в отношении будущего: в нем приходит то, чего не было раньше.

ше. Оно непознаваемо; нельзя узнать, каким оно будет, с помощью гадания, изучая расположение звезд или разглядывая внутренности животных. Мы не властны над будущим; в абсолютном смысле над будущим не властен даже Бог, поскольку за него отвечают все, кто определяет это будущее своими действиями в настоящем. Новая концепция будущего — впервые — несет надежду, которой не было места раньше. Мы не обречены, не связаны судьбой, которая предопределяет нашу жизнь. Если может произойти что угодно, мы свободны, — как израильтяне, которые перестали быть рабами, когда пересекли Тростниковое море.

Это новое удивительное понимание времени не снизошло на израильтян ни с того ни с сего. То, что началось как призыв к Аврааму покинуть обжитое место и свой народ и отправиться навстречу неведомой участи, вызрело в призыв к Моисею вывести поработанный народ из Египта, страны, которая жила по законам циклического возобновления, где все, чему предстояло случиться, уже было раньше и на все важные вопросы были уже даны ответы, неизменные, как изваяния фараонов. Проделав вместе с евреями эти два путешествия, мы прошли путь от личного (судьба Авраама) к общему (судьба народа Израиля). Мы ушли от божеств-покровителей, домашних божков, которых носят с собой на счастье, и пришли к YHWH, Богу из богов, чье могущество не сравнимо с властью самого могущественного из земных правителей. Эти два великих шага дают нам качественно новое понимание про-

шлого и будущего: прошлое становится определяющим фактором настоящего, а будущее несет с собой нечто неведомое.

Но как быть с настоящим? Может быть, это всего лишь миг между прошлым и будущим, на котором не стоит задерживаться? Нет, именно настоящее является пульсирующим, раскаленным добела средоточием всего последующего повествования, пересечением времени и вечности, моментом, где всегда присутствует Бог. Окончательное оформление еврейской религиозно-мировоззренческой концепции потребует добродетелей и мудрости всех священников, пророков и царей, которые будут продолжать историю Израиля. Этим людям понадобится немало сил и стойкости, чтобы чтить прошлое, но не преклоняться перед ним, склонять голову перед непроницаемой тайной будущего, но не испытывать перед ним страха, поскольку страшиться нужно лишь Бога, и жить не легендарным прошлым и не воображаемым (или пугающим) будущим, но настоящим.

После успешного побега и триумфальной победы над преследователями пестрая толпа бывших рабов возвращается к суровой реальности. Подобно своим далеким предкам, сыны Израилевы устало бредут по пустыне. Речь идет о Синайской пустыне, одной из самых бесплодных на планете, клиновидном полуострове, отделяющем Египет от Ханаана. Трудно представить более безжизненный пейзаж: здесь не

на чем остановить глаз, а растительности так мало, что можно идти часами и не увидеть ни деревца, ни травинки. Воздух столь горяч и сух, что человек, не готовый к подобному странствию, в два счета умрет от обезвоживания. По сравнению с Синаем Иудейская пустыня Иоанна Крестителя — настоящий оазис.

Однако Синай несет израильтянам не смерть, но прозрение, самое трудное, самое изнурительное, самое пугающее прозрение во всей Библии. Народ, бредущий по бесплодной земле Синая, не перестает роптать. В пустыне нет воды, пригодной для питья; запасы пищи истощились; люди страдают от жажды и голода. Бог слышит ропот евреев и не оставляет их жалобы без ответа: делает негодную для питья воду пресной; дает им возможность насытиться мясом перепелов и тем, что они называют *манн-ху*¹; наконец, приказывает Моисею ударить жезлом по скале, чтобы из камня пошла вода. Но несмотря на то что беспрестанные жалобы не остаются без ответа, люди продолжают сожалеть о прошлом, считая, что лучше им было умереть в неволе, и тоскуют по вошедшим в поговорку котлам с мясом, у которых они сидели в Египте.

---

¹ Манна (*манн-ху*), которую большинство английских переводов Библии транслитерируют как *манна* и которую принято считать «хлебом небесным», возможно, представляла собой съедобные выделения насекомых, которые можно обнаружить на ветвях некоторых растений, встречающихся на Синайском полуострове. — *Авт.* [Автор ошибочно включает в состав слова «манна» (*манн*) местоимение-связку *ху* (он). — *Перев.*]

Моисей не обладает политической хваткой, поэтому ему не обойтись без подсказок Бога. Даже тесть Моисея, Иофор, который вновь выступает на сцену, огорчается, наблюдая, как зять в одиночку улаживает споры. *«Для чего ты сидишь один, а весь народ стоит пред тобою с утра до вечера?»* — спрашивает он. Моисей объясняет, что его дело — поддерживать мир и судить между тем и другим.

Но тесть Моисея мудро замечает:

«Не хорошо это ты делаешь.

Ты измучишь и себя и народ сей, который с тобою; ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его» (Исх.18:17–18).

Как первый в мире консультант по менеджменту, Иофор советует Моисею сформировать среднее административное звено, чтобы самому заняться вопросами первостепенной важности:

«Пусть они судят народ во всякое время, и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами...» (Исх. 18:22).

Появление Иофора именно в этот момент тоже предопределено, поскольку караван Израиля приближается к Горе, месту, где Бог впервые говорил с Моисеем и обещал, что это будет происходить и впредь. Именно во время очередной встречи, когда Моисей уходит на Гору, мы видим, насколько неуправляем ропщущий народ даже в присутствии поставленных

Моисеем начальников. Как мы убедимся, эти начальники не помешают народу проявить себя далеко не с лучшей стороны.

Прежде чем Моисей восходит на Гору, Бог наставляет его, как утешить нестойкий израильский народ, которому необходимо постоянно напоминать о прошлом:

«Вы видели, что Я сделал Египтянам, и как Я носил вас [как бы] на орлиных крыльях, и принес вас к Себе;

Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля,

А вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх. 19:4–6).

Первые комментаторы Библии в мидрашах (комментариях) к этой части Книги Исхода сравнивают великого Бога YHWH с поклонником капризной женщины (в этой роли выступает народ Израиля), который добивается ее благосклонности, терпеливо объясняя, как она дорога ему и каким прекрасным будет их совместное будущее. Он готовит свой народ к тому, что предстоит. Моисей знает, что на Гору он должен подняться один, при этом Бог предупреждает его, что явится *в густом облаке* и Его разговор с Моисеем услышит народ.

Когда все приготовления завершены (люди совершили обряд очищения и получили строгое предупреждение не прикасаться к Горе), ее, точно извер-

гающийся вулкан, окутывает дым с проблесками огня. К этой содрогающейся Горе дозволено приблизиться лишь Моисею, ему предстоит встреча с YHWH. Моисей поднимается в огнистый дым. В эту минуту громом среди ясного неба раздаются слова, знаменующие великое богоявление. Эти слова услышит не только избранный народ, что стоит у подножия Горы, — они будут звучать на протяжении веков, находя отклик в сердцах миллиардов людей:

«Я Господь [YHWH], Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли;

Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь [YHWH], Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода] ненавидящих Меня,

И творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

Не произноси имени Господа [YHWH], Бога твоего, напрасно, ибо Господь [YHWH] не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

*Помни день субботный, чтобы святить его;
Шесть дней работай и делай всякие дела твои,*

А день седьмый — суббота Господу [YHWH], Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих;

Ибо в шесть дней создал Господь [YHWH] небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмый почил; посему благословил Господь [YHWH] день субботний и освятил его.

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь [YHWH], Бог твой, дает тебе.

Не убивай.

Не прелюбодействуй.

Не кради.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев [то], народ отступил и стал вдали.

И сказали Моисею: «Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть».

И сказал Моисей народу: «Не бойтесь! Бог пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили» (Исх. 20:2–20).

Но люди по-прежнему держатся поодаль, а Моисея на вершине горы окутывает мрак.

Здесь в Библии впервые сформулированы Десять заповедей, но, поскольку во Второзаконии (5:6–22) те же заповеди представлены в несколько иной редакции, нет оснований полагать, что этот отрывок в точности передает слова Бога. После детального лингвистического и текстуального анализа этих предложений и их сравнения со вторым вариантом (который не имеет существенных отличий) большинство ученых пришли к выводу, что первоначально все фразы были предельно краткими, подобно заповеди: «Не убивай», и, скорей всего, состояли из одного только слова, а именно: императивной формы глагола в сочетании с односложной отрицательной частицей. Таким образом, не исключено, что в исходном виде Десять заповедей представляли собой Десять слов — упрощенные до предела базовые запретительные нормы вроде: «Не убивай», «Не кради», «Не лги». Эти Десять слов (а Библия называет их именно *словами*, а не *заповедями*) мог запомнить самый неразвитый кочевник, а его собственные де-

сять пальцев были постоянным напоминанием их важности. Возможно, современных читателей, которых отталкивает мстительность Бога, Его стремление наказывать не только грешника, но и его детей, внуков и правнуков, порадует, что эти угрозы, по видимому, были добавлены переписчиками в более поздний период.

Еще одну загадку представляет собой разбивка текста на отдельные заповеди и их классификация. Средневековая еврейская традиция выделяет пять заповедей, которые относятся к Богу (те, что упоминают имя Бога), и пять относящихся к человеку. В V в. н. э. Августин Аврелий выделил три заповеди, касающиеся Бога (он объединил первую фразу, в которой Бог определяет себя и которая, строго говоря, не является заповедью, с запретом поклонения идолам), и семь заповедей, касающихся людей (последнюю заповедь он разбивает на две: *Не желай жены ближнего твоего* — фраза, открывающая данный перечень во Второзаконии, — и предписание не желать *всего, что есть у ближнего твоего*). Такой нумерации придерживаются римско-католическая, лютеранская и англиканская церкви. Наиболее обоснованной представляется нумерация, принятая православной и прочими восточными церквями: четыре заповеди для Бога (включая заповедь о соблюдении субботы) и шесть для человека. Поскольку этой же нумерации следует реформатская церковь, скорей всего, в США вы столкнетесь именно с ней.

Однако, углубляясь в детали (какие слова являются подлинными, как разбить текст, чтобы полу-

чить десять фрагментов) и вникая в научные споры, мы рискуем недооценить происходящее, упустив из виду главное. Во всей мировой литературе нет документа, подобного Десяти заповедям. Разумеется, нравственные установления есть и в других культурах. Однако они всегда излагаются либо как юридические нормы (если вы поступите таким-то образом, это будет иметь такие-то последствия), либо как житейские наставления (если вы хотите жить счастливо, вам следует поступать так-то и так-то и избегать того-то и того-то). Здесь же — в первый и, думаю, в последний раз — люди получают свод законов без обоснования его правомерности. Подтверждений правомерности и уточнений — не считая нескольких скупых комментариев, добавленных переписчиками, — не требуется, ведь это свод законов, установленных Богом. Кто, кроме Бога, может произнести десять «Ты должен» и «Тебе нельзя», которые будут иметь такой вес, что в комментариях не возникнет нужды?

У английского писателя Честертона есть блестящий рассказ про вора Фламбо, что крадет драгоценности, и священника, отца Брауна, который преследует его. Фламбо — чрезвычайно самоуверенный тип; священник напротив весьма скромн, он убежден, что понимает человеческое сердце, поскольку сознает собственную греховность. В конце рассказа отец Браун оказывается на Хэмпстедской пустоши. В сгущающихся сумерках он сидит рядом с Фламбо (вору и в голову не приходит, что говорливый

толстячок выследил его), восхищенно глядя в небеса. Фламбо, который переделся священником, чтобы украсть ценнейшее произведение искусства — сапфировый крест (именно он и дал название рассказу), — заявляет, что презирает «безбожников», которые «взывают теперь к разуму»¹. Подняв глаза к небу, усеянному звездами, он добавляет: «Кто, глядя на эти мириады миров, не почувствует, что там, над нами, могут быть Вселенные, где разум неразумен?»

«Истина и разум, — отвечает отец Браун, — царят на самой далекой, самой пустынной звезде. Посмотрите на звезды. Правда, они как алмазы и сапфиры? Так вот, представьте себе любые растения и камни. Представьте алмазные леса с бриллиантовыми листьями. Представьте, что луна — синяя, сплошной огромный сапфир. Но не думайте, что все это хоть на йоту изменит закон разума и справедливости. На опаловых равнинах, среди жемчужных утесов вы найдете все ту же заповедь: „Не укради“».

Несомненно, отец Браун имеет в виду прославленную абсолютность Десяти заповедей. Они не требуют обоснования, в них невозможно усомниться. Они не зависят от обстоятельств, ими нельзя пренебречь в особых случаях. Они не подлежат обсуждению. Они не носят рекомендательного характера. Это не «десять вызовов» (как называет их, пользуясь современным языком, автор недавно вышед-

---

¹ Цитируется по переводу Н. Трауберг.

шей книги¹). Они являются именно заповедями — их нельзя обойти или, что точнее в пространственном смысле, из них нельзя выйти. Они новы лишь на момент оглашения в грозном пламени Синая. Миллиарды людей приняли их как разумные и непреложные, поскольку они были запечатлены в человеческих сердцах всегда. Они всегда были стержнем человеческой личности и хранились в безмолвных глубинах, которые есть в душе каждого человека. Их надо было лишь произнести вслух.

Впервые Десять заповедей прозвучали в жестокую эпоху; она не имела ничего общего с нашим временем, это была эра злобных богинь и безжалостных богов. Люди, которые впервые услышали эти слова, были просты и грубы — кочевники, странствующие по безжизненной Синайской пустыне под ослепительными лучами безжалостно палящего солнца. Люди той эпохи нуждались в простых и суровых истинах. Неудивительно, что эти слова никогда не говорились облеченным властью, изнеженным и живущим в комфорте. Неопровержимые истины Десяти заповедей надлежало услышать именно израильтянам, которым предстояло нести их дальше.

Здесь те читатели, которые не верят в Бога, оказываются в тупике. По всей вероятности, первые заповеди — те, что касаются Бога, — представляются им не бесспорными, но бессмысленными. Однако

---

¹ Leonard Felder. *The Ten Challenges: Spiritual Lessons from the Ten Commandments for Creating Meaning, Growth, and Richness Every Day of Your Life*. Sheffield Pub Co, 2004.

предложите неверующему взглянуть на заповеди, касающиеся человека, и спросите его, какие он хотел бы убрать и что может добавить. Полагаю, что здесь верующий и неверующий будут единомышленны. Здесь нечего добавить или выбросить. Разумеется, можно вспомнить проблемы, которые стали волновать нас лишь в последнее время, и вставить что-нибудь по поводу окружающей среды, расизма, половой дискриминации, неприкосновенности свободного рынка или общечеловеческого единства. Но если бы я видел перед собой запыленные грубые лица людей, что напряженно следили за происходящим на вершине горы Синай, и если бы я окинул внутренним взором нескончаемую череду простых душ — всех тех представителей самых разных культур, что на протяжении веков нуждались в нравственной поддержке в самых разных ситуациях, — мне пришлось бы признать, что едва ли нам удастся усовершенствовать Десять заповедей. В них перечислены все великие грехи, а те, что не упомянуты явным образом (например, лишение неимущего средств к существованию), являются следствием названных, и израильтяне почти сразу занялись такой категоризацией преступлений, квалифицируя притеснение вдов и сирот как убийство¹. Даже в совсем иное время и в совершенно других культурах, на Хэмпстедской пустоши на рубеже столетий или в Центральном парке на рубеже тысячелетий, мало находилось

---

¹ Подобное преступление каралось убийством, но не приравнивалось к нему. — *Перев.*

и найдется тех, кто не понимает: если бы не эти заповеди, наш мир был бы совершенно иным. Это утверждение настолько очевидно, что стало общим местом. Однако, несмотря на все наши достижения, мы до сих пор не научились **с о б л ю д а т ь** предписанное.

Помимо переворота, каким стало оглашение нравственного кодекса, следует отметить еще одно, не столь заметное, но тоже весьма важное нововведение — учреждение выходных дней, которое началось с еврейской субботы («шаббата» или «прекращения»). Ни одно древнее общество до евреев не имело дня отдыха. Бог, что отдыхал, после того как создал Вселенную, велит людям следовать Его примеру, и у них появляется возможность посвятить еженедельный отдых молитве, обучению и развлечениям. Такое обучение (оно называется «талмуд»)¹ представляет собой начала того, что Нахум Сарна назвал «всеобщей обязанностью непрерывного самообразования». Израиль стал первым обществом, где образование не просто ценилось, но считалось всеобщим делом, при этом в обязанность власть предержащим вменялось заботиться о тех, кто находился у них в подчинении. Глубинный смысл этой заповеди увязывает ее со свободой и творческим началом: иметь досуг подобает свободным людям, и эти люди, которые обрели свободу совсем недавно, немедленно учреждают скромное еженедельное

---

¹ Данное слово и соответствующая ему реалья возникли много позднее. — *Перев.*

торжество в честь своей свободы; досуг является необходимым условием творчества, и свободные люди вольны подражать творчеству Бога. Суббота, несомненно, одна из самых простых и разумных рекомендаций, которые когда-либо давались свыше; и отсутствие такого еженедельного перерыва опустошает и обедняет жизнь.

На Синае незримо присутствуют патриархи, ведь в сущности заповеди представляют собой кодификацию Завета, который Бог заключил с Авраамом. Обрезание является видимым свидетельством соблюдения Завета; заповеди — незримый знак, своего рода духовное обрезание. Этот Бог станет их Богом, а они — при условии соблюдения заповедей — станут Его народом, *царством священников и народом святым*. Столь тесные узы исключают близость с чужими богами. Средневековые еврейские комментаторы Библии сравнивали эту связь с браком. Как отмечают современные толкователи, это очень похоже на типичный договор о сюзеренитете из тех, что заключались на Ближнем Востоке в древности — вроде того пакта, что заключил Авраам с ханаанскими царями, — с тем существенным отличием, что на сей раз одной из сторон является сам Бог.

Из всех нововведений, которые несет с собой Синай, включая кодификацию генотеизма (поклонение одному богу одновременно с признанием существования многих богов) Авраама, провозглашение всеобщего обязательного нравственного закона (или того, что впоследствии Кант назовет «категоричес-

ким императивом»), учреждение субботы, ни одно не является столь дерзким, как обретенное с этим великим богоявлением новое понимание времени. Странствия Авраама и освобождение под предводительством Моисея привели к перевороту в восприятии прошлого и будущего: прошлое — это путь, пройденный мною и моими предками, который привел меня в это время и в это место; будущее — то, чему предстоит случиться. Прошлое безвозвратно, будущее неведомо. Первое нельзя изменить, во второе невозможно заглянуть. О прошлом можно лишь сожалеть, будущего можно только страшиться. Жить в реальном времени, жить в истории — пугающее испытание. Неудивительно, что древние старались избежать подобных мук, изобретая циклическое время и вечное вращение Колеса, которое вело лишь к смертному упокоению.

Дарование Десяти заповедей позволяет нам жить в настоящем, здесь и сейчас. То, что я совершил в прошлом, останется в прошлом; то, что я сделаю в будущем, не стоит того, чтобы волноваться сейчас, ведь мне неизвестно, что произойдет дальше. Однако есть минута, над которой я властен, и это нынешняя минута. Это момент выбора, момент, когда я решаю, вонзить нож или нет, взять деньги или нет, солгать или нет. Только в этот миг я могу изменить прошлое и пролить свет на будущее. Такое понимание не предполагает ни сожалений, ни страха, но полное душевное спокойствие при условии соблюдения заповедей. Речь идет не о вечном покое,

который несет смерть, и не о согласии с Колесом. Лишь имея свободу выбирать верный путь, я могу жить в полном смысле слова.

Нормы Десяти заповедей мало-помалу делают историю израильтян достоверной и последовательной — качества, которые мы едва ли обнаружим у истории какой-либо другой древней культуры. Во всех дошедших до нас древних эпосах о богах Небеса, обладающие высшей реальностью, изменчивы и ненадежны. Зевсом движет неутолимая похоть, Иштар — пристрастие к злым насмешкам; а мы, обитатели Земли, зависим от беспричинных перепадов их настроения. Злополучные странники, израильтяне, тоже являлись порождением Древнего мира, и им было свойственно приписывать своему Богу, YHWH, человеческие черты, в частности ревность, которая порой делала Его похожим на вздорных богов прочих пантеонов. Однако пропасть, которая отделяла мировоззрение Израиля от взглядов остальных древних обществ, с течением времени расширялась.

Важно в полной мере отдавать себе отчет не только в примитивности Десяти слов, их почти пещерной неуклюжести, но и в их потрясающей гибкости. Подобно любой действующей декларации или конституции, они носят общий характер, что оставляет место для конкретизации и интерпретации в контексте более поздних эпох — в условиях, которые было трудно представить у подножия горы Синай. Мы уже говорили о расширительном

толковании запрета на убийство, который включал обязанность заботиться о неимущих. История не знала заповеди, которая была бы объектом более пристального внимания и более острых дебатов, чем эта. Даже в наше время к ней апеллируют либералы и консерваторы, пацифисты и противники аборт, борцы за отмену смертной казни и ее сторонники, используя ее в качестве решающего аргумента. Будь вы президент Объединенного комитета начальников штабов США или глава Международного союза поборников примирения, противник аборт и эвтаназии или член Национальной лиги действий за право на аборт, Джесси Хелмс или Хелен Прежан¹, вы не обойдете вниманием эту заповедь.

Другой аспект этого богоявления, который заставляет задуматься тех, кто верит в жизнь после смерти, — весьма скупой перечень вознаграждений. Тем, кто заботится о своих родителях, обещана долгая жизнь, но в е ч н о й жизни не обещано никому. О подобном не идет и речи, разве что как о чем-то невозможном, словно в «Эпосе о Гильгамеше», поскольку

Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.

---

¹ Американский сенатор *Джесси Хелмс* известен как ярый противник аборт. Сестра *Хелен Прежан* — американская монахиня, которая наставляла приговоренных к смертной казни и написала об этом книгу «Вот идет приговоренный к смерти», впоследствии экранизированную. — *Ред.*

Но даже обещание долгой жизни, скорей всего, добавлено позднее. Главная мысль выражена четко и однозначно: добродетель сама себе награда. Я должен подчиниться приказу, потому что ему положено подчиняться.

Что-то в нашей душе противится этому, так и подмывает насмешливо спросить: «Вот как? Это ты так думаешь, УНВН!» «По натуре мы все питаем неприязнь к религии, а не к превосходству как таковому, — сказал Джон Генри Ньюмен¹. — Природа влечет нас к земле, а Бог — это небеса». Что может быть хуже не подлежащего обжалованию приказа? Ничто не вызывает столь сильного желания согрешить, как преувеличенное внимание к добродетели. А раз это так, едва ли нас удивит то, что случилось дальше.

Сыны Израиля, не теряя времени попусту, нарушают заповеди, как и когда только можно. Раздраженные долгим отсутствием Моисея, который ушел на Гору, они берутся за старое. Они требуют, чтобы Аарон что-нибудь *сделал*, и тот не долго думая возвращает им утешение, которое приносило прежнее видение мира. Собрав золотые украшения, которые прихватили с собой израильтяне, покидая Египет, Аарон расплавляет их и отливает идола — снедаемые тревогой люди получают божка, которому можно поклоняться. В Исходе этот божок назван *литым тельцом*, по-видимому, чтобы

---

¹ *Джон Генри Ньюмен* (1801–1890) — английский теолог, педагог, публицист и церковный деятель. — *Ред.*

принизить его. На самом деле это, скорей всего, бык, разъяренный бык в период гона, первобытный символ могущества и власти. Аарон восклицает¹:

«Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской!» (Исх. 32:4).

Народ самозабвенно поклоняется тельцу, приносит ему жертвы и принимается есть, пить, а также, как сдержанно сказано в Книге Исхода, *играть*, то есть утолять свою похоть, что было принято при языческом богослужении. Как известно, бык служил широко распространенным символом божественного начала в Месопотамии и Египте. И хотя мы не можем однозначно утверждать, что израильский народ поклонялся именно богу-быку (возможно, спутники Моисея всего лишь хотели выразить свое благоговение перед YHWH, считая, что невидимый Бог восседает на спине быка), толпа, несомненно, создала себе *кумира*, зримый объект для поклонения. Они перепутали YHWH с Его творением, нарушив две первые заповеди. Кроме того, они проявили неуважение к своим предкам, которые уже давно не поклонялись идолам, а во время *игр* наверняка не удержались от прелюбодеяния. Дав волю воображению, мы неизбежно приходим к выводу, что они сумели нарушить все Десять заповедей, хотя для столь краткого отрезка времени хватило бы и пяти.

---

¹ Ошибка. В соответствии с текстом Библии эти слова произносит не Аарон, но израильтяне. — *Перев.*

Между тем Моисей на Синае получает Десять заповедей в письменном виде — *две скрижали откровения*¹ — и слышит слова Бога:

«Развернулся народ твой, который ты вывел из земли Египетской» (Исх. 32:7).

Договор нарушен сразу же после заключения. Израильтяне больше не народ Божий — это люди Моисея. Бог называет их *жестоковъйными* и просит Моисея уйти, намереваясь уничтожить его соплеменников. Бог говорит, что *произведет многочисленный народ* от одного Моисея, как произвел его от Ноя после потопа.

В первый (но далеко не в последний) раз избранник Божий вступает в спор с Богом:

---

¹ Упоминание двух скрижалей впоследствии позволило комментаторам предположить, что заповеди были разбиты на две категории — те, что касаются Бога, и те, что относятся к человеку. Однако наличие двух скрижалей, возможно, восходит к принятой на Ближнем Востоке практике заключения договоров, когда, как и в наши дни, каждая из сторон получала копию соглашения. Вопрос о том, какую письменность использовали скрижали и кто мог прочесть написанное, остается без ответа. Алфавит является семитским изобретением, он был создан в Леванте финикийцами. Его колоссальное преимущество перед шумерской и египетской системами письменности, которые требовали освоения тысяч символов, заключалось в простоте: письмо мог освоить любой, а не только тот, кто имел образование и досуг. Таким образом, был сделан гигантский шаг к демократизации письменности. (Позднее алфавит позаимствуют римляне и греки, внося в него свои изменения.) Был ли знаком с алфавитным письмом Моисей, который, несомненно, знал иероглифы (именно они послужили основой для новой системы, которая, по всей вероятности, уже существовала в период Исхода), нам неизвестно. — *Авт.*

«Да не воспламеняется, Господи [YHWH], гнев Твой на народ Твой, который Ты вывел из земли Египетской силою великою и рукою крепкою,

Чтобы Египтяне не говорили: «На погибель Он вывел их, чтобы убить их в горах и истребить их с лица земли»; отврати пламенный гнев Твой и отмени погубление народа Твоего;

Вспомни Авраама, Исаака и Израиля, рабов Твоих, которым клялся Ты Собою, говоря: „Умножая умножу семя ваше, как звезды небесные, и всю землю сию, о которой Я сказал, дам семени вашему, и будут владеть вечно!“»

И отменил Господь [YHWH] зло, о котором сказал, что наведет его на народ Свой (Исх. 32:11–14).

По правде сказать, в YHWH и вправду есть что-то от разъяренного быка, и неудивительно, что народ изобразил его именно в таком облике. Очевидно, что в тот период, когда небольшая группа семитов чрезвычайно медленно продвигалась от политеизма к монотеизму, люди приписывали своему Богу черты других почитаемых на Ближнем Востоке божеств. Их Бог — настоящий бог-громовержец, который является в окружении небесного огня и туч; его гнев внезапен и разрушителен, как удар молнии; он извергается, подобно вулкану (вспомните Вулкана, римского бога огня). Впоследствии эти картины Божьего гнева постепенно сменит более непосредственное восприятие, но пока перед нами моментальный снимок зарождающегося монотеизма на стадии головастика.

Следует также отметить, что определение Богом евреев как *жестокого* народа позднее станет лейтмотивом злых насмешек христиан над евреями. Именно *жестокий* Шейлока и приверженность букве устаревшего морального закона позволяют Шекспиру выставить его в самом неприглядном свете. Складывается впечатление, что евреи из-за своей этической концепции непрощающего Бога тоже не склонны прощать, стремясь любой ценой получить свой «фунт мяса». Именно эта якобы еврейская черта послужит оправданием для антиеврейских настроений в Средние века, настроений, которые сохранялись вплоть до недавнего времени, когда новые теории расовой неполноценности позволили заменить средневековый антииудаизм (по сути, он представлял собой обыкновенную клевету) более изощренным «научно обоснованным» антисемитизмом.

Если обратиться к истории изображения евреев христианами — начиная с изысканно-зловных проповедей Иоанна Хрисостома (Златоуста), относящихся к IV в. н. э., — вызывает удивление (и отвращение) тот факт, что этому народу неизменно приписывают категоричность его Бога — того Бога, которому поклоняются сами христиане. Можно без труда доказать, что средневековый антииудаизм и его современное продолжение, антисемитизм, суть проявления замаскированной ненависти к Богу, ищущие оправдания своей нетерпимости. Ненависть христиан к евреям, вероятно, проистекает из ненависти к Богу, ненависти, которую ненавистник тща-

тельно скрывает сам от себя. Откуда берется эта ненависть? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вспомнить все те же суровые и неумолимые Десять заповедей.

Неукоснительное соблюдение Десяти заповедей влечет за собой бесконечное количество предписаний, которые составляют значительную часть остальных текстов Торы¹. Благочестивые евреи и по сей день считают эти предписания ядром Торы. Они не были получены на Синае, хотя составители, которые окончательно скомпилировали текст в XV в. до н. э., спустя 600 лет после богоявления в пустыне, и пытаются убедить нас в этом. Назначение этих предписаний — управлять жизнью людей, давно ведущих оседлый образ жизни, а не странствующих по

---

¹ *Торой* (слово «Тора» означает «Учение», хотя иногда ошибочно переводится как «Закон») евреи называют первые пять книг Библии. (Более подробно об этом рассказано в разделе «Книги еврейской Библии» в конце книги.) Тора подобна огромной мозаичной структуре, и хотя основной узор, возможно, и выложен одним художником (в соответствии с последними версиями — самим Моисеем), в ней есть запутанные места и весьма сложные пассажи, к которым приложили руку множество людей. Несмотря на то что я считаю материал Торы историчным в своей основе, скорей всего, подобные фрагменты вставлялись в текст не без умысла. К примеру, в повествование о египетском рабстве вплетаются ритуальные предписания, которые относятся к гораздо более позднему периоду, когда израильтяне уже осели в Ханаане и у священства появилось время для разработки сложных поведенческих норм. Пасхальный агнец и правила, касающиеся мацы (пресного хлеба, который надлежит есть во время пасхального Седера), восходящие к весенним сельскохозяйственным праздникам, были добавлены к первоначальному повествованию много позднее, поскольку священники хотели увязать созданные ими ритуалы с историей великого освобождения. — *Авт.*

пустыне. Язык таких вставок — это язык законодателей и священников, а не летописцев. Одно из предписаний, которое называется *lex talionis*, то есть закон возмездия (*глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу*), часто цитируется как иллюстрация жестокости нравственных принципов Ветхого Завета и их общности с законами Шумера, ведь *lex talionis* появляется еще в законах Хаммурапи за много веков до составления библейского текста.

В Торе действительно есть много законов, которые заставляют нас содрогнуться, подобно рефрену западной истории: «Не допусти, чтобы ведьма осталась в живых». Едва ли последняя фраза, которая не дает забыть о жестоком уничтожении досаждавших кому-то старух, как это случилось в Салеме, штат Массачусетс¹, как и предписания Книги Левит, требующие убивать гомосексуалистов и предавать сожжению заживо виновника кровосмешения вкупе с его жертвой, ласкают слух наших современников. Однако верно и то, что это громоздкое, многословное собрание разнообразных предписаний в целом сделало гуманнее общее право древнего Ближнего Востока, где зачастую преступник лишался руки за кражу ковриги хлеба или нанесение побоев, а также предоставляло самые широкие права привилегированной части общества и практически никаких прав — низшим классам. Тора нечасто обнаруживает характерную для прочих древних сводов

---

¹ Жертвами кампании, развязанной пуританскими лидерами Колонии Массачусетского залива в 1692 г., стали женщины разного возраста, а также мужчины. — *Ред.*

законов необдуманную жестокость в выборе меры наказания, предписывающую отрезать нос, уши, язык, нижнюю губу (за целование чужой жены), груди и яички. Куда более примечательна исходная посылка Торы: все принадлежащие к роду человеческому, включая рабов, — это люди, а любая человеческая жизнь священна. Эти законы склоняются скорее на сторону обездоленного и беспомощного, нежели наделенного властью и богатством. В обязанность вменяется даже сочувствие:

Пришельца не обижай: вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами в земле Египетской (Исх. 23:9).

Подобная необъективность, при которой предпочтение отдается обездоленным, уникальна не только для древнего, но для всего права. Каким бы слабым ни было наше чувство справедливости, если оно вообще существует, оно остается еврейским чувством справедливости.

Слабее всего культура западного мира связана с теми многочисленными предписаниями Торы, что стали фундаментом Галахи. Речь идет о законах, основанных на давности или обычаях, которые регламентируют все аспекты жизнедеятельности. На сегодняшний день этот корпус законов вырос во много раз. Так, одна-единственная фраза из Книги Исхода: *Не вари козленка в молоке матери его*, которая поначалу вполне могла представлять собой запрет на жестокость, послужила основой для слож-

ной системы правил питания. Эти правила требуют держать мясо и птицу отдельно от молока и молочных продуктов, причем для разных видов продуктов предусматриваются два отдельных комплекта посуды и кухонных принадлежностей. Подобные правила, представляющие собой развитие и конкретизацию Торы, нашли свое отражение в Мишне, правовом кодексе иудаизма, который оформился в конце II в. н. э., получил дальнейшее развитие в Талмуде в период раннего Средневековья и продолжает разрабатываться в раввинских (зачастую обскурантистских) комментариях вплоть до наших дней. Сфера влияния этих источников ограничивается относительно узкими кругами религиозных евреев и не пересекается с западным сознанием и идеями — по этой причине их подробное рассмотрение не входит в задачи данной книги. Бесконечное совершенствование законодательства раввинами на протяжении столетий привело к тому, что слово «талмудический» приобрело коннотацию «уточняемый до абсурда». Зачастую это приводит к разногласиям внутри еврейской среды, и даже в наши дни мы слышим оскорбительные и вызывающие заявления ультраортодоксов о том, что более гибкие формы иудаизма вообще не являются иудаизмом. Однако, несмотря на мелочный до нелепости педантизм, эти законы говорят о том, что евреи — первый народ, который выработал целостный взгляд на жизнь и налагаемые ею обязательства. Вместо того чтобы воспринимать требования закона и притязания мудрости как две отдельные сферы (как это было

у шумеров, египтян и греков), евреи полагали: все, что есть в жизни, исходит от ее Творца, а значит, требует единой регламентации. Материальное и духовное, интеллектуальное и нравственное едины:

Слушай, Израиль: Господь [YHWH], Бог наш, Господь [YHWH] един есть! (Втор. 6:4).

Эта великая формула провозглашает, что Бог один, и при этом он *един*. Это открытие не только стало истоком объединяющих, универсалистских установок западной философии, но и сделало возможным рождение современной науки. Жизнь — это не совокупность обособленных событий, вызванных разнородными силами, а Вселенная — не поле битвы непостоянных, вздорных богов. Как поет Боб Дилан:

Звони в колокола, святая Марта,
По погибшему сыну человеческому.
Звони в колокола, пусть узнает весь мир,
Что Бог один.

Бог и «погибший сын человеческий» неразрывно связаны. Бог един, жизнь представляет собой нравственный континуум, а значит, реальность обретает смысл.

За предательством следует кровопролитие. Спускаясь с Горы с двумя скрижалями завета, Моисей слышит *голос поющих*, а приблизившись к стану, видит *тельца и пляски*, и тогда

он воспламенился гневом, и бросил из рук своих скрижали, и разбил их под горою (Исх. 32:19).

Договор разорван. Моисей бросает идола в огонь и сжигает его, превращая в прах, который рассыпается по воде, после чего заставляет сынов Израилевых пить эту воду. Потом он набрасывается на Аарона и заставляет брата оправдываться, что тот делает весьма находчиво:

«Да не возгорается гнев господина моего! Ты знаешь этот народ, что он буйный.

Они сказали мне: „Сделай нам бога, который шел бы перед нами; ибо с Моисеем, с этим человеком, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось!“

И я сказал им: „У кого есть золото, снимите с себя“. И отдали мне; я бросил его в огонь, и вышел этот телец».

Моисей увидел, что это народ необузданный, ибо Аарон допустил его до необузданности, к посрамлению пред врагами его.

И стал Моисей в воротах стана и сказал: «Кто Господень [YHWH], — ко мне!» И собрались к нему все сыны Левиины.

И он сказал им: «Так говорит Господь [YHWH], Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего!»

И сделали сыны Левины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек (Исх. 32:22–28).

Как понять этот пассаж о Боге, который только что провозгласил абсолютный запрет на убийство и тут же отдает приказ устроить настоящую бойню? Моисей был предводителем первобытного кочевого племени, которое пошло на открытый бунт. Слово УНВН было не подкреплено законом, и Моисей не мог обратиться в суд. Ему ничего не оставалось, как применить силу. Если бы он не объединился с вооруженными мечами левитами, на этом история Исхода могла бы закончиться. В этом эпизоде прослеживаются признаки будущей фракционности — соперничества северных левитов и потомков Аарона, которые установят свою власть в иерусалимском Храме на юге. Мотив этой борьбы явно привнесен в повествование задним числом. Так или иначе, случившаяся бойня производит на читателя гнетущее впечатление. Мы можем сколько угодно повторять, что это был первобытный народ, который требовал сурового обращения, и пытаться объяснить данный эпизод крайней социальной напряженностью. Нам еще предстоит понять, почему этот отрывок увековечил образ Бога, жаждущего убийства. Может быть, на этот вопрос сумел ответить лишь Августин Аврелий: «Речь идет о Боге. Вам кажется, что вы поняли, в чем состоит чудо? Если вы понимаете его, это не есть Бог».

Однако в тексте Книги Исхода есть много тайн, которые не требуют знания мистических учений. Это главным образом тайны текстуального характера. Довольно трудно понять, сколько раз Моисей поднимается на Гору. А ведь именно его исчезновение на сорок дней приводит израильтян в отчаяние, заставляя отречься от прежних убеждений и предаться пороку. Современного читателя озадачивают (а порой и выводят из себя) пространные позднейшие вставки: конкретизация исходных Десяти заповедей; правила для земледельцев и скотоводов; подробнейшие инструкции по сооружению ковчега завета, в который предполагалось поместить скрижали завета (в итоге Моисей получил второй комплект), и указания по строительству скинии, или *шатра собрания*, где находился ковчег завета, когда Израиль располагался лагерем.

Хотя ряды сынов Израиля поредели, люди не изменились. Самые незначительные трудности лишают их мужества; они непрестанно жалуются, постоянно готовы взбунтоваться, что ставит под угрозу все начинание. Бог, который поначалу терпеливо сносил их сетования, решает, что, прежде чем поселиться в Ханаане, они должны выдержать сорокалетние скитания по пустыне. За это время любителей жаловаться, выросших в Египте, сменит более крепкое поколение, закаленное суровой жизнью в пустыне, — урожденные кочевники, готовые к вечным странствиям, а не городские неженки, тоскующие по вожделенным котлам с мясом.

Одна из отличительных особенностей повествования Торы, не присущая ни одному произведению древней литературы, — огромное значение, которое придается окружающим условиям и их способности накладывать отпечаток на сознание и нравственность. При этом описания Шумера и Египта практически отсутствуют; из Библии мы никогда не узнали бы о первом, а о втором известно лишь то, что его правитель был болваном, который вообразил, будто способен противостоять истинному Богу. Любой приличный музей изобразительных искусств позволяет нам получить о двух этих древних обществах куда более основательное представление, чем Библия, которая, по сути, является порождением их весьма развитых древних культур. Осматривая экспозицию, мы любуемся золотыми статуями фараонов и крылатыми богами Вавилона, и нас не тянет склонить перед ними голову или преклонить колени. Но Библия — это рассказ о тех, кто верует, и тех, кого прельщали египетские котлы с мясом и жестокие обряды Шумера, а не история искусства или культуры. Авторы Библии не позволяли себе щегольнуть мастерским описанием цивилизованной роскоши, поскольку культ и культура в Древнем мире были связаны так тесно, что любое признание культурных ценностей Египта или Шумера (а позднее Вавилонии) будет лишь искушать слабого и сбивать израильтян с истинного пути живого Бога, подталкивая их к поклонению золотому тельцу.

Стало быть, отнюдь не случайно великие богооткровения, в ходе которых Бог открывает людям свое

Имя и дарует им Десять заповедей, происходят в гористой пустыне. На земле нет места, более далекого от цивилизации и ее атрибутов; здесь ничто не напоминает об изобилии долин Нила и Евфрата. Если Бог — Бог истинный, Бог единый — решил обратиться к людям и если у них был шанс его услышать, это могло случиться лишь там, где отсутствовали приметы какой-либо культуры, где отсутствовала сама природа, густо населенная враждующими, своенравными божествами. Только среди безжизненных скал и песка разношерстное сборище людей, подверженных всевозможным слабостям и заблуждениям, может преобразиться и стать народом в новом смысле слова. Лишь под безжалостно палящим солнцем пустыни живой Бог может преодолеть препоны культуры, которые обычно защищают нас от подобной встречи. Обращаясь к Моисею, единственному человеку, который взошел на Гору, он провозглашает:

«Господь, Господь [YHWH, YHWH], Бог человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный,

Сохраняющий милость в тысячи [родов], прощающий вину и преступление и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода» (Исх. 34:6–7).

Так описывает себя Бог, и Он хочет, чтобы мы запомнили этот образ. Он — Бог многомилостивый

и человеколюбивый; Бог, верный до конца, который никогда не оставит свой народ; Бог, прощающий любые самые страшные ошибки; однако не следует забывать, что нашим детям, внукам, а порой и правнукам не избежать наказания за грехи старших поколений.

Моисей, посредник при этом богооткровении, представляет и Бога, и народ. С Богом он говорит от лица людей, с народом — от имени Бога. Его задача много труднее, чем у Авраама, — тот был своего рода шумерским Одиссеем, человеком, на которого возложили миссию, хитрым, умным и готовым принять любой вызов. Моисей — *человек не речистый*, невысокого мнения о себе и своих способностях; он уповаает лишь на слово Божье. Это весьма необычная характеристика для мифического героя — они обыкновенно не прочь похвастать. В своем смирении Моисей пуст, как тростник; в нем нет ни гордости, ни индивидуальности — ничего, что могло бы исказить слово Божье. А значит, он как нельзя лучше подходит на роль посредника.

Различие между этими двумя выдающимися личностями, которые стоят у истоков иудаизма, лишней раз свидетельствует об их исторической достоверности. Их роднит то, что оба были богаты и благополучны, но, повинувшись призыву свыше, снялись с места, чтобы странствовать долгие годы, не ведая, где в конце концов найдут пристанище. Если бы их история была мифом, составляющим часть устной семитской культуры, едва ли мы сумели бы обнаружить между ними различия, поскольку их предназначение было

практически одинаковым. Мы не знаем, пытался ли Бог обратиться к кому-то еще из шумерских дельцов, прежде чем его голос услышал Аврам. Мы не знаем, сколько евреев, занятых на строительстве египетских городов вроде Раамсеса, слышали не дающий покоя Голос, но отмахнулись от него, как от надоедливой мухи. Однако Моисей, помня бережно хранимые предками истории про Бога, помог богооткровению обрести конкретность детали. Будучи глашатаем Бога, он повел людей за собой и не покидал их, несмотря на ужасающую ущербность бывших рабов.

Семейный бог Авраама, страх Исаака, некто, ночь напролет борющийся с Израилем, стал Богом целого народа — израильтян — и блюдет свой народ, точно ревнивый муж. Но Он не только Бог Израиля. Он — Бог вселенского масштаба, Всевышний, который соблаговолил в своем непостижимом милосердии избрать еврейский народ и сделать его святым. Двойное богооткровение на Синае — дарование Десяти заповедей и открытие Богом собственной сущности: Он Тот, Кто Есть и Пребудет Во веки, — знаменует начало начал.

Пламя Синая, как при даровании Десяти заповедей, так и при возвещении Имени Божьего, не оставит Израиль и впредь, постепенно превращаясь из символа бушующего божьего гнева в символ Божьей любви. Как писал Т. С. Элиот,

Вот выбор наш — и должен дух
Идти в огонь — в один из двух¹.

---

¹ Перевод С. Степанова.

Нас сжигает или гнев бога-громовержца, или любовь живого Бога. Нельзя миновать жизнь и ее страдания. Пред нами выбор: предоставить страстям и страхам съесть нас или позволить Богу очистить нас своим огнем и сделать из нас орудие своего откровения, как поступил он с Моисеем. Мы не должны бояться Бога, как боимся иного страдания, которое сжигает, калечит и убивает. Поскольку пламя Божье очищает, но не разрушает и *куст горит огнем, но... не сгорает*.

Такое понимание Бога озаряет неземным светом все величайшие шедевры западной литературы. От псалмов Давида и пророчеств Исаии до образов Данте и мечтаний Достоевского куст горит огнем, но не сгорает. Как напишет однажды Аллен Гинзберг¹, «единственная поэтическая традиция — это голос из горящего куста».

---

¹ Аллен Гинзберг (1926–1997) — американский поэт. — *Ред.*

V

Ханаан

От племени к народу

Второзаконие, пятая и последняя книга Торы, заканчивается на элегической ноте, полной печали, присущей любому финалу. Моисей стоит на вершине горы Нево и за Мертвым морем и рекой Иордан видит Ханаан, Землю Обетованную, войти в которую ему не суждено. Вся Земля Обетованная, от Дана на севере до Средиземного моря на западе и пустыни Негев на юге, лежит перед ним как на ладони. Прямо перед ним, за рекой — Иерихон, город Лунны или *город Пальм*, как называет его Второзаконие, древнейший город на земле.

И сказал ему Господь [YHWH]: «Вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: „семени твоему дам ее“. Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь».

И умер там Моисей, раб Господень [YHWH], в земле Моавитской, по слову Господню;

И погребен на долине в земле Моавитской против Беф-Фегора, и никто не знает [места] погребения его даже до сего дня.

Моисею было сто двадцать лет, когда он умер; но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась.

И оплакивали Моисея сыны Израилевы на равнинах Моавитских тридцать дней. И прошли дни плача и сетования о Моисее.

И Иисус, сын Навин, исполнился духа премудрости, потому что Моисей возложил на него руки свои¹, и повиновались ему сыны Израилевы, и делали так, как повелел Господь [YHWH] Моисею.

И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь [YHWH] знал лицом к лицу,

По всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь [YHWH] сделать в земле Египетской над фараоном и над всеми рабами его и над всею землею его,

И по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля. (Втор. 34:4–12).

О жизни Моисея и его предшественников-патриархов нам известно немногим более, чем о жизни наших самых далеких предков, доисторических перво-

---

¹ Считалось, что при возложении рук на голову другого человека можно передать ему свою жизненную силу. Поскольку здесь речь идет о великом вожде, подразумевается передача харизмы лидера его преемнику. — *Авт.*

бытных людей. Мы знаем, что они изумленно смотрели в небеса, странствовали, имея самое смутное представление о том, куда идут, и прислушивались к своему внутреннему голосу, связывая последний с грозными чудесами природы. Суровые, исключительные условия их жизни невероятно далеки от нынешних: мы уже не мыслим своей жизни без нескончаемого потока рекламы, не осмеливаемся покидать обжитые места и давно не считаем чудом ночное небо, на котором не разглядеть звезд из-за электрического освещения.

Однако смерть Моисея в финале позволяет нам ощутить подлинную близость к этим людям, несмотря на разделяющую нас пропасть. Описание немолодого, но еще бодрого и энергичного вождя напоминает о величии «Моисея» Микеланджело — с крупными руками, прямой спиной и орлиными глазами. После многих мучительных встреч с Богом и разочарований в своем народе ему достало мужества встретить смерть лицом к лицу. Каждому из нас предстоит умереть, не закончив начатое. У каждого из нас в жизни есть свой момент озарения, своя гора Синай — страшный, запредельный, вневременной опыт, который так или иначе прорывается сквозь шум и суету настоящего, и если у нас хватает духу отдать такому озарению, оно ведет нас по жизни. Однако хотя мы помним, как *побывали на вершине горы*, зачастую, вместо того чтобы войти в Землю Обетованную, нам удается лишь полюбоваться ею издали, подобно Моисею или Мартину Лютеру Кингу. «Ничто из того, на что стоит тратить силы, — писал Рейн-

хольд Нибур¹, — невозможно завершить в течение человеческой жизни, поэтому храни нас надежда. Ничто из того, что истинно или прекрасно, нельзя в полной мере осмыслить сразу, поэтому храни нас вера. Ни одно дело, какими бы умелыми мы ни были, невозможно завершить в одиночку; поэтому храни нас любовь». Мысль о том, что лишь несколько поколений могут довести начатое до конца, еще одно из величайших открытий евреев.

Через Иордан в Землю Обетованную израильтян ведет Иисус Навин, молодой преемник Моисея, и впереди всех идут священники и левиты с ковчегом завета. Иисус приказывает своим надзирателям пройти по стану и предупредить людей: *«Когда увидите ковчег завета Господа [YHWH], Бога вашего, и священников [и] левитов, несущих его, то и вы двиньтесь с места своего и идите за ним... чтобы знать вам путь, по которому идти; ибо вы не ходили сим путем ни вчера, ни третьего дня»* (Иис. Нав. 3:3–4). Это великая минута, пик предвкушения — идти нехоженым доселе путем и при этом идти домой.

Двигается, движется, движется старый ковчег,
Двигается старый ковчег,
И я приближаюсь к дому!

Так поется в одном из негритянских духовных гимнов, а из другого гимна нам известно, что неза-

---

¹ Рейнхольд Нибур (1892–1971) — американский протестантский теолог. — *Ред.*

долго до того пал Иерихон — его стены обрушились от звуков юбилейных рогов¹, в которые трубили священники Иисуса Навина:

Иисус выиграл битву за Иерихон, Иерихон, Иерихон,
Иисус выиграл битву за Иерихон,
И рухнули его стены.

Пожалуй, за всю историю никто не мог понять повествование об освобождении Израиля так глубоко и сопереживать и радоваться ему так сильно, как черные рабы американского Юга. Судя по всему, нечто подобное разрушению Иерихона действительно имело место. Археологи обнаружили, что примерно в 1200 г. до н. э. на территории Палестины были стерты с лица земли несколько городов, а на их месте возникла новая культура, гораздо более низкого уровня в материальном отношении. Возможно, речь идет именно о захвате ханаанских поселений израильянами. Однако, по-видимому, между гибелью Иерихона и вторжением Израиля на территорию Ханаана прошло несколько столетий; не исключено, что разрушенные стены города побудили израильян позднее приписать эту победу себе.

Учитывая первобытное состояние тогдашнего общества, стоит ли удивляться, что завоевание Ханаана, описанное в Книге Иисуса Навина (которая

---

¹ Речь идет о бараньих рогах, трубные звуки которых извещали, в частности, о начале юбилейного года, «года прощения» или «года освобождения». Он наступал по прошествии семи субботних годов, т. е. по истечении 49 лет. В соответствии с библейским канонам соблюдение обычаев юбилейного года было одним из предписаний Господа Своему народу. — *Перев.*

завершает израильскую эпопею — от патриархов-основателей до расселения в Ханаане), представляет собой чрезвычайно кровавую историю. Все живое в Ханаане уничтожили: *И мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [все истребили] мечом*; поселения сожгли дотла, изделия и сосуды из драгоценных металлов *отдали в сокровищницу дома Господня* [YHWH], то есть речь идет о трофеях, которые достались священству. По сути, сами жители Ханаана тоже попали в категорию *посвященного Господу* [YHWH], а значит, были обречены на истребление. Далеко от Иорданской долины, в доисторической Шотландии, пленника, приносимого в жертву богам, называли «посвященным». Здесь мы имеем дело с жертвоприношениями людей под предлогом священной войны, и это заставляет нас признать неизменную потребность человеческого сердца в козле отпущения и кровопролитии.

Однако легендарное «завоевание», с кровожадным удовлетворением описанное в Книге Иисуса Навина как быстрая тотальная победа, на самом деле произошло не сразу. Обосновавшись в Заиорданье, племена, которые Моисей водил по пустыне, стали постепенно заселять центральную, холмистую, часть Ханаана, зачастую уничтожая поселения эпохи железного века, а порой привлекая на свою сторону сельских жителей Ханаана, чтобы свергнуть того или иного царька или заключить договор о взаимных гарантиях. Трудности закалили людей, и израильтяне были уже не той пестрой толпой, что покинула Египет и донимала Моисея своими жалобами, — теперь

это были отважные воины, с которыми мирные земледельцы предпочитали не связываться. Похваляясь своими завоеваниями, сыны Израиля увеличивали ряды сторонников своей веры в победоносного Бога, и их новые союзники тоже начинали считать себя израильтянами, народом YHWH, перед которым не устоял даже Египет.

Однако культурный обмен редко носит односторонний характер. Расселившись на центральных высокогорьях и смешавшись с коренными жителями, *сделали сыны Израилевы злое пред очами Господа [YHWH], и забыли Господа [YHWH], Бога своего, и служили ваалам.* Должно быть, Ваал, ханаанское божество бури, грома и молнии, пришелся по душе неграмотным израильтянам куда больше, чем YHWH, и они подумали: почему бы и нет? *Служить ваалам* означало поклоняться какому-либо изображению Ваала, в том числе металлическим статуэткам быков и каменным фаллическим символам, установленным в святилищах по всему Ханаану. Супругой Ваала была Астарта, ханаанская разновидность месопотамской богини плодородия Иштар. Астарту называли также Ашера, что, возможно, означало «супруга». Вера в YHWH нередко переплеталась с ханаанскими культами самым причудливым образом. Так, среди надписей эпохи Царств (примерно на 200 лет позднее периода Иисуса Навина) встречаются молитвы, обращенные к «YHWH и его Ашере». Это дает основания предполагать, что, после того как израильтяне стали оседлыми и занялись торговлей и сельским хозяйством бок о бок со своими

ханаанскими соседями, зародившаяся в пустыне религия ҮНҮН прошла период языческого синкретизма.

Период после вторжения Иисуса Навина в Ханаан называется эпохой Судей — речь идет о местных военачальниках, которые помимо прочего улаживали разногласия между израильтянами, так же как когда-то начальники, поставленные Моисеем в пустыне. Как рассказывает Книга Судей, это был период расселения на новой территории и консолидации, в ходе которого израильские воины-земледельцы постепенно распространились по всему Ханаану. Время от времени объединяясь в непрочные племенные союзы, менее чем за 200 лет они заняли почти всю Землю Обетованную. В Книге Иисуса Навина и Книге Судей победы неизменно связываются с верностью Израиля ҮНҮН, а поражения — с отступничеством и служением *богам окрестных народов*.

Несмотря на успешное заселение новых территорий, у израильтян всегда находились враги. Основная угроза исходила от филистимлян, происходивших из числа «народов моря»¹, которые после падения Микен переплыли Средиземное море и стали захватывать прибрежные города в Газе, после чего двинулись в глубь суши, захватив, в частности, город Геф. Их военные успехи представляли угрозу для израильтян, которые временами обнаруживали,

---

¹ «Народы моря» — условное обозначение племен и народов, нападавших в XIII—XII вв. до н. э. на Египет с моря и суши (из Малой Азии). До этого обитали, возможно, в Малой Азии или на Балканском полуострове. — *Ред.*

что живут в филистимских городах под пятой врагов, народа, чье имя означало «жестокие и грубые» — впоследствии от этого слова образовалось название Палестина. (История Самсона, удивительного израильского силача, который совершал набеги на филистимские города, относится именно к этому периоду.) В конце концов израильтяне пришли к выводу, что нуждаются в том, кто поможет им обрести реальное единство, сплотив разрозненные племена, то есть в царе.

Но до сих их царем был YHWH. Со времен qahal, всенародного собрания кочевых племен пустыни, в Израиле в качестве формы правления была принята своего рода теократическая демократия: израильтяне — избранный Богом народ, предводители которого несут ответ перед Богом, а не перед земными правителями. *«Послушай глоса народа во всем, что они говорят тебе, — советует Бог пребывающему в нерешительности Самуилу, пророку и священнику, от которого народ требует поставить над ним царя, — ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними. Как они поступали с того дня, в который Я вывел их из Египта, и до сего дня, оставляли Меня и служили иным богам; так поступают они с тобою»* (1 Цар. 8:7–8).

Бог готов принять монархию, при условии что народ поймет, на что идет. Самуил передает народу предостережения YHWH: *«Вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит их к колесницам своим; и [сделает] всадниками своими, и будут они*

бегать пред колесницами его. И поставит [их] у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнухам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами. И восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь [YHWH] отвечать вам тогда» (1 Цар. 8:11–18).

Однако мудрые предостережения YHWH, который напоминает, что, облакая кого-то властью, люди неизбежно отрывают что-то от себя, больше не находят отклика у народа. Страх перед филистимлянами и другими враждебно настроенными соседями вызывает у них желание навсегда поменять основной закон. *«Нет! Пусть царь будет над нами, — кричат они, — и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (1 Цар. 8:19–20).*

YHWH избирает царем Саула, *молодого и красивого*, того, кто может стать символом народных стремлений. *И не было никого из Израильтян красивее его, — говорит Первая книга Царств. — Он от*

плеч своих был выше всего народа (1 Цар. 9:2). Самуил совершает помазание Саула, после чего это помазание принимается всенародно. За церемонией помазания (назначения) свыше следует всенародное утверждение, и это становится традицией израильской монархии. Помазание священником или пророком означает, что будущий царь — избранник УНВН, а народное собрание подтверждает, что на него пал и выбор народа. Таким образом, новое монархическое устройство Израиля сохранило демократическую составляющую, которая напоминает средневековую максиму: *Vox populi — vox Dei* («Глас народа — Глас Божий»)¹. Позднее подобную процедуру ранняя христианская церковь использовала при избрании епископов (однако поскольку здесь властью облекали самых влиятельных, одобрения верующих не испрашивалось).

Саул показал себя выдающимся полководцем, воюя не только с филистимлянами, но и с Моавом, Едомом, амаликитянами и аммонитянами и прочими врагами Израиля, соседствующими с ним, *и везде, против кого ни обращался, имел успех*. Но потом Саул послушался УНВН — сначала совершил жертвоприношение в отсутствие Самуила, затем пощадил царя амаликитского и лучший амаликитский скот, не исполнив один из самых жестоких приказов УНВН. Возможно, за этим стояла борьба за власть между старым пророком и молодым царем. Однако

---

¹ Это изречение принадлежит римскому философу Сенеке. — Ред.

в результате Саул лишился расположения YHWH, который жалеет, что поставил... Саула царем.

YHWH приказывает Самуилу: *«Наполни рог твой елеем и пойд; Я пошлю тебя к Иессею Вифлеемлянину, ибо между сыновьями его Я усмотрел Себе царя»* (1 Цар. 16:1). В Вифлееме Самуил знакомится с семьей сыновьями Иессея, однако YHWH предупреждает его: их впечатляющая внешность и рост еще не означают, что любой из них будет достойным преемником Саула: *«Я [смотрю не так], как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь [YHWH] смотрит на сердце»* (1 Цар. 16:7).

«Все ли дети здесь?» — спрашивает Самуил.

«Есть еще меньший, он пасет овец».

«Пошли и возьми его».

Когда появляется младший сын — еще совсем ребенок, белокурый, с красивыми глазами и приятным лицом, — Самуил понимает, что, как ни странно, именно этот мальчик-пастушок и есть Божий избранник. *И взял Самуил рог с елеем, и помазал его среди братьев его, и почивал Дух Господень [YHWH] на Давиде с того дня и после* (1 Цар. 16:13).

Ruach YHWH — Дух Господень, буквально: его ветер или его дыхание — так же непредсказуем, как настоящий ветер. Никто не знает, на кого он снизойдет. Выбор YHWH всегда неожидан: хитрый Авраам, обманщик Иаков, косноязычный Моисей, Избранный Народ, который постоянно ворчит и жалуется. Но еще более неожиданны речи тех, на кого снизошел этот Дух. Современное слово «харизма», заимствованное из греческого и означающее «обаяние» или

«дар Божий», точно определяет, чего ожидали израильтяне от своих лидеров — внутреннего жара, который ощущается в манере держаться, пленяет воображение и превращает наблюдателя в горячего приверженца. Однако харизматическое боговдохновение проявляется не столько внешне, сколько в речах, которые произносит лидер. В истории Израиля слова вождя всегда говорились на злобу дня — это была путеводная нить, пророчески направляющая народ. Теперь, когда бывшие кочевники стали оседлым народом и у них появился царь, вдохновение свыше проявляется по-новому — в поэзии.

Отчаявшийся Саул, который не знает о втором помазании, но чувствует, что потерял благоволение Бога, мало-помалу приходит в неистовство. Он требует найти музыканта, который мог бы своей игрой успокоить его мятущийся дух; и музыкант, которого приводят слуги, не кто иной, как Давид, тайный царь-пастух. И когда Саула *возмушал... злой дух от Господа*, приглашали Давида, чтобы тот поиграл на арфе и спел смятенному царю. *И отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него* (1 Цар. 16:23). Музыка Давида утрачена безвозвратно, но его стихотворения собраны в Псалтири, хотя теперь уже неизвестно, какие псалмы принадлежат Давиду, а какие были созданы позднее.

Давид начал с того, что снискал славу искусного арфиста и поэта — *сладкого певца Израилева*, как назовут его позднее, — а вскоре он показал себя и на поле брани. Когда первые успехи Саула в боях против филистимлян сменились неудачами, трех

старших братьев Давида взяли на войну, и они оказались в долине дуба в Иудее. Напротив них, через долину, боевым порядком выстроились филистимляне. По приказу отца явился Давид, нагруженный разной снедью — хлебами для братьев и сырами для их тысяченачальника. Давид возникает на сцене именно тогда, когда силач из филистимлян выступает вперед, чтобы бросить вызов Израилю. Единоборец Голиаф, великан, ростом в шесть локтей и пядь; медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его — пять тысяч сиклей меди [около 56 кг]. Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его. И древко копья его, как навои у ткачей; а самое копьё его в шестьсот сиклей железа [около 7 кг]» (1 Цар. 17:4–7). Он кричит: «Сегодня я посрамлю полки Израильские; дайте мне человека, и мы сразимся вдвоем» (1 Цар. 17:10). К поединку, примеры каковых встречаются и в «Илиаде», в древности прибегали, чтобы без большого кровопролития, неизбежного при столкновении двух войск, решить, кто над кем будет властвовать. Именно это имеет в виду Голиаф, когда заявляет: «Если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его и убью его, то вы будете нашими рабами и будете служить нам» (1 Цар. 17:9).

Саул и все израильтяне испугались и ужаснулись, услышав эти слова. Но Давид, узнав, что того, кто убьет Голиафа, царь одарит великим богатством, даст ему в жены свою дочь и освободит от всех податей (порядок соответствует тексту), выступает впе-

ред и спрашивает: *«Кто этот необрезанный Филистимлянин, что так поносит воинство Бога Живаго?»* (1 Цар. 17:26). Такая последовательность событий дает нам первое представление о характере Давида: он отважен и искренне уповаает на Бога, но никогда не упустит возможности поживиться.

Поначалу Саул воспротивился неравному поединку: *«Не можешь ты идти против этого Филистимлянина, чтобы сразиться с ним, ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей»* (1 Цар. 17:33). Однако царь невольно меняет свое мнение, выслушав рассказ Давида о его безграничной вере в YHWH, который помогал пастушку справляться со львами и медведями, посягавшими на стадо. *«Господь [YHWH], — говорит Давид, — Который избавлял меня от льва и медведя, избавит меня и от руки этого Филистимлянина»* (1 Цар. 17: 37). Саул уступает и сам одевает Давида в тяжелую царскую броню. *И опоясался Давид мечем его сверх одежды и начал ходить, ибо не привык [к такому вооружению]; потом сказал Давид Саулу: я не могу ходить в этом, я не привык* (1 Цар. 17:39). Давид — воплощение спокойной силы, как изобразил его Микеланджело, — снимает тяжелые доспехи и выходит на бой вооруженный лишь пращей и *пятью гладкими камнями*.

Голиаф осыпает Давида насмешками, но тот парирует: *«Ты идешь против меня с мечем и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа [YHWH] Саваофа, Бога воинств Израильских, которые ты поносил. Ныне предаст тебя Господь [YHWH] в руку мою, и я убью тебя, и сниму с тебя голову*

твою, и отдам трупы войска Филистимского птицам небесным и зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог в Израиле, и узнает весь этот сонм, что не мечем и копьем спасает Господь, ибо это война Господа, и Он предаст вас в руки наши» (1 Цар. 17:45–47).

Это поразительная речь — и поразительный момент в истории Израиля и рода человеческого — во всеуслышание провозглашает, что Бог на стороне слабых и незащищенных, а не рослых и сильных. В человеческом сознании это противостояние запечатлелось навсегда, и кто знает, сколько раз в безнадежных, казалось бы, случаях оно дарило силы и утешение? Есть все основания полагать, что Давид, *сладкий певец Израилев*, в самом деле был способен на подобные слова. Это вполне согласуется с его характером, который раскрывается в Книгах Царей. Хитростью превосходящий Авраама, обаянием не уступающий Иосифу, верующий столь же искренне, как Моисей, и уверенный в себе, как никто другой, этот прирожденный политик всегда работает на публику, неизменно пленяя ее, и в этом искусстве он превосходит всех остальных героев еврейской Библии.

Разумеется, из схватки он выходит победителем. Смерть Голиафа, которого поразил в лоб один-единственный метко выпущенный из пращи камень, обращает войско филистимлян в панику, и израильтяне разбивают их наголову. Давид отсекает голову Голиафа и с триумфом возвращается к Саулу. И по возвращении войска после победы над филистимля-

нами женщины из всех городов Израильских выходили навстречу Саулу царю с пением и плясками, с торжественными тимпанами и с кимвалами. И восклицали игравшие женщины, говоря: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!» (1 Цар. 18:6–7).

Красноречие, с которым Саул выражает свой гнев, под стать героям Шекспира:

«Давиду дали десятки тысяч, а мне тысячи; ему недостает только царства» (1 Цар. 18:8).

«И с того дня и потом, — заключает летописец, — подозрительно смотрел Саул на Давида» (1 Цар. 18:9).

Саул предлагает Давиду в жены свою старшую дочь, Мерову, при условии что Давид будет вести войны Господни [YHWH], однако сам при этом думает: *«Пусть не моя рука будет на нем, но рука Филистимлян будет на нем»*. Давид не торопится принимать предложение, говоря: *«Кто я, и что жизнь моя и род отца моего в Израиле, чтобы мне быть зятем царя?»* (1 Цар. 18:18). Несомненно, Давиду, уроженцу юга, выходцу из колена Иудина, для успешного правления в будущем нужны связи на севере, и девушка из семьи Саула, то есть колена Вениамина, в этом смысле идеальная партия. Однако не успел Давид покончить с ритуальным самоуничижением, как его унизил Саул: *«А когда наступило время отдать Мерову, дочь Саула, Давиду, то она выдана была в замужество за Адриэла из Мехолы»* (1 Цар. 18:19).

Однако Давида полюбила другая дочь Саула, Мелхола, и будущий царь готов воспользоваться случаем. Но Саул предлагает довольно необычный обмен: *Царь не хочет вена¹, кроме ста краеобрезаний Филистимских* (1 Цар. 18:25). Задача непростая: едва ли можно обрезать мужчину без его согласия, а стало быть, предложение Саула означает, что он хочет отправить Давида на верную смерть. Но Давид принимает вызов, ибо *понравилось Давиду сделаться зятем царя. Еще не прошли назначенные дни, как Давид встал и пошел* (1 Цар. 18:26–27), и не успел Саул и глазом моргнуть, как Давид преподнес ему двести (!) *краеобрезаний Филистимских*. Этим варварски-озорным подвигом Давид снискал еще бóльшую любовь израильтян, чем убийством Голиафа.

Однако, поставив царя на место, с честью выдержав испытание и женившись на Мелхоле, Давид подвергает себя огромному риску, поскольку *увидел Саул и узнал, что Господь с Давидом, и что Мелхола, дочь Саула, любила [Давида]. И стал Саул еще больше бояться Давида, и сделался врагом его на всю жизнь. И когда вожди Филистимские вышли [на войну], Давид, с самого выхода их, действовал благоразумнее всех слуг Сауловых, и весьма прославилось имя его* (1 Цар. 18: 28–30). Давид, всеобщий любимец, не обращает внимания на царские обиды. Но один из самых страстных поклонников его, сын Саула Ионафан, который *очень любил*

---

¹ *Вено* — выкуп за невесту. — *Перев.*

Давида, предупредил друга, что царь намерен убить его, после чего Давиду помогает Мелхола: она укладывает в его постель статую в человеческий рост и покрывает ее одеждою. Сам Давид тем временем спасается бегством. В полной мере ощутив ярость Саула, он ненадолго останавливается у одного из филистимских правителей, который с негодованием вспоминает боевые заслуги Давида. Чтобы избежать его гнева, Давид, подобно Гамлету, симулирует безумие, и, потеряв терпение, царек прогоняет его прочь: *«Разве мало у меня сумасшедших, что вы привели его, чтобы он яроодствовал предо мною?»* — говорит он своим рабам (1 Цар. 21:15).

Став изгоем, Давид оказывается среди подобных ему парий в горах Иудеи, где постепенно создает войско из тех, кто предан ему всей душой и готов на все. Позднее это войско станет ядром огромной личной охраны царя Давида, которая немало способствовала его последующим политическим успехам. Между тем Саул одержим идеей расправиться с Давидом, он отправляет своих людей выслеживать Давида и присоединяется к ним лично. Во время одной из таких вылазок Саул, который вместе с тремя тысячами своих людей прочесывает пустыню Ен-Гадди, заходит помочиться в пещеру.

Разумеется, это оказалась та самая пещера, где укрывался Давид и его славные товарищи. Давид незаметно подкрадывается к Саулу, чтобы убить его, однако в итоге ограничивается тем, что отрезает кусок одеяния Саула, которое тот положил на ка-

мень. Когда Саул, справив свою царскую нужду, покидает пещеру, Давид выходит из пещеры следом за ним и окликает его: «*Господин мой царь!*» Изумленный Саул оборачивается и видит, что тот, на кого он охотится, пал перед ним ниц, точно верный раб.

Давид кричит вслед Саулу: «*Зачем ты слушаешь речи людей, которые говорят: „Вот, Давид умышляет зло на тебя“? Вот, сегодня видят глаза твои, что Господь [YHWH] предавал тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя и сказал: „Не подниму руки моей на господина моего, ибо он помазанник Господа [YHWH]“. Отец мой! посмотри на край одежды твоей в руке моей; я отрезал край одежды твоей, а тебя не убил: узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя; а ты ищешь души моей, чтоб отнять ее. Да рассудит Господь между мною и тобою, и да отмстит тебе Господь [YHWH] за меня; но рука моя не будет на тебе» (1 Цар. 24:10–13).*

Еще одна блестящая речь подлинного мастера слова, который прекрасно понимает: отказ обагрить руки кровью нынешнего царя — весьма мудрый шаг для того, кто намерен стать царем б у д у щ и м. Судя по всему, у Давида не укладывается в голове, что кто-то способен по-настоящему его возненавидеть. Задолго до воцарения этот юноша убежден, что его возможности безграничны.

Внезапное появление Давида и его яркая речь приводят Саула в смятение, он теряет самообладание и заходится рыданиями, называя Давида сво-

им сыном: *«Ты правее меня. <...> И теперь я знаю, что ты непременно будешь царствовать, и царство Израилево будет твердо в руке твоей»* (1 Цар. 24:18, 21). Саул умоляет Давида не убивать его потомков и не уничтожать его имя после его кончины, после чего *пошел Саул в дом свой, Давид же и люди его взошли в место укрепленное* (1 Цар. 24:23). Несмотря на бурные излияния чувств, это не сцена примирения, и в ней присутствуют осторожные намеки на то, что случится дальше. Есть и другая история о том, как Давид пощадил Саула; не исключено, что это смягченная версия эпизода в пещере, которую добросовестный летописец не мог опустить. Вопреки слезливым заверениям Саула Давид чувствует, что он по-прежнему в опасности, и, не решаясь вернуться домой, поступает на военную службу к филистимлянам. При этом он обзаводится двумя новыми женами — Ахиноамой из Изрееля (о которой нам ничего неизвестно) и Авигеей, *женщиной весьма умной и красивой лицом*. Ее мужество, щедрость и ум спасли Давида и его людей от голода; кроме того, Давид всегда был неравнодушен к привлекательным женщинам. Муж Авигеи, который представляет собой известное неудобство для Давида, грубый и злой человек по имени Навал (это слово можно перевести как «жестокий глупец»), умирает в самый подходящий момент от страха перед Давидом, который его и пальцем не тронул. Здесь же нам сообщают, что Мелхолу, первую жену Давида, мстительный Саул отдал замуж за другого.

То, что Давид служит врагам Израиля, филистимлянам, вызывает определенное чувство неловкости, однако, если бы не их покровительство, его бы попросту уничтожили; так или иначе, будучи военачальником филистимлян, он разбивает гессурян, гирзеев и амаликитян, которые изрядно досаждали израильтянам. Когда филистимляне стягивают все силы для нападения на ослабевшее к тому времени царство Саула, отчаявшийся царь обращается к ворожее, прося вызвать дух недавно скончавшегося Самуила. Тот предупреждает Саула: битва будет проиграна, *«завтра ты и сыны твои [будете] со мною, и стан Израильский предаст Господь в руки Филистимлян»* (1 Цар. 28:19). К счастью для Давида, филистимские военачальники не позволили ему участвовать в сражении, *чтоб он не шел с нами на войну и не сделался противником нашим на войне. Чем он может умилостивить господина своего, как не головами сих мужей?* (1 Цар. 29:4). Давид, притворяясь, будто жаждет крови израильтян, втайне испытывает облегчение. Он ни за что не смог бы воевать против своих соплеменников.

Израильтяне отступают на гору Гелвуйскую, где в бою погибают и Саул, и верный друг Давида Ионафан. Вторая книга Царств содержит плач Давида, узнавшего эту весть. Слова этой траурной песни, историческая достоверность которой, по видимому, достаточно высока, проникнуты благородством, уважением к царю и духом товарищества, характерным для воинов бронзового и железно-

го века, которые ценили мужское братство куда выше, чем любовь женщины. Описание Давидом своей любви и Ионафану является почти цитатой из плача Гильгамеша по Энкиду:

«Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! как пали сильные!

Не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона, чтобы не радовались дочери Филистимлян, чтобы не торжествовали дочери необрезанных.

Горы Гелвуйские! да [не сойдет] ни роса, ни дождь на вас, и да не будет [на вас] полей с плодами, ибо там повержен щит сильных, щит Саула, как бы не был он помазан елеем.

Без крови раненых, без тука сильных лук Ионафана не возвращался назад, и меч Саула не возвращался даром.

Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей; быстрее орлов, сильнее львов [они были].

Дочери Израильские! плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями и доставлял на одежды ваши золотые уборы.

Как пали сильные на брани! Сражен Ионафан на высотах твоих.

Скорблю о тебе, брат мой Ионафан: ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской.

Как пали сильные, погубило оружие бранное!»
(2 Цар. 1:19–27).

Давид был публично помазан в цари в Хевроне, где покоился прах его предков. Хеврон становится столицей Южного царства (Иудеи), поскольку пока Давида признает лишь собственный народ — колена Иудино. Далее следует война между южанами и северянами, домом Давидовым и домом Сауловым, однако Северное царство, Израиль, вскоре капитулирует и в Хевроне происходит еще одно помазание Давида, на сей раз в присутствии старейшин Северного царства — Израиля. Новый царь, проницательный политик, которому едва исполнилось тридцать лет, понимает, что Хеврон, расположенный в глубине южных территорий, не может быть столицей Объединенного царства. Он идет в поход против Иевусеев, чтобы взять Иерусалим, анклав между севером и югом, который как нельзя лучше подходит для будущей столицы. Давид завоевывает город, известный также как *крепость Сион*, занимающий выгодную стратегическую позицию на холме. С тех пор это город называют «городом Давида». В финальном сражении с филистимлянами он одерживает победу, на сей раз окончательную. Теперь Давид безраздельно правит Ханааном, землей, которую впервые можно назвать Израилем и которая вскоре будет простирается на юг до Синая, на север до Ливанских гор, на запад до Средиземного моря (вдоль побережья остается узкая полоска земли, занятая уцелевшими филистимлянами), а по восточному берегу Иордана — до границ Галаада. Далее на юго-востоке расположены царства Едомское, Моавитское и Аммонитское, с которых Давид взимает дань;

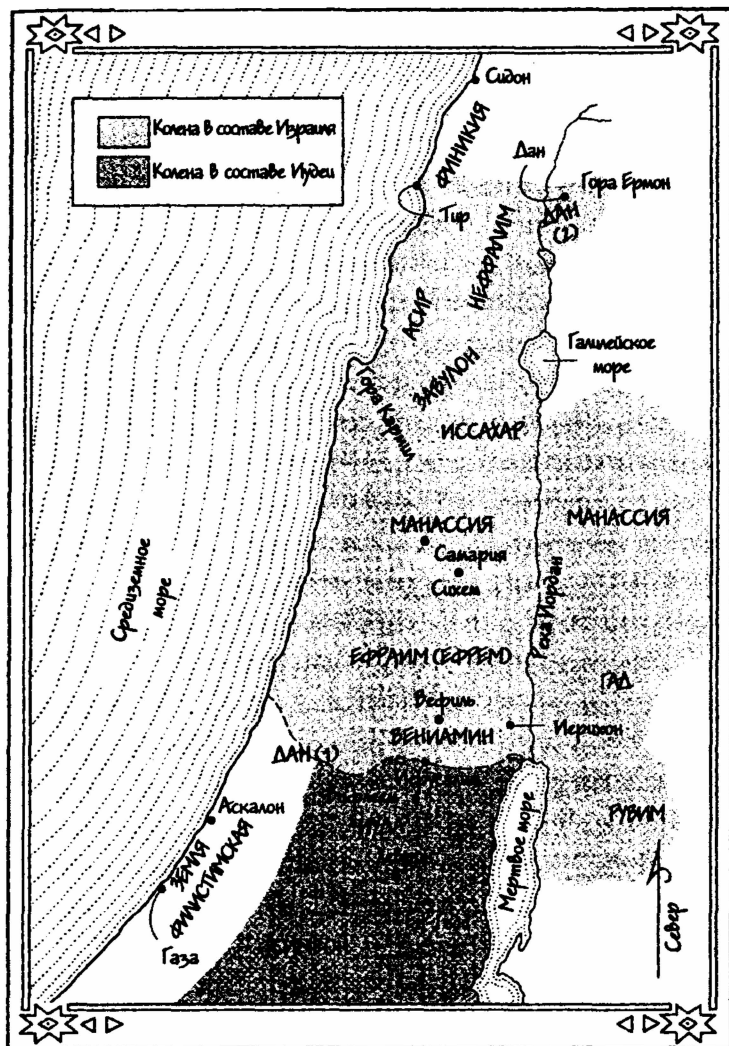

Рис. 3. Объединенное Израильское царство

На карте обозначена территория расселения двенадцати колен и граница между землями десяти колен Израиля и двух колен Иудеи.

на северо-востоке находится Арам, — вероятно, он использовался Давидом, чтобы держать в подчинении и другие земли вплоть до Евфрата.

В Иерусалиме Давид поселяется с тремя женами (он вновь возвращает себе Мелхолу), и в новом доме у него рождается еще несколько сыновей, при этом Давид расширяет созданный Саулом гарем, постоянно обзаводясь новыми женами и наложницами. Тонкий политик, Давид переносит в новую столицу ковчег завета, чтобы его власть над Израилем подтверждалась физической близостью к Богу, который, согласно поверью, пребывал над ковчегом завета. В честь перемещения ковчега с юга Давид устраивает пышное шествие. *Давид и все сыны Израилевы играли пред Господом [YHWH] на всяких музыкальных орудиях из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтирях, и на тимпанах, и на систрах, и на кимвалах. <...> Давид скакал из всей силы пред Господом [YHWH]; одет же был Давид в льняной ефод¹ (2 Цар. 6: 5, 14).* Под музыку, по-видимому, исполнялся один из псалмов Давида, популярных поэтических произведений, которые немало способствовали растущей славе молодого завоевателя:

Восплещите руками, все народы, воскликните Богу гласом радости!

Ибо Господь Всевышний страшен, — великий Царь над всею землею.

---

¹ *Ефод* — часть облачения первосвященника, которая надевается при богослужении. — *Перев.*

*Покорил нам народы и племена под ноги наши.
Избрал нам наследие наше, красу Иакова, кото-
рого возлюбил.*

*Восшел Бог при восклицаниях, Господь [YHWH]
при звуке трубном!*

*Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему,
пойте!*

Ибо Бог — Царь всей земли; пойте все разумно.

*Бог воцарился над народами, Бог воссел на свя-
том престоле Своем;*

*Князья народов собрались к народу Бога Авраамо-
ва, ибо щиты земли — Божиим; Он превознесен [над
ними] (Пс. 46:2–10).*

Должно быть, народ с волнением и радостью смотрел на молодого царя, который от души наслаждался своим триумфом. Однако едва ли эти чувства разделяла Мелхола, которая дважды переходила из рук в руки, а теперь, дочь царя, была низведена до положения старшей жены в растущем гареме. Когда входил ковчег Господень [YHWH] в город Давидов, Мелхола, дочь Саула, смотрела в окно, и, увидев царя Давида, скачущего и пляшущего пред Господом, уничижила его в сердце своем. И принесли ковчег Господень [YHWH], и поставили его на своем месте посреди скинии, которую устроил для него Давид; и принес Давид всесожжения пред Господом [YHWH] и жертвы мирные. Когда Давид окончил приношение всесожжений и жертв мирных, то благословил он народ именем Господа [YHWH] Саваофа. И роздал всему народу, всему множеству Изра-

ильтян, как мужчинам, так и женщинам, по одному хлебу, и по куску жареного мяса, и по одной лепешке каждому (2 Цар. 6:16–19).

Когда Давид возвращается, чтобы благословить собственный дом, Мелхола выходит ему навстречу: *«Как отличился сегодня царь Израилев, обнажившись сегодня пред глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек!» (2 Цар. 6:20).*

«Пред Господом [YHWH], Который предпочел меня отцу твоему и всему дому его, утвердив меня вождем народа Господня [YHWH], Израиля; пред Господом [YHWH] играть и плясать буду. И я еще больше унижусь, и сделаюсь еще ничтожнее в глазах моих, и пред служанками, о которых ты говоришь, я буду славен» (2 Цар. 6:21–22).

Этот обмен злыми репликами явно несет в себе отзвук реальных событий. Простой народ любит Давида именно за бесконечное жизнелюбие и пылкость. Он понимает это, наслаждается этой любовью и отвечает на нее всем жаром души. Хотя Давид чрезвычайно доволен собой, он по-своему скромнен, всецело вверяя себя Богу. Но тот, кто любит толпу, редко в личных взаимоотношениях добивается такого же успеха, как в общении с массой людей. Известно множество примеров тех, кто, добившись невероятного успеха в политике, спорте и шоу-бизнесе, были до крайности неудачливы в личной жизни.

Давид до безумия любит своих сыновей, его избалованные дети воспитываются в невысказанной роскоши, не подобающей будущим царям-воинам. Один из них, особенный любимец Давида, Авессалом, предпринимает попытку узурпировать царскую власть. Для этого он привлекает на свою сторону старейшин Северного царства и устраивает в Ефремовом лесу кровавое сражение между огромной личной охраной Давида и легко вооруженной армией северян. Давид сломлен недостойной смертью Авессалома и окружен политическими распрями, которые угрожают будущему Объединенного царства. Сцена безутешного горя Давида, который сокрушается о своем недостойном сыне, одна из самых трогательных в Библии. Не находя себе места, царь твердит: *«Сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!»* (2 Цар. 18:33).

Но задолго до этих событий Давид совершил еще один проступок, который едва ли способствовал согласию в доме. Была весна, сообщает нам летописец, *время, когда выходят цари [в походы]*. Однако что-то удержало царя в Иерусалиме — дела, усталость, самоуспокоенность? — в то время как его воины отправились сражаться с аммонитянами. Под вечер, прогуливаясь по кровле дворца, неугомонный царь видит купающуюся женщину, и *та женщина была очень красива*. Он наводит справки и выясняет, что это Вирсавия, жена Урии Хеттеянина, который служит в царском войске, том самом, что отправилось

воевать с аммонитянами. Давид посылает за Вирсавией. Не вдаваясь в подробности, летописец сообщает, что было дальше: *Она пришла к нему, и он спал с нею. Когда же она очистилась от нечистоты своей, возвратилась в дом свой. Женищина эта сделалась беременною и послала известить Давида, говоря: я беременна* (2 Цар. 11:4–5). Давид немедленно позаботился о том, чтобы ее мужа отправили в самое пекло боевых действий и бросили без подмоги. Урия погибает в сражении. После того как жена Урии оплакала мужа, Давид посылает за ней, *и она сделалась его женою, и родила ему сына. И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа* [YHWH] (2 Цар. 11:27).

К Давиду является пророк Нафан и рассказывает царю следующую притчу:

В одном городе были два человека, один богатый, а другой бедный.

У богатого было очень много мелкого и крупного скота,

А у бедного ничего, кроме одной овечки, которую он купил маленькую, и выкормил, и она выросла у него вместе с детьми его; от хлеба его она ела, и из его чаши пила, и на груди у него спала, и была для него, как дочь.

И пришел к богатому человеку странник, и тот пожалел взять из своих овец или волов, чтобы приготовить [обед] для странника, который пришел к нему, а взял овечку бедняка и приготовил ее для человека, который пришел к нему (2 Цар. 12:1–4).

Выслушав эту историю, Давид *сильно разгневался* и потребовал наказать человеку, который совершил подобное, *не имея сострадания*.

«Ты — тот человек, — промолвил Нафан. — Так говорит Господь [YHWH], Бог Израилев: „Я помазал тебя в царя над Израилем, и Я избавил тебя от руки Саула, и дал тебе дом господина твоего и жен господина твоего на лоно твое, и дал тебе дом Израилев и Иудин, и, если этого [для тебя] мало, прибавил бы тебе еще больше“. Зачем же ты пренебрег словом Господа, сделав злое пред очами Его?» (2 Цар. 12:7–9).

Услышав эти обвинения, Давид пал духом. *«Согрешил я пред Господом [YHWH]»*, — тотчас признается он. Порывистая искренность позволяет Давиду не утратить своего обаяния даже после столь неприглядного поступка. Один из постоянных источников страданий человека в том, что он не властен над тем, что уже совершил, однако раскаяние Давида в содеянных грехах глубоко и неподдельно:

«Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои.

Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня,

Ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною.

Тебе, Тебе единому согрешил я, и лукавое пред очами Твоими сделал, так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем.

Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя¹.

Вот, Ты возлюбил истину в сердце, и внутрь меня явил мне мудрость.

Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега.

Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные.

Отврати лице Твое от грехов моих, и изгладь все беззакония мои.

Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня.

Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отними от меня.

Возврати мне радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди меня.

<...>

Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою:

Ибо жертвы Ты не желаешь, — я дал бы ее; к всеожжению не благоволишь.

Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50:3–14, 17–19).

---

¹ Эта строчка послужила одной из посылок для разработки Августином Аврелием доктрины о первородном грехе, который был совершен Адамом и Евой в Эдеме и передавался из поколения в поколение через половую близость. При всем уважении к Августину должен заметить: смысл этой строки не в том, что мать Давида согрешила, зачав дитя. Это лишь свидетельство распространенной в древности установки, что род человеческий грешен изначально. См. слова Утнапишти на стр. 68, а также слова Иисуса (Матф. 7:11). — *Авт.*

Давид не мистик и не фантазер. «Советуясь» с YHWH, он требует принести ему ефод, чтобы узнать, что скажут ему урим и туммим¹, — все это напоминает спиритические сеансы, — или прислушивается к пророкам, таким как Самуил и Нафан. Несмотря на помазания, Давид скорее политический, чем религиозный лидер; однако теперь роль вожака, которую когда-то брал на себя один человек, например Моисей, распределяется между пророками, признанными людьми Божьими, и царями, которых в основном занимают мирские дела. Даже вдохновенные псалмы Давида имеют более земное свойство, чем Голос, который говорил с Авраамом и Моисеем. Давид не глашатай воли YHWH — он всего лишь человек, который преклоняет колени пред Богом, исто-во верует и пляшет во время публичного шествия. Именно потому, что его чувства понятнее и ближе нам, чем опыт пророков-отшельников, он неизменно пленяет читателей Библии. Он — капитан футбольной команды, преуспевающий делец, обаятельный балагур, харизматический политик. Нам хорошо известны люди такого рода.

Странствие по пустыне постепенно превращается в исследование неведомых глубин собственного «я», его потаенных недр. Это новое духовное странствие не менее богато событиями и непредсказуемо,

---

¹ *Урим и туммим* — небольшие предметы, которые находят-ся в наперснике первосвященника. Прибегая к их помощи, первосвященник узнавал волю Господа в отношении Израиля. — *Перев.*

чем долгая дорога по пустыне, и так же чревато заблуждениями и неожиданностями. Бог прощает Давида, однако поступок царя не остается безнаказанным. «*Не отступит меч от дома твоего во веки*», — предсказывает ему Нафан, предрекая также, что *ближний* царя будет спать с его женами *перед этим солнцем*. Впоследствии этим *ближним* окажется сын Давида, Авессалом, который, подняв восстание, вознамерится доказать свое право называться царем.

Все рассмотренные нами до сих пор тексты Библии пронизаны одной мыслью: тот, кто повинуется YHWH, будет вознагражден процветанием и долгой жизнью, а тот, кто не исполняет Его волю, заплатится страданиями и смертью. В этом отношении особенно поучителен пример Саула. Поскольку он лишился царства, последующие поколения стремились понять, в чем его вина. Ведь падение Саула можно объяснить лишь тем, что царя оставил YHWH, а причиной тому должен был послужить какой-то проступок владыки. Однако все, что удастся найти — два ритуальных греха, — не слишком убедительное объяснение гнева YHWH. Казалось бы, Давид, который совершил прелюбодеяние и отправил на смерть невинного человека, должен был понести куда более суровую кару. Тем не менее он умер своей смертью в преклонном возрасте, и единственным серьезным политическим последствием его грехов было восстание Авессалома. То однозначное убеждение, что мирской успех

и благополучие — неперенные знаки расположения Бога (оно сложилось задолго до кальвинизма, с которым обычно ассоциируется), не давало покоя ни разуму, ни душе и постепенно пересматривалось, по мере того как библейское странствие превращалось из физического в духовное. Погружаясь в глубины собственной души, израильтяне понемногу постигали примитивность морали «зуб за зуб».

Но Давид лишь начинает это внутреннее странствие. Осмысление своего «я» в древней литературе отсутствует полностью. Сегодня, говоря «я», мы обычно имеем в виду внутренний облик человека, однако совсем иной смысл вкладывался в это слово до начала периода новой истории (речь идет о таких произведениях, как автобиография Бенвенуто Челлини¹). Более ранний период дает нам лишь несколько примеров иного рода: «Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского» (V в. н. э.); несколько относящихся к VI в. до н. э. отрывков, которые приписывают Сапфо, и — самый древний источник — псалмы, в которых «я» встречается в изобилии: кающееся «я»; гневное «я»; «я», жаждущее отмщения; «я», жалеющее себя и сомневающееся; «я», пребывающее в отчаянии, восторге и экстазе. Псалмы, часть которых, несомненно, написана в X в. до н. э. самим Давидом, —

---

¹ *Челлини, Бенвенуто. Жизнь Бенвенуто Челлини. М., 1987. — Перев.*

это сокровищница глубоко личных переживаний поэтов древности. Эти произведения передают самые тонкие оттенки внутреннего состояния автора, душа которого взывает к Богу; боль и радость поэта может утолить лишь Творец всего сущего: *Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил...* (Пс. 8:4); *Храни меня, как зеницу ока; в тени крыл Твоих укрой меня...* (Пс. 16:8); *Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь...* (Пс. 38:4); *Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня? Далеки от спасения моего слова вопля моего...* (Пс. 21:2); *Ибо странник я у Тебя [и] пришлец, как и все отцы мои...* (Пс. 38:13); *Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!..* (Пс. 41:2); *Остановитесь и познайте, что Я — Бог* (Пс. 45:11).

К этому удивительному, не имеющему себе равных источнику молитв — ведь рефлексия здесь просто бьет ключом — постоянно обращались как евреи, так и христиане, и среди множества псалмов нет более прекрасного, чем тот, что стал молитвой, любимой во всем мире:

Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться:

Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим,

Подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня.

Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена.

Так, благодать и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни (Пс. 22:1–6).

Эта песнь веры, это трогательное, по-детски искреннее упование на Бога наверняка является творением великого царя-пастуха, который плясал, обнажившись, *пред Господом* и не стыдился унизиться в глазах своего народа. Возможно, Давид и разделял кое-какие взгляды шумерских царей-воинов, но они, подобно Мелхоле, ужаснулись бы его готовности уничижать себя пред Богом. В этом царе навсегда осталось что-то от озорного мальчика-пастушка, который пересчитывал добытые краеобрезания филистимлян и прикидывался безумцем перед царем Гефским, что с изумлением взирал на помешанного монарха.

Давид навсегда останется воином Божьим, неизменно уповающим на Него начиная со схватки с Голиафом на глазах у всего Израиля. У паломника, что приближается к стенам Старого города в сегодняшнем Иерусалиме, возникает ощущение, что Давид и по сей день пребывает в своем городе, крепости Сионской. Беспечный, смешливый, уверенный в

себе, крепкий и мускулистый, он со смехом качает головой, не веря, что город Давида стал таким огромным. Когда-то город этот умещался на одном холме, все кровли домов можно было пересчитать издали и жило в нем чуть более двух тысяч душ. Но этот город и сегодня напоминает нам о царе, который основал его, о маленьком царе маленького города, и о великом Боге, которому он служил.

Будет нам опорой вечной
Вера и святой Сион.

VI

Вавилон

От многих к одному

Несмотря на любовные подвиги, описанные в Книгах Царей, Давид по сравнению с прочими монархами древности отличался известной умеренностью. Его сын и преемник Соломон, заняв трон после закулисных махинаций своей матери, Вирсавии, не без помощи пророка Нафана быстро увеличил царский гарем, в котором теперь было 700 жен и 300 наложниц. Они, несомненно, внесли свою лепту в рост численности населения Иерусалима, и город начал разрастаться, занимая склоны близлежащих гор. Впрочем, потребности Соломона не ограничивались гаремом. На самом деле приобретение новых жен было данью скорее государственным интересам, нежели сексуальным аппетитам. Каждая новая жена означала заключение очередного политического альянса, и в этом отношении особенно важным был брак Соломона с дочерью фараона, для которой он построил отдельный дворец на холме на севере.

Поскольку отец Соломона, покорив филистимлян, устранил единственную реальную угрозу Израилю в Леванте и расширил границы царства почти до самого Египта на юге, Сирии на севере и Месопотамии на востоке, Соломону досталась выгодная позиция посредника между сказочно богатыми странами. По территории Израиля пролегали пути множества торговых караванов, а если у вас есть выбор: производить товары или стать посредником, получающим комиссионные, следует без колебаний выбирать посредничество — это подтвердит любой предприниматель. Вам не понадобится стартовый капитал; вы будете избавлены от затрат на производство и накладных расходов; вам не понадобятся складские запасы, страховка — знай лишь собирай дань.

Богатства Соломона были несметны, и царь развернул строительную программу, равной которой не видывали в земле Ханаанской, предприятие такого размаха могло дать фору легендарным цивилизациям, граничившим с Израилем. Золото, серебро, бронза и железо, карминовые, пурпурные и лиловые ткани, красное дерево из Офира, ливанский кедр и можжевельник — все это стекалось в Иерусалим вместе с зодчими, каменщиками, плотниками, резчиками и прочими искусными ремесленниками. *И все сосуды для питья у царя Соломона [были] золотые, и все сосуды в доме из Ливанского дерева были из чистого золота; из серебра ничего не было, потому что серебро во дни Соломоновы считалось ни за что. Ибо у царя был на море Фарсис-*

ский корабль... в три года раз приходил Фарсисский корабль, привозивший золото и серебро, и слоновую кость, и обезьян, и павлинов. Царь Соломон превосходил всех царей земли богатством и мудростью. И все [цари] на земле искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил Бог в сердце его. И они подносили ему, каждый от себя, в дар: сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, и оружие, и благовония, коней и мулов, каждый год (3 Цар. 10:21–25).

Рассказ сей продолжается и дальше, однако я ограничусь этой цитатой. Был ли Соломон и в самом деле так мудр, или его слава и авторитет зиждились исключительно на богатстве? Ряд необдуманных поступков царя и весьма нежелательные их последствия говорят о том, что разумен он был далеко не всегда.

На строительстве города поначалу работали необученные жители покоренного Ханаана. Однако после того как был выстроен дворец для египетской принцессы, потом царский дворец, который занял всю вершину огромного холма, а затем рядом с ним возвели Храм УНВН, новое вместилище ковчега завета, более величественное, чем знаменитые храмы Египта и Вавилона, планы Соломона стали еще грандиознее. Ему требовались дороги, мосты, военные укрепления по всей территории царства, стояла для коней колесничных и верховых и... городасклады, подобные тем, что строил фараон, используя подневольный труд израильтян. Соломон начал притеснять израильтян; а поскольку его казна опу-

стела, принялся взимать непомерные подати — верный способ потерять расположение своих подданных.

Соломона сменяет его сын, Ровоам, третий представитель дома Давидова на израильском троне. Как это часто бывает, творческая энергия основателя династии во втором поколении превращается в самонадеянность, а в третьем вырождается в самонадеянность и глупость. К моменту вступления на престол Ровоама напряженность в отношениях с Северным царством обострилась до предела, и старейшины Израиля заявили Ровоаму: *«Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе»* (3 Цар. 12:4). Ошеломленный Ровоам попросил дать ему три дня на размышления. Старцы, с которыми совещался еще Соломон, посоветовали: *«Если ты на сей день будешь слугою народу сему и послужишь ему, и удовлетворишь им, и будешь говорить им ласково, то они будут твоими рабами на все дни»* (3 Цар. 12:7). Однако, не желая идти на уступки, то есть обнаруживать слабость с первых дней царствования, Ровоам отвергает совет и спрашивает мнения своих приятелей, *молодых людей, которые выросли вместе с ним*, и те подбивают правителя объявить северянам: *«Мой мизинец толще чресл отца моего. Итак, если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше. Отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скортионами»* (3 Цар. 12:10–11). Когда спустя три дня северные

старейшины возвращаются за ответом, царь произносит опрометчивые слова. Видно, что Ровоам пойдет далеко.

Так было уничтожено Объединенное Израильское царство. В дальнейшем Северное царство будет существовать отдельно, под властью собственного царя.

За три поколения дом Давида успел подняться к вершинам могущества и процветания и вновь познать глубины падения, когда под его властью осталось лишь Иудейское царство. Однако именно в тот прискорбный период родилась литература на иврите — языке, который использовал первый в мире алфавит, созданный северными соседями Израиля, финикийцами. Вслед за псалмами Давида были записаны древние предания. Позднее в эти записи были включены истории, которые пришли с севера (часто версии тех же самых преданий). Спустя какое-то время, после внесения поправок и уточнений, необходимых по мнению священства и монархов, эти записи стали Торой в ее нынешнем виде.

Итогом существования Объединенного царства был не только выдающийся вклад в древнюю литературу на иврите, который внесли первые цари. Объединенное Израильское царство просуществовало достаточно долго, чтобы в умах жителей севера и юга укоренилась мысль о том, что монархическое правление — их судьба; и вплоть до падения обоих царств народом правили цари. Однако в череде

царей, которые сменяли друг друга на троне Саула и Давида на протяжении следующих столетий, немало нашлось таких, что оправдали ожидания народа. По большей части монархи обнаруживали нерешительность Саула, бессердечие Соломона или собственные малопривлекательные черты, и в сердцах их подданных постепенно зрело желание обрести настоящего царя, второго Давида. Мифы о царствовании Давида множились не хуже сказаний о короле Артуре, и со временем у народа сложилось убеждение, что однажды Бог пришлет нового мессию, «помазанника» небесного, своего посланника, который спасет Его народ.

Задолго до зарождения сей мечты идея духовного лидера, подобного Моисею, посредника, через которого Бог обращается к народу, отступила в прошлое, став частью предания. Роль царя теперь сводилась к правлению государством, часто неразумному, порой тираническому, но ничем особенным не примечательному. Давид установил в Иерусалиме культ YHWH, а Соломон объединил культовые и монархические строения в едином величественном комплексе, что высился над Иерусалимом. В итоге священники, служившие YHWH, постепенно превратились в обычных храмовых чиновников, которые куда больше напоминали жрецов-политиков Египта и Месопотамии, чем еврейских священников-пророков былых времен. От них больше не ждали пророческих озарений вроде того, что снизошло на Самуила, который способствовал установлению монархии, а предостерегать и наставлять царя, как делал

Нафан, у них бы просто не хватило духу. Встает старый вопрос: кто станет глашатаем Божьим, кто достаточно открыт, чтобы услышать слово Бога, и достаточно смел, чтобы произнести его вслух? Едва ли на эту роль годился официально помазанный царь или назначенные сверху священники. Для этого требовался человек, не принадлежащий к сложившейся структуре власти, радикал-аутсайдер.

Новый владыка Северного царства не тратит времени даром и в пику Иерусалиму учреждает культ двух золотых тельцов. Во второй четверти IX в. до н. э. трон Израиля занял Ахав вместе со своей супругой, влиятельной финикийской царицей Иезавелью, которая в Третьей книге Царств изображается лицемерной и распутной женщиной. Эта ханаанская леди Макбет истово поклоняется Ваалу и Ашере. Ахав сооружает капище Ваала в столице Северного царства, Самарии, принеся в жертву двух своих сыновей¹, в то время как Иезавель *истребляет пророков Господних* [YHWH], — скорее всего, речь идет о скитальцах, способных впасть в состояние транса.

Илия Фесвитянин, последний оставшийся пророк, бросает вызов пророкам Ваала, предлагая им

---

¹ Ошибка. Детей приносит в жертву некий Ахиил Вефилянин: *В его [Ахава] дни Ахиил Вефилянин построил Иерихон: на первенце своем Авираме он положил основание его, и на младшем своем [сыне] поставил ворота его* (3 Цар. 16:34). Это было сделано, чтобы преодолеть давнее проклятие Иисуса Навина: *Проклят перед Господом тот, кто восстановит и построит город сей Иерихон; на первенце своем он положит основание его, и на младшем своем поставит врата его* (Иис. Нав. 6:25).

устроить поединок на склонах горы Кармил: каждая из сторон должна принести жертву, и те, на чье приношение снизойдет огонь небесный, будут признаны народом приверженцами истинного бога. Исход предсказуем — изобилующее чудесами повествование об Илии, которое заканчивается тем, что пророк на огненной колеснице возносится на небо, отдает наивной условностью и неизбежно ведет к заранее известному финалу, за исключением происшествия в Синайской пустыне на *горе Божией*, где Илия ищет временное пристанище.

И вошел он там в пещеру, и ночевал в ней. И вот, было к нему слово Господне [YHWH], и сказал ему [Господь]: «Что ты здесь, Илия?» Он сказал: «Возревновал я о Господе [YHWH], Боге Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечем; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее». И сказал: «Выйди и стань на горе пред лицом Господним [YHWH]», и вот, Господь [YHWH] пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом [YHWH], но не в ветре Господь [YHWH]; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь [YHWH]. После землетрясения огонь, но не в огне Господь [YHWH]. После огня веяние тихого ветра (3 Цар. 19:9–12). В Библии короля Якова последние слова переведены как *тихий, слабый голос*.

Оказывается, YHWH — это не бык Ваал, не бог бури и грома. Да, Он правит стихиями, поскольку Он — Творец, но сам не воплощен в этих стихиях,

не нуждается в спецэффектах. Он — внутри нас, тихий, слабый голос, голос совести. На сей раз Голос, который играл в нашем повествовании центральную роль, звучит совершенно неожиданным образом. Илия — пророк былого склада, подобный Самуилу; он выходец из среды священников, и его богоявления — это прорицания, предназначенные царю. Однако в этом эпизоде он открывает нам нечто новое, перекидывая своего рода мостик к тому, что случится дальше.

Примерно в середине VIII в. до н. э. пастух из Иудеи по имени Амос, что жил неподалеку от Вифлеема, получил послание от Бога. Это послание заставило его отправиться на север и проповедовать Израилю, который погряз в идолопоклонстве, наслаждаясь процветанием, что обошло стороной значительную часть населения. Амос, в отличие от Илии, не связан со средой себе подобных. Он говорит о себе: *«Я не пророк и не сын пророка; я был пастух и собирал сикоморы»*, и это ощущается по его грубоватым речам, которые он произносит у жертвенников идолам в Вефиле и на улицах Самарии. Там потрясенный пастух видит чудовищную расточительность и осознает, что это новая форма социальной несправедливости:

«Слушайте слово сие, телицы Васанские, которые на горе Самарийской, вы, притесняющие бедных, угнетающие нищих, говорящие господам своим: „По-давай, и мы будем пить!“

Клялся Господь Бог святостью Своею, что вот, придут на вас дни, когда повлекут вас крюками и остальных ваших удами.

И сквозь проломы стен выйдете каждая, как случится, и бросите все убранство чертогов, говорит Господь [YHWH]» (Ам. 4: 1–3).

Пребывающие в праздности знатные жительницы Самарии не привыкли к подобным речам, как и их процветающие мужья. Последних Амос винит в следующем:

«...Они ненавидят обличающего в воротах и гнушаются тем, кто говорит правду.

Итак за то, что вы попираете бедного и берете от него подарки хлебом, вы построите дома из тесаных камней, но жить не будете в них; разведете прекрасные виноградники, а вино из них не будете пить.

Ибо Я знаю, как многочисленны преступления ваши и как тяжки грехи ваши: вы враги правого, берете взятки и извращаете в суде дела бедных.

<...>

Ищите добра, а не зла, чтобы вам остаться в живых, — и тогда Господь [YHWH] Бог Саваоф будет с вами, как вы говорите.

Возненавидьте зло и возлюбите добро, и восстановите у ворот правосудие» (Ам. 5: 10–12, 14–15).

Пророк вызывает еще большее раздражение жителей Израиля, когда принимается — именем Бога — критиковать их показное благочестие:

«Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших.

Если вознесете Мне всесожжение и хлебное приношение, Я не приму их и не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших.

Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать.

Пусть, как вода, течет суд, и правда — как сильный поток!» (Ам. 5:21–24).

Поведение и речи Амоса были столь же необычны, сколь неожиданны; и его быстро изгнали из Израиля. Однако за время своей недолгой славы он успел овладеть древним искусством пророчества и превратил его в новый инструмент для новой эпохи. Давно не стало народных лидеров Моисеева масштаба; достойных царей, подобных Давиду; священников, равных Самуилу, и пророков, похожих на Нафана, которые говорили правду в лицо власти. Поэтому, чтобы открыто и прямо возвестить истину, Бог выбрал никого из ниоткуда, пахнущего выгоном пастуха, который выкрикивает правду в лицо самодовольным нечестивцам. И его услышали все.

А правда для Самарии VIII в. до н. э. состояла в следующем: служить Богу — значит вести себя по справедливости. Нельзя молиться и приносить жертвы, не обращая внимания на нищих, что стоят у ворот. Более того, если ты владеешь бóльшим, чем тебе нужно, ты — вор, ибо то, чем ты владеешь, украдено у нуждающихся. Ты — убийца, если изобилие, в котором ты живешь, вырвано изо рта у голодных. Ты — идолопо-

клонник, ибо то, чему ты поклоняешься, не есть истинный Бог. Ты подобен продажной женщине, ибо ты близок с другими богами, богами твоего личного благополучия и самообмана, ты, что *насилием и грабежом собираешь сокровища в чертоги свои, продаешь правого за серебро и бедного — за пару сандалий, жаждешь, чтобы прах земной был на голове бедных, и путь кротких извращаешь.*

К Амосу присоединяется его младший современник, Осия, который проповедует в подобном же духе. Однако благодаря личному опыту — он женился на блуднице — Осия обогатил свои проповеди яркой метафорой Израиля как прелюбодействующей жены любящего Бога. Тоска Осии по своей жене, Гомери, остается неутоленной. И она так тесно переплетается с любовью Бога к Израилю, что реальность и метафора порой не отделимы друг от друга:

Посему вот, и Я увлеку ее, приведу ее в пустыню, и буду говорить к сердцу ее.

...она будет петь там, как во дни юности своей и как в день выхода своего из земли Египетской (Ос. 2:14–15).

Так поворачивается иной стороной метафора ухаживаний и *священного брака* между Израилем и Богом, впервые возникающая во время повествования о странствиях по пустыне в Книге Исхода. И Амос, и Осия ждут наступления *дня Господня* [YHWH], страшного дня возмездия, когда нечестивцам воздастся по справедливости и, по словам,

Амоса, спастись удастся немногим. Образы *дня Господня* [YHWH] и тех, кому суждено пережить его, встречаются здесь впервые, и их значение в будущих пророчествах будет расти.

В 721 г. до н. э. *день Господень* [YHWH] пришел в Израильское царство, которое недавно было низведено до положения вассала Ассирийской империи. Вскоре после смерти Тиглатпаласара III, великого императора-воина, Израиль решил напрячься и сбросить ассирийское иго. Это было роковой ошибкой. Ассирийцы напали на Израиль, разорили страну, а израильских старейшин обратили в безымянных рабов, которые исчезли без следа. Впоследствии территория Израильского царства была завоевана царем Саргоном II, а столица его, Самария, разрушена.

Амос знал, о чем говорил. Он верно определил даже направление, в котором израильтяне будут уведены в плен, — это направление на северо-восток, к горе Ермон (ныне Хермон), как предупреждал он *телиц Васанских*, которым предстоит лишиться своих роскошных дворцов и забыть, кем они были. Израиль исчезает как народ — десять пропавших колен¹ не оставили следа в более поздних документальных источниках.

---

¹ *Десять колен Израилевых* — это (с севера на юг) Дан, Неффалим, Асир, Завулон, Иссахар, Иосиф (разделилось на два — Манассия и Ефрем), Гад и Рувим (Зайорданье) и Вениамин (территория, примыкающая к северной границе Иудеи); их земли составляли территорию Северного (Израильского) царства. Оставшиеся колена — Иуда и Симеон — входили в состав Южного (Иудейского) царства. — *Авт.*

Нам неизвестно, как восприняли исполнение пророчеств Амоса и Осии остальные сыны Земли Обетованной, жители Иудейского царства, будущие иудеи, те *оставшиеся*, о которых пророчествовал Амос. Однако на юге имелись свои пророки; и самым выдающимся из них (а возможно, из всей плеяды пророков) был Исаия из Иудеи. В отличие от Амоса, Исаия, человек образованный, первый грамотный пророк, был вхож к царям и, возможно, даже служил писцом, хотя далеко не безупречный текст Книги Пророка Исаии заставляет предположить, что прорицания Исаии собрали воедино его ученики уже после смерти учителя.

Когда Исаие исполнилось двадцать пять лет, в построенном Соломоном иерусалимском Храме ему было явлено видение — Бог на небесном престоле в окружении серафимов, шестикрылых огненных существ, которые восклицали:

«Свят, Свят, Свят Господь [YHWH] Саваоф! вся земля полна славы Его!» (Ис. 6:3).

Один из серафимов коснулся горящим углем уст Исаии, очистив их от греха, и Бог отправил его к людям возвестить истину, которой никто не поверит, *доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. И удалит Господь [YHWH] людей, и великое запустение будет на этой земле* (Ис. 6:11–12).

Первые пророчества Исаии обладают всеми достоинствами подлинной литературы:

У Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы,

И Он обнес его оградой, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды.

«И ныне, жители Иерусалима и мужи Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим.

Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды?

Итак Я скажу вам, что сделаю с виноградником Моим: отниму у него ограду, и будет он опустошаем; разрушу стены его, и будет попираем,

И оставлю его в запустении: не будут ни обрезать, ни вскапывать его, — и зарастет он тернами и волчцами, и повелю облакам не проливать на него дождя».

Виноградник Господа [YHWH] Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды — любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот — кровопролитие; [ждал] правды, и вот — вопль (Ис. 5:1–7).

Хотя первые высказывания молодого пророка звучат мягко и немного отвлеченно и не содержат прямых обвинений, вскоре он научится использо-

вать свой литературный дар для страстных обличений, проклиная беспечных жителей Иудеи, которые *зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою*. Подобно Амосу, Исаия сетует на несправедливость к бедным и беззащитным и с негодованием говорит о лицемерном благочестии, однако его слова предельно ясны и четки. Пожалуй, ни одна из книг еврейской Библии не цитируется чаще, чем Книга Пророка Исаии, за исключением разве что псалмов: *Вол знает владельца своего, и осел — ясли господина своего...* (Ис. 1:3); *Тогда придите — и рассудим... Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю...* (Ис. 1:18); *И перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать* (Ис. 2:4); *Что вы тесните народ Мой и угнетаете бедных?* (Ис. 3:15); *Хлеб в горести и воду в нужде* (Ис. 30:20).

Подобно Амосу и Осии в Израиле, Исаия угрожает Иудее страшным *днем Господним* [YHWH], однако он дает надежду тем, кому суждено спастись, и обращения к ним отличаются возвышенный слог и страстность:

*Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий;
на живущих в стране тени смертной свет воссияет.*

<...>

Ибо младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира (Ис. 9:2, 6).

И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его;

И почиет на нем Дух Господень [YHWH], дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия (Ис. 11:1–2).

Но прежде чем сбудутся эти, бесспорно, мессианские пророчества, должен наступить *день Господень* [YHWH], после которого евреи перестанут уповать на тиранов:

...Остаток Израиля и спасшиеся из дома Иакова не будут более полагаться на того, кто поразил их, но возложат упование на Господа [YHWH], Святого Израилева, чистосердечно.

Остаток обратится, остаток Иакова — к Богу сильному.

Ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, [было] столько, сколько песку морского, только остаток его обратится... (Ис. 10:20–22).

Пророк обещает, что уделом спасенных будет воцарившийся на земле мир:

Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их.

<...>

Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море (Ис. 11:6, 9).

Хотя последователи Исаии сохранили его пророчества, люди не прислушивались к ним, как не слушали они Амоса и Осию. Поражения Исаии не трогают его современников, подобно попыткам пророка утешить и поддержать их. Несмотря на то что на протяжении 100 лет Иудее посчастливилось увидеть двух монархов-реформаторов — Езекию и Иосию, ей же выпало несчастье оказаться под властью двух худших в династии Давида царей — Ахаза и Манассии. Исаия, советник Езекии (715–687 до н. э.), по преданию, был подвергнут пыткам царем Манассией (687–642 до н. э.) и распилен надвое.

Цари-реформаторы пытались очистить культ ЯНВН от ханаанских примесей, позволяя только поклонение единому Богу в Храме. Они уничтожали старые святилища, расположенные на возвышенностях, где долгое время допускалось синкретическое отправление языческих ритуалов Ханаана и культа ЯНВН. Ахаз и Манассия, однако, не просто терпели ханаанских богов — они пошли дальше своих предшественников, царей Израиля и Иудеи (не считая разве что Ахава): при них приносили жертвы Молоху, страшному божеству, пожирающему детей. Его культ процветал в окутанной дымом долине Енномовой¹ на юге Иерусалима, где усыпанные пеплом жрецы поддерживали огонь, готовые в любую минуту бросить в языки пламени трепещущую от ужаса жертву.

---

¹ *Долина Енномова* — это геенна Евангелий, одно из обозначений ада. — *Авт.*

Эти омерзительные ритуалы упоминает пророк Михей, современник Исаии. Он представляет себе досужие размышления верующего, который, желая угодить Богу, полагает, будто тот откликнется на его мольбы, если он принесет в жертву собственное дитя.

«С чем предстать мне пред Господом, преклониться пред Богом небесным? Предстать ли пред Ним со всесожжениями, с тельцами однолетними?»

Но можно ли угодить Господу тысячами овнов или неисчетными потоками елея? Разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего — за грех души моей?» (Мих. 6:6–7).

В этих размышлениях переплетаются традиции ханаанской и израильской веры, и при этом упускается из виду самое главное, что вызывает глубокое отвращение Михея:

О, человек! сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим (Мих. 6:8).

Для пророков существует глубинная связь между идолопоклонством и несправедливостью. Ваал, Астарта и Молох — боги человеческих желаний: они могут наградить властью, богатством, славой или победой, ублажить их можно уговорами и жертвами. Наш Бог — это Бог земли и неба, который гово-

рит, что лучшее подношение — это праведность, подобная его праведности; человек должен справедливо и милосердно обращаться с ближними и не опускаться до жестокости, которую влекут за собой сделки с языческими божествами, омерзительных поступков, подобных принесению в жертву детей. После связывания Исаака религия YHWH прошла долгий путь; разделение народа на богачей, которые, поклоняясь идолам, приносят в жертву детей, и праведных бедняков подвела ее к новому постулату. Однако реформы Езекии и Иосии могли лишь отсрочить *день* YHWH, который неумолимо приближался, ведь Избранный Народ погряз в вероотступничестве, а социальное неравенство со времен Соломона значительно обострилось.

Во второй половине VII в. до н. э., во времена правления Иосии, когда были записаны Книга Иисуса Навина, Книга Судей, Книги Царств, появляется Иеремия, пророк суда Божьего, провозвестник «последнего шанса». От имени YHWH он призывает: *«Исправьте пути ваши и деяния ваши, и Я оставлю вас жить на сем месте. Не надейтесь на обманчивые слова: „здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень!“ Но если совсем исправите пути ваши и деяния ваши, если будете верно производить суд между человеком и соперником его, не будете притеснять иноземца, сироты и вдовы, и проливать невинной крови на месте сем, и не пойдете во след иных богов на беду себе, — то Я оставлю вас жить на месте сем, на этой земле, которую дал отцам вашим в роды родов»* (Иер. 7:3–7).

На юге издавна верили, что вечный Иерусалим, который был обещан Давиду, и пребывание УНВН над ковчегом завета в Храме защитят Иудею — в отличие от Северного царства — от надвигающейся катастрофы. Иеремия предсказывает, что УНВН оставит Иерусалим, что город и Храм будут разрушены. Он точно описывает то, что случится в будущем: Навуходоносор, который к тому времени завоевал Ассирию, соберет все свои силы, нападет на Иудею и сравняет с землей Иерусалим и Храм, опустошив и разрушив всю страну. За этими событиями последуют 70 лет рабства в Вавилоне.

Пророчества Иеремии сбылись слово в слово, однако прежде его бросили в темницу, как предателя, который выступает против государства. Люди Навуходоносора, что «освободили» пророка, захватив город, решили, будто он стоит на их стороне, и предоставили ему право выбора: он мог отправиться в изгнание в Вавилон вместе с местной знатью либо остаться с немногочисленными крестьянами в Иудее. Иеремия решил остаться. Иерусалим пылал, как факел, его стены были разрушены, Храм уничтожен, ковчег завета утрачен навсегда, УНВН исчез. Седекию, последнего царя Иудеи, заставили смотреть на казнь собственных детей, и это было последнее, что он видел. Затем ему выкололи глаза, сковали его цепями и отправили в Вавилон, где он и погиб. Иеремия умер в Египте, куда отправился по настоянию своих друзей.

Несмотря на все это, Иеремия пророчествует именем Бога:

«Вот, Я приведу их из страны северной и соберу их с краев земли» (Иер. 31:8).

И тогда народ Божий будут представлять уже не исполненные достоинства старейшины Израиля и Иудеи, но калеки и беспомощные:

«Слепой и хромой, беременная и родильница вместе с ними, — великий сонм возвратится сюда.

Они пошли со слезами, а Я поведу их с утешением; поведу их близ потоков вод дорогою ровною, на которой не споткнутся...

<...>

Поставь себе путевые знаки, поставь себе столбы, обрати сердце твое на дорогу, на путь, по которому ты шла; возвращайся, дева Израилева, возвращайся в сии города твои.

Долго ли тебе скитаться, отпадшая дочь? Ибо Господь [YHWH] сотворит на земле нечто новое: жена спасет мужа» (Иер. 31:8–9, 21–22).

Достаточно ли этого, чтобы неверная жена вернулась к своему мужу? Иерусалима и Храма больше нет; разрушено все, что давало евреям обманчивое ощущение безопасности. Оставил ли их Бог, или в плену у вавилонян Он преподаст им очередной урок, научит, как создать что-то новое?

При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе (Пс. 136:1).

Они сидели на берегах Евфрата и Тигра, тех самых рек, где началась их история, сидели, плакали и размышляли о своей судьбе. Теперь евреи понимали, что пророки говорили им правду, что пророки действительно были глашатаями Божьими. Именно тогда евреям стало ясно, что пророки были провидцами. Истинный пророк — тот, кто видит приметы будущего в настоящем, однако все понимают это, лишь когда предсказание сбывается. Бог желал не жертвоприношений, не святилищ и не показного благочестия. Стабильность светской власти Его тоже не занимала — Он вполне определенно выказал это, заставив народ пройти через страдания. Так что же Ему нужно?

Чтобы понять, насколько не готовы были евреи к подобному ходу рассуждений, нужно вспомнить, что представлял собой мир в начале VI в. до н. э. Любая вера предполагала жертвоприношения. Все народы ублажали своих богов в святилищах и храмах, и власть этих богов ассоциировалась с властью монархов. Того, кто входил в круг жрецов, правителей и был отмечен близостью к богам, узнавали с первого взгляда. Так было принято. Но зачем Бог уничтожил то, что отличало Его народ? Чего еще Он хотел? Ломая голову над этой загадкой, евреи стали вспоминать то, что в свое время говорили пророки. Богу недостаточно крови и дыма, Ему нужно нечто большее, чем дворцы и крепости. Он желает справедливости, милосердия, смирения. Он желает того, что незримо. Ему нужны их сердца — не внешнее, но то, что внутри.

Никакими словами не передать, какой странной казалось тогда эта мысль. Евреи рассуждали так же, как и прочие народы: в первую очередь их занимали дома и поля, скот и зерно, серебро и золото. Слово «духовный», которое мы произносим то и дело, древние употребляли нечасто. Разумеется, YHWH был не таким, как другие боги, — Он был *духом*, Он был незрим, и Его нельзя было изобразить средствами искусства. Однако именно это представляло для Его народа огромную проблему, поскольку люди страстно желали изобразить своего бога, так же как изображали своих божеств другие народы. Напрягая воображение, они представляли этот дух как *gash* — ветер, дыхание, то, чего нельзя увидеть, но что тем не менее реально существует, поскольку можно наблюдать его движение. *Ruach* YHWH время от времени нисходил на вождей, пророков, священников и царей, помогая им направлять народ. Но простые люди? Они не ведали, что такое *ruach*, и к ним не обращался Бог.

Однако любой человек носил в себе нечто жизненно необходимое, и это нечто покидало его тело, когда он умирал, таким же непостижимым образом, как YHWH покинул свой Храм. В каждом человеке пребывало что-то внутреннее, сокровенное, то, о чем евреям не приходилось задумываться раньше. Может быть, Бог давал им понять, что каждый из них вполне мог стать царем, пророком или священником? Может быть, именно это Он имел в виду на горе Синай, говоря: «*Вы будете у Меня царством*

священников и народом святым»? Что, если Он решил сделать их народом духа, народом, не обладающим внешними атрибутами народа? Именно об этой в н у т р е н н е й сфере говорил пророк Иезекииль, который сопровождал народ в изгнание, когда именем Бога предсказывал грядущее возрождение: *«И дам им сердце единое, и дух новый вложу в них, и возьму из плоти их сердце каменное, и дам им сердце плотяное»* (Иез. 11:19). Возможно, именно этот сокровенный уголок в душе человека, где живет тот самый *тихий, слабый голос*, который услышал Илия, и есть подлинный Храм Божий? Ковчег был утрачен вместе со скрижалями завета, однако разве устами Иеремии Бог не обещает заключить новый завет, который требует, чтобы Его Закон был записан *на скрижали сердца их*? И когда — также через Иеремию — Бог говорит им *обратить свое сердце на дорогу*, разве речь идет не о странствии духа?

Тех, кто задумался о сказанном впервые, эти выводы потрясли не меньше, чем гром среди ясного неба. Теперь они оглядывались назад, вспоминая свою историю — от тех времен, когда, услышав призыв Бога, Авраам отправился странствовать по пустыне, а Моисей взялся вывести народ из рабства к свободе, вплоть до помазания Давида, царя, который пел дифирамбы самому себе, и появления пророков, которые предостерегали, что всего сделанного до сих пор недостаточно для Бога. И, обращаясь к прошлому, евреи понимали, что Бог был с ними

постоянно, вел их от одного прозрения к другому, рассказывая им неслыханную доселе историю, историю их собственной жизни.

О жизни евреев в изгнании известно немного. У составителей библейского текста душа не лежала к описаниям Вавилона, так же как в свое время они не желали описывать Шумер и Египет. Однако кое-кто из еврейских изгнанников использовал торговые навыки, приобретенные еще в родном царстве, и сумел сколотить состояние. Разбогатевшие евреи не торопились покинуть свои новые дома. Таким образом, эпоха изгнания положила начало формированию еврейской диаспоры — процессу, который продолжается по сей день. Вавилония была разбита персами, и в 538 г. до н. э., по истечении 70 лет после пророчества Иеремии, персидский царь Кир II издал указ, который позволил евреям покинуть Вавилон. Небольшая группа изгнанников возвращается на родину предков, позднее за ними последуют другие.

В Сион возвращаются уже не те евреи, что много лет назад отправились в изгнание. Это новое поколение, носитель более космополитических взглядов, которые сложились не без влияния различных культур Древнего мира. Эти люди вернулись, чтобы начать новую, нелегкую жизнь в разоренной и опустошенной стране. При себе у них были книги — те, что сопровождали их в изгнание, и те, что были написаны в плену. Во время Вавилонского пленения или

вскоре по возвращении изгнанников Тора приобрела свой окончательный вид. Устные предания Иудеи и Израиля перемежались в ее книгах с более поздними вставками священников и писцов, которые, после того как связь времен распалась, старались подчеркнуть преемственность и прочность традиций, детально прорабатывая ритуальные предписания, законы и генеалогию, вошедшие в окончательную редакцию текста.

Но озарения пророков и душевные раны, нанесенные изгнанием, тоже требовали осмысления. Засеивая опустошенные земли, восстанавливая уничтоженные виноградники, люди размышляли, что имел в виду Иеремия, когда говорил: *«Вот, наступают дни, говорит Господь [YHWH], когда Я засею дом Израилев и дом Иудин семенем человека и семенем скота. И как Я наблюдал за ними, искореняя и сокрушая, и разрушая и погубляя, и повреждая, так буду наблюдать за ними, созидая и насаждая, говорит Господь [YHWH]. В те дни уже не будут говорить: „Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина“, но каждый будет умирать за свое собственное беззаконие. Кто будет есть кислый виноград, у того на зубах и оскомина будет»* (Иер. 31:27–30). Безусловно, *кислый виноград* — это метафора; речь идет о том, что каждый будет отвечать лишь за собственные грехи. Детям больше не грозит кара за грехи отцов. Отвечать будет индивидуум, а не род. Наряду с религиозными обязательствами начинает формироваться идея личности, отдельной души, идея, которая с трудом прокладывает себе путь в

мире кланов, племен и народов, где любая идентичность и правота поверяется единством с группой.

В этот период зарождается новая литература. Отчасти это подражание литературе, с которой евреи познакомились в изгнании, поэтому часто она куда больше напоминает распространенные в древности поучения житейской мудрости, чем Тору и Пророков. В более поздних книгах Библии, например Книге Притчей Соломоновых и Екклесиасте, мы порой наталкиваемся на цинизм, свойственный Гильгамешу, цинизм, который привел бы в ужас Моисея и вызвал бы отвращение Амоса. Однако теперь культурная дистанция позволяла евреям более остро воспринимать собственную древнюю литературу. Размышляя над Псалмами и Пророками, они лишь сейчас начали понимать их по-настоящему и впервые задали себе вопрос: почему страдает праведник? Если человеку воздается за его грехи, в чем смысл незаслуженных страданий? Этот вопрос ставится в Книге Иова, книге о праведнике, что страдает, не совершив греха. Но ответа на этот вопрос не существует, разве что: *Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1:21). Люди достигли тех сокровенных глубин человеческого бытия, когда одно измученное сердце обращается к другому и, встречая сострадание, не находит ответа. Если причина и существует, ее нельзя постичь разумом.

Новая литература до такой степени пронизана подобными размышлениями, что порой напоминает

современные экзистенциалистские произведения, исполненные подлинной боли и радости. В Песни Песней мы встречаем *Суламиту* и ее возлюбленного, молодую пару, диалоги которой неизменно трогают читателя. Начинает девушка:

Я сплю, а сердце мое бодрствует; [вот], голос моего возлюбленного, который стучится: «Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою».

Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне мараить их?

Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него.

Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка.

<...>

Руки его — золотые кругляки, усаженные топазами; живот его — как изваяние из слоновой кости, обложенное сапфирами;

Голени его — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях. Вид его подобен Ливану, величествен, как кедр!

Уста его — сладость, и весь он — любезность. Вот кто возлюбленный мой, и вот кто друг мой, дочери Иерусалимские! (Песн. 5:2–5, 14–16).

О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая! Округление бедр твоих как ожерелье, дело рук искусного художника.

Живот твой — круглая чаша, [в которой] не истощается ароматное вино! Чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями.

Два сосца твои — как два козленка, двойни серны (Песн. 7:2–4).

Позднее раввины и отцы церкви, которых чрезвычайно смущало наличие подобных текстов в Священном Писании, станут втолковывать своей пастве, что Песня Песней — это аллегория, хотя очевидно обратное. Книга воспевает человеческие отношения, отношения эротические, рассказывает, с каким пьянящим восторгом возлюбленные ждут очередного свидания; при этом автор явно стремится доставить читателю удовольствие описанием происходящего. Как советует влюбленный герой Песни Песней:

«ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!» (Песн. 5:1).

Любопытно, как отнесся бы к этой поэме Аврам? Согласилась бы Сара, что *крепка, как смерть, любовь* и что *большие воды не могут потушить любви*, или ей показалось бы непостижимым, что женщина может быть столь свободной? Ведь лучшие строки принадлежат именно Суламите. Могла ли хоть одна женщина в прошлом, до того как были написаны эти стихи, с такой уверенностью заявить: *«Возлюбленный*

мой принадлежит мне, а я ему»? В Библии упоминаются бесчисленные браки и связи, но здесь мы впервые видим взаимность на равных, отношения «лицом к лицу», узы, в которых присутствует тайна, драма, напряжение и радость, характерные для подлинной близости Израиля с Богом. Если бы Песня Песней являлась только аллегорией, отношения влюбленных были бы всего лишь отражением связи души (или Израиля) с Богом. Но Песня Песней, которая появляется в Библии после долгого повествования о непростых отношениях Израиля с Богом, говорит скорее о том, что связи между Богом и человеком наконец-то сделали возможными искренние отношения между людьми.

В Книге Руфь тема страданий Иова и тема взаимности Песни Песней переплетаются в глубоко человеческой истории, действие которой происходит за несколько поколений до царя Давида. Ученые не пришли к единому мнению в отношении датировки этого текста: есть такие, что относят ее к периоду Царств, но многие считают, что она написана после Вавилонского пленения. Однако вне зависимости от связи с реальными историческими событиями эта книга остается весьма гармоничной новеллой в четыре главы.

Мы знакомимся с Ноеминой, жительницей Вифлеема, которая во время голода покинула свой дом вместе с мужем и двумя сыновьями и отправилась в Моав, лежавший к востоку от Иордана, откуда созерцал Землю Обетованную Моисей. Муж Ноемини умер в Моаве, а ее сыновья женились на моавитян-

ках. Однако спустя некоторое время умерли и сыновья, и Ноеминь решила вернуться в Вифлеем, где голодные времена миновали. Она отправляется в путь вместе со снохами, однако, поразмыслив, предлагает им: *«Пойдите, возвратитесь каждая в дом матери своей; да сотворит Господь [YHWH] с вами милость, как вы поступали с умершими и со мною! Да даст вам Господь [YHWH], чтобы вы нашли пристанище каждая в доме своего мужа!»* (Руфь 1:8–9). С этими словами она целует на прощанье каждую из невесток.

С самого начала читатель чувствует: перед ним история, подобных которой не было раньше. Все главные действующие лица — женщины (поразительна сама фраза *в дом матери своей*), которые оказались в весьма непростых обстоятельствах: они не знают, как прокормить себя. Однако при этом перед нами дружная семья, где все относятся друг к другу с любовью, подобной любви Божьей, и никто не пытается использовать ближнего. Члены семьи искренне заботятся друг о друге: невестки Ноемини — о своих мужьях, сама она — о невестках. Оказавшись в отчаянном положении, свекровь исполнена решимости избавиться от неприятностей своих снох. Сознывая, как тяжело придется невесткам, если они последуют за ней, Ноеминь принимает решение расстаться с ними.

Обе снохи заливаются слезами и говорят, что желают остаться со свекровью; это, безусловно, свидетельствует об их любви к ней. *«Разве еще есть у меня сыновья в моем чреве, которые были бы*

вам мужьями? — горько отвечает Ноеминь, а чуть далее замечает: — *Да если б я и сказала: „есть мне еще надежда“, и даже если бы я сию же ночь была с мужем и потом родила сыновей, — то можно ли вам ждать, пока они выросли бы?»* (Руфь 1:11–13). Это звучит так, словно бессловесная Сара в конце концов решилась открыть рот — мы слышим трезвое мнение женщины прошлого, которая наконец-то обрела голос.

После долгих уговоров Ноеминь все же убеждает одну из невесток вернуться домой. Но вторая, Руфь, настаивает на своем, произнося при этом знаменитые слова:

«Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом.

И где ты умрешь, там и я умру и погребена буду; пусть то и то сделает мне Господь [YHWH], и еще больше сделает; смерть одна разлучит меня с тобою» (Руфь 1:16–17).

Последняя фраза созвучна приведенной выше: *Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему*, хотя речь идет о совсем иной взаимности при совершенно иных обстоятельствах.

Когда две бездоленные женщины добираются до Вифлеема, Руфь отправляется в поле, чтобы подбирать колосья за жнецами в поле и собрать немного зерна для себя и Ноемини. Однако в первый же день находится человек, который милосерден и внимате-

лен к ней. Она рассказывает об этом свекрови и узнает, что этот человек, состоятельный и добрый Вооз, может составить ей прекрасную партию. После этого Руфь, не отставая от героинь Джейн Остин, вместе с Ноеминью разрабатывает план, который позволит ей завоевать сердце Вооза. Все заканчивается благополучно: Вооз оказывается проникательным и мудрым, при этом его ничуть не смущает граничащая с дерзостью отвага Руфи и ее ум.

История Руфи не похожа ни на романтическую Песнь Песней, ни на душераздирающее повествование о судьбе Иова, однако в ней есть и боль, и радость, и ощущение того, что события разворачиваются при незримом участии Бога. Руфь выходит замуж за Вооза, и у них рождается сын, Овид. Повествование завершает великолепная сцена: Ноеминь, которая уже не может иметь собственных детей, *взяла... дитя сие, и носила его в объятиях своих, и была ему нянькою*. В заключение повествователь сообщает нам, что Овид станет отцом Иессея и дедом Давида. Эта история внушает мысль о том, что любые, даже самые невыносимые страдания имеют счастливый конец, возможность которого порой человеку даже в голову не приходит. Как напишет в I в. н. э. один странный еврей: *Любящим Бога, призванным по [Его] изволению, все содействует ко благу*.

Страдания Руфи и Ноемини были не напрасны, однако стоящий за ними промысел Божий они смогли оценить, лишь когда обрели свое счастье в конце истории. Однако только мы, оглядываясь на

пройденный израильтянами путь, способны оценить великие перемены, которые произошли с еврейским народом, прежде чем он понял: важнее всего то, что незримо. Только нам дано в должной мере оценить произошедшее с Руфью и Ноеминью, частью этого народа.

Примерно за две тысячи лет до начала нашей эры таинственный Голос воззвал к Авраму и возвестил, что его ждет особое предназначение. Аврам был человеком своего времени, с одной стороны, подлинным провидцем, с другой — оборотистым дельцом, и все же он решился на то, чего раньше не делал никто: он поверил в Голос и перевернул всю свою жизнь, постепенно став новым человеком с новым именем и судьбой, уготованной только ему, и речь шла не об участии, что можно предсказать по звездам. До него что-либо подобное казалось попросту невозможным. Но кроме того, его судьба была судьбой рода, нации и даже (в непостижимом смысле, который еще предстоит оценить) судьбой всего мира, поскольку Авраму было суждено стать прародителем великого народа, народа с неповторимой судьбой и уникальной ролью.

На протяжении многих поколений его род, который теперь назывался израильтянами, хранил рассказ об этой судьбе, отец передавал его сыну, мать — дочери. Несмотря на все несчастья и превратности человеческого существования, которые

так легко стирают с лица земли целые народы, спустя полтысячи лет после Авраама мы обнаруживаем его потомков в Египте, где они, став рабами фараона, строят города-склады. При этом они не забывают преданий о своем праотце Аврааме, который говорил с Богом и ходил пред ним. У них появляется новый предводитель, косноязычный принц, которому они доверяют. Он говорит им, что Бог предков воззвал к нему, приказал вывести их из рабства и вернуть в землю, которая была обещана Аврааму. Бог сообщил принцу Моисею свое имя, YHWH, а значит, в соответствии с представлениями древности, поведал о себе нечто чрезвычайно важное: Он есть «сущий», Бог богов, Бог, на которого можно положиться.

Вера Моисея была подобна вере Авраама: он тоже верил Голосу и надеялся на него. Несмотря на дальнейшие превратности судьбы, исход израильтян из Египта и их долгие странствия, Моисей не теряет надежды; он верит, что Обет сбудется, верит, что в будущем его ждет нечто новое и удивительное. За внешними событиями истории рода формируются новые идеи: время обретает реальность, становится возможным будущее. Делается значимым личный выбор: он способен изменить будущее. Грядущие события не предрешены, а значит, настоящее предполагает возможность риска и свободу выбора, который непременно отразится на исходе дела.

Благодаря этому великому, непреодолимому движению, которое воплотилось в преданиях о жизни

Авраама и Моисея, история впервые человеческим сознанием воспринимается как нечто реальное, а будущее отныне в самом деле определяется настоящим. Это движение является движением времени: истекая, время становится историей. Однако такое движение не имеет ничего общего с вращением Колеса, как полагали все прочие общества; оно не носит циклического, повторяющегося характера. Любое мгновение уникально и неповторимо, как уникальна и неповторима любая судьба. История — это процесс; он идет в определенном направлении, хотя едва ли можно сказать в каком. А поскольку процесс не завершен, это позволяет надеяться, и я волен считать, что речь идет не просто о движении, но о прогрессе.

Однако любой выбор может быть верным или ошибочным. Чтобы сделать правильный выбор, я должен обращаться к закону Божьему, который запечатлен в моем сердце. Мне следует прислушиваться к Голосу, который взывает не только к народным предводителям, но и ко мне лично. Я должен со всей серьезностью относиться к собственному «я». Именно таким образом после множества бедствий еврейский народ сумел пройти путь от «я» Давида к духовному «я», «я» отдельной личности, способному сострадать другим.

Евреи подарили нам новую лексику, новый Храм Духа, широчайший спектр мыслей и чувств, неизвестных ранее. Через многовековые страдания и тяжкие испытания они пришли к вере в единого Бога, Создателя вселенной, того, что воплотил свой

замысел в своих творениях и целенаправленно вмешивается в историю человечества. Благодаря своей уникальной вере — монотеизму — евреи сумели подарить нам Великое Единство, целостное мироздание, и мировоззрение, которое обладает несомненным превосходством над противоречивым феноменом политеизма. Они подарили нам западное сознание, убеждение в том, что единый Бог — *тихий, слабый голос* совести, Бог сострадания — жаждет не внешних проявлений благочестия. Он печется о каждом из своих созданий, и в первую очередь о человеке, которого *создал по образу Своему*, и требует того же от нас.

Пророк Иоиль предсказал даже постепенную универсализацию еврейских идей, которая ощущается в истории подбирающей колосья Руфи-моавитянки. Скорей всего, Иоиль пророчествовал уже после возвращения евреев из Вавилона:

«И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть. И будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения.

И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего» (Иоил. 2:28–29).

Евреи подарили нам Внешнее и Внутреннее, Объективную реальность и Внутреннюю жизнь, наше мировоззрение и наш духовный мир. Мы видим еврейские сны и питаем еврейские надежды. Даже про-

сыпаясь поутру или пересекая улицу, мы остаемся евреями. Значительная часть нашего лексикона — в том числе такие популярные понятия, как «новый», «приключение», «неожиданность»; «уникальный», «индивидуальный», «личность», «призвание»; «время», «история», «будущее»; «свобода», «прогресс», «дух»; «вера», «надежда», «справедливость», — дарована нам евреями.

VII

С тех пор и поныне

Евреи остались собой

Сегодня в то, что каждое слово Библии ниспослано Богом, верят разве что ортодоксы, которые занимаются сознательным самообманом, как огня боясь любых научных изысканий. При этом им приходится держать в узде и собственный разум, поскольку даже не имея доступа к современной библейской критике, любой читатель обращает внимание на неоднородную структуру Священного Писания, замечает противоречивые установки и суждения, явные несоответствия и ошибки. Даже не обращаясь к современной научной методологии и закрывая глаза на непоследовательность текстов еврейской Библии, мы инстинктивно отвергаем те фрагменты библейского текста, что изображают не того Бога, в которого нам хотелось бы верить. Скажем, в Книге Иисуса Навина мы читаем про то, как, повинаясь приказу Бога, израильтяне истребляют мечом всех жителей Ханаана, включая детей и женщин, а в Псалтири поэт постоянно просит Бога беспощадно уничтожить

всех своих врагов. Возможно, писавшие это верили, что их вдохновляет Бог, однако мы не разделяем их веры.

Бог может быть *долготерпеливым и многомилостивым*, однако порой Он внушает ужас, становится деспотичен и своеволен (как в случае с Саулом), не отставая от монархов Месопотамии. Не думаю, будто есть смысл переживать из-за того, что Он не похож на Боженку со слащавой поздравительной открытки. Если это и в самом деле Бог, Творец всего сущего, стоит ли удивляться, что в чем-то Он выше нашего понимания, а значит, вызывает у нас страх? Что касается меня, я готов найти оправдание ряду сомнительных случаев — даже такому шокирующему эпизоду, как едва не случившееся жертвоприношение Исаака. Не забывайте: речь шла о новой вере, а человеческий материал, с которым Он имел дело, далеко не всегда был первосортным.

Все это совсем не означает, что массовые убийства и жесточайшие кровопролития следует приписывать воле Бога. Полагаю, даже истово верующий признает, что эти бесчинства были делом рук людей, ошибочно убежденных, что за ними стоит Бог. История, изложенная в еврейской Библии, — это история эволюции сознания, которое прошло множество этапов развития и, как все живое, менялось то постепенно, то скачкообразно.

Однако ничто не мешает нам верить, что опыт, лежащий в основе этой истории, был ниспослан свыше и многовековую эволюцию еврейского сознания поддерживал дух Божий. История еврейского наро-

да, непостижимым образом сохранившего свою культурную идентичность на протяжении нескольких тысячелетий, представляет собой уникальное явление, граничащее с чудом. Где сегодня шумеры, вавилоняне, ассирийцы? И хотя на современной карте по-прежнему существуют Греция и Египет, культура и этнический состав населения данных стран имеет мало общего с народами, которые жили на этих землях в древности. Но каким бы невероятным ни казался факт выживания еврейского народа, еще большее чудо — тот совершенно новый подход к осмыслению реальности, который выработали евреи, подход, который стал единственной альтернативой всем древним мировоззрениям и религиям. Если в человеческой судьбе когда-либо действительно проявлял себя перст Божий, это именно тот случай.

Герои библейского повествования не безупречны. Как летопись одной «семьи» на протяжении двух тысячелетий Библия изобилует описанием дрязг и неурядиц, без которых не обходится ни одна человеческая жизнь. Содержание библейских книг можно интерпретировать по-разному. Подойдя к Библии с позиций феминистской критики, можно сказать, что перед нами сборник преданий и мифов, созданных в эпоху первобытного патриархата для прославления мужских подвигов. Однако, придерживаясь такой точки зрения, мы игнорируем более поздний материал, в частности Книгу Руфь, и не учитываем, что Библия — документальное свидетельство эволюции восприятия, а истоки этой эво-

люции — первобытное мировоззрение Шумера. Конечно, можно считать, что Библия знаменует переворот, в ходе которого агрессивные мужчины-воины заменяют богиню Земли небесной проекцией самих себя, но хотя подобная гипотеза и мила сердцу феминисток, она не находит убедительных археологических подтверждений. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что с незапамятных времен самое могущественное божество пребывало «на небесах», то есть представляло собой оппозицию земной жизни; и поскольку при этом считалось, что такое божество оплодотворяет землю, его представляли особью мужского пола.

Если постараться, можно вслед за Джозефом Кэмпбеллом доказать, что все религии имеют циклический, мифологический и антиисторический характер и что у евреев нет оснований полагать, будто именно их вера опирается на исторические события, а следовательно, уникальна. Но аргументы такого рода уязвимы с точки зрения логики, поскольку представляют собой софизм, когда то, что требуется доказать, п р и н и м а е т с я за исходную посылку. Действительно, как мы видели, все религии носят циклически-мифологический характер и не имеют отношения к истории — и с к л ю ч а я иудео-христианское течение, в рамках которого реализует себя западное сознание.

Мы можем по примеру постмодернистов читать Библию как собрание разнородных, не связанных между собой текстов, собранных воедино в период

Вавилонского пленения и позднее и организованных в целостный внешне корпус литературы. Но такой подход упускает из виду не только огромное эмоциональное и духовное воздействие, которое Библия оказывает даже на тех читателей, кого она, казалось бы, не должна трогать, но и не принимает во внимание ее мощное влияние на общество в целом. Поворотные моменты библейской истории: грозный приказ *lekh-lekha*, данный Авраму; тайное Имя Бога, что было открыто Моисею; песня Мариама на далеком берегу; Десять заповедей Всевышнего; добрый Пастырь Давида; святая гора Исаии — едва ли можно назвать проходными точками, не имеющими глубинной связи с жизнью каждого из нас. Так же невозможно представить себе великие освободительные движения новой истории, которые не обращались бы к Библии. В Библии берут свои истоки аболиционизм; борьба за изменение условий содержания в тюрьмах, за гражданские права, за права коренного и перемещенного населения, за свободу слова и демократию в странах Дальнего Востока (Южной Корее, Филиппинах и Китае), против расовой сегрегации в Южной Африке; антивоенное и профсоюзное движение; польская «Солидарность». Все эти современные движения использовали язык Библии; не зная Библии, невозможно понять их великих героев, среди которых Гарриет Табмен, Соджорнер Трут, Мэри Харрис Джонс, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Сезар Чавес, Хелдер Камаро, Оскар Ромеро, Ригго-

берта Менчу, Корасон Акино, Нельсон Мандела, Десмонд Туту, Черити Калуки Нгилу, Гарри Ву¹.

Помимо названных движений, которые нередко рассматривают Книгу Исхода как черновой набросок плана действий, облик нашего мира формируют и другие силы: капитализм, коммунизм и демократия. И капитализм, и коммунизм — внебрачные дети Библии; и тот, и другой представляют собой своего рода развивающуюся религию, созданную по образу и подобию библейской веры и требующую от своих приверженцев неизменного упования на лучшее будущее, светлое завтра, которое принесет то ли рост валового внутреннего продукта, то ли рай для рабочих. Ни та, ни другая идеология не могли появиться на циклическом Востоке, в рамках индуизма, буддизма, даосизма или синтоизма. Однако, будучи верой без Бога, и капитализм, и коммунизм попросту разные проявления безумия; и тот, и другой — фантазия, которой не суждено сбыться. Демократия, в отличие от них, произрастает непосредственно из еврейской концепции личности, ведь любой человек есть

---

¹ *Гарриет Табмен* (1820–1913) и *Соджорнер Трут* (1797–1883) — американские аболиционистки. *Мэри Харрис Джонс* (1830–1930) и *Сезар Чавес* (1927–1993) — активисты профсоюзного движения США. *Хелдер Камаро* (1905–1999) и *Оскар Ромеро* (1917–1980) — «мятежные прелаты» римско-католической церкви (Камара — архиепископ Бразилии, Ромеро — архиепископ Сальвадора, убитый во время мессы), выступавшие против социальной несправедливости и насилия. *Ригоберта Менчу* (р. 1959) — борец за права коренного населения Америки. *Черити Калуки Нгилу* (р. 1952) — министр здравоохранения Кении. *Гарри Ву* — известный китайский диссидент. — *Ред.*

подобие Бога, причем судьба каждой личности уникальна. Если бы не вмешательство евреев, едва ли мысль о том, что «все люди созданы равными», воспринималась как «самоочевидная истина»¹.

К Библии можно относиться не только как к сборной солянке, обладающей лишь внешним единством. Ее можно читать и анализировать и как поразительное литературное произведение. Эту задачу поставил и блестяще решил Джек Майлс в книге «Бог: Биография» (*God: A Biography*), где Бог рассматривается как главное действующее лицо литературной драмы. Сходную, хотя и несколько иную, позицию занимают сторонники буквального понимания текста Библии, как иудейского, так и христианского толка, которые рассматривают Библию как своего рода сборник житейских наставлений, где есть все, что следует знать. Лично мне наиболее адекватным подходом представляется восприятие Библии как собрания документов, свидетельствующих о многоэтапном богооткровении. Эти документы позволяют нам обрести развивающуюся, персоналистскую веру в непостижимого Бога. Как прекрасно сформулировал Мартин Бубер, «кто произносит слово Бог и действительно подразумевает Ты... какие бы заблуждения ни владели им, — обращается к истинному Ты своей жизни»².

Мы незаслуженно получили от евреев ценнейший дар — удивительную историю, представляющую собой долгое и сложное формирование этичес-

---

¹ Автор цитирует Декларацию независимости США. — *Перев.*

² *Цит. по:* Мартин Бубер. Я и Ты // Квинтэссенция: Альманах. / Под ред. В. И. Мудрагея. М., 1992.

кого монотеизма. Едва ли без него могли зародиться и вызреть наши идеи равенства и персонализма. Без этой эволюции было не обойтись. Но поскольку доказать существование Бога невозможно, едва ли можно утверждать, что Он и в самом деле разговаривал с Авраамом, Моисеем или Исаией. Каждый решает для себя, слышит ли он Голос, который обращался к патриархам и пророкам. Если да, ему не требуются доказательства, поскольку доказывать нам то, во что мы верим, нет необходимости. В конечном счете, в Бога верят не так, как верят в существование Тимбукту или созвездия Андромеды. В Бога верят так же, как верят в друга, — или не верят ни в то, ни в другое. Иначе говоря, в том, что касается веры в Бога, каждому читателю придется бороться с самим собой, собственными сомнениями и убеждениями.

Однако можно доказать (и я надеюсь, мне удалось это сделать), что система взглядов, названная иудаизмом, является мировоззрением поступательного развития, принятым на Западе, мировоззрением, в определенной мере усвоенным многими — или почти всеми — незападными обществами. На это «мировоззрение развития» постоянно ссылаются исторические, литературные, философские, религиозные и теологические тексты; при этом оно выступает оппозицией «циклического мировоззрения», но подробные разъяснения его сущности встречаются нечасто, и даже неплохо подкованный студент, изучающий гуманитарные или общественные науки, может преспокойно получить диплом, так и не узнав,

что означают эти термины и каковы основные следствия названных явлений.

Циклический мир не имеет начала и конца. Однако для нас время имеет начало, будь то первые слова Бога в Книге Бытия, где сказано: *В начале сотворил Бог небо и землю*, или современная научная теория Большого Взрыва, концепция, которая не могла бы появиться, если бы не евреи. Время имеет начало, а значит, у него должен быть конец. Каким он будет? Тора утверждает, что, творя историю, Бог преследует собственные цели и Он же положит ей конец, однако пророки учат, что этот конец зависит от сделанного нами выбора и нашего отношения к ближнему.

Неверующие могут спросить, почему Бог — еврейский Бог справедливости и сострадания — поддерживает наши ценности и не обрекает на провал любые наши усилия. Но еврейские пророки уже высказали самые дерзкие мечты всего человечества. Исаия говорил о том, что подлинная вера откроется для *всех народов*, которые потекут к Дому Господню [YHWH], что Господь научит *нас Своим путям*, что мы *перекуем мечи свои на орала*. И те, кто разделяет эту удивительную мечту о вселенском братстве, мире и справедливости, кто способен увидеть и почувствовать то, что видели и ощущали великие пророки, поймут, что без Бога нет справедливости.

Однако тем, кто верует в Бога, тоже есть о чем задуматься. В западном мире, который опирается на фундамент, заложенный евреями, голос бедного и беспомощного так часто остается неслышанным.

Пророки горячо и страстно призывали Израиль и Иудею не забывать о вдовах, сиротах и пришельцах, которые не могут позаботиться о себе сами. Такие люди есть среди нас и сегодня. Это матери-одиночки, голодные дети, беззащитные иммигранты, призраки, которых не замечает наше благополучное общество. Половина всех детей в мире каждый вечер ложится спать голодными, а каждому седьмому ребенку грозит голодная смерть. Такая статистика должна постоянно напоминать верующим слова Достоевского, по мнению которого страдания детей есть доказательство того, что Бога не существует. Кроме того, не следует забывать про страшный *день Господень* [YHWH], что уничтожит наше богатство и благополучие, а возможно, сокрушит и бастиионы нашей веры, про разрушенный Храм и про то, как YHWH отвернулся от своего народа.

Потому что без справедливости нет Бога.

Книги еврейской Библии

Книги еврейской Библии подразделяются на три группы: Тора, Невиим и Кетувим. Первые буквы этих слов образуют аббревиатуру Танах — так принято называть Библию в рамках еврейской традиции. Ниже приводится список книг еврейской Библии, вошедших в общепризнанный канон. Этот перечень был составлен палестинскими евреями в начале нашей эры, хотя, скорей всего, единство мнений в отношении его состава было достигнуто еще до нашей эры. Помимо перечисленных книг существует ряд других, которые евреи и протестанты называют апокрифами, а католики и православные — второканоническими книгами. Они иногда включались в канон, а иногда отвергались. Не для всех перечисленных текстов мы располагаем полной версией на иврите. Происхождение некоторых из них прослеживается только до момента включения текста в рукописные копии Септуагинты, древнейшего перевода

Священного Писания с иврита на греческий, который был выполнен для евреев диаспоры в последние века до нашей эры.

Тора (или Учение)¹

<i>Название на иврите</i>	<i>Английское название</i>	<i>Русское название</i>
Bereshit	Genesis	Бытие
Shemot	Exodus	Исход
Vayyiqra	Leviticus	Левит
Bemidbar	Numbers	Числа
Devarim	Deuteronomy	Второзаконие

Повествовательная часть Торы приходится главным образом на две первые книги: Книгу Бытия, которая охватывает период от сотворения мира до смерти Иосифа в Египте и включает историю Авраама, и Книгу Исхода, рассказывающую о пребывании сынов Израилевых в египетском рабстве, исходе из Египта под предводительством Моисея и встрече с Богом на Синае. Книга Исхода завершается предписаниями ритуального характера. Книга Левит представляет собой перечень предписаний законодательного и ритуального характера, авторами которых являются священники из колена Левия. Книга Чисел получила такое название, поскольку начинается с исчисления сынов Израилевых, годных

---

¹ Иногда название Тора переводится как Закон. Кроме того, Тору называют Пятикнижием, поскольку она содержит пять книг. — *Авт.*

для войны; в этой книге продолжается повествование о странствованиях израильтян по Синайской пустыне, которое перемежается вставками нормативного характера. Завершается Книга Чисел расселением израильтян в Заиорданье. Второзаконие представляет собой свод законов из области религиозного и гражданского права, изложенных от лица Моисея, и завершается смертью Моисея.

Невиим (Пророки)

Р а н н и е п р о р о к и

<i>Название на иврите</i>	<i>Английское название</i>	<i>Русское название</i>
Yehoshua	Joshua	Книга Иисуса Навина
Shofetim	Judges	Книга Судей Израилевых
Shemuel	Samuel	Первая и Вторая книги Царств
Melakhim	Kings	Третья и Четвертая книги Царств

В этих книгах последовательно излагается история Израиля от расселения в Ханаане до падения Иудеи и Вавилонского пленения. Данные книги носят повествовательный, а не «пророческий» характер, хотя среди действующих лиц встречаются и пророки, подобные Самуилу. Свое название — Пророки — эти книги получили из-за того, что позднее всех выдающихся предводителей израильтян, начиная с Моисея и Иисуса Навина, стали считать пророками.

Поздние пророки

<i>Название на иврите</i>	<i>Английское название</i>	<i>Русское название</i>
Yeshayahu	Isaiah	Книга Пророка Исаии
Yirmeyahu	Jeremiah	Книга Пророка Иеремии
Yehezqel	Ezekiel	Книга Пророка Иезекииля

Двенадцать малых пророков¹

<i>Название на иврите</i>	<i>Английское название</i>	<i>Русское название</i>
Hoshea	Hosea	Книга Пророка Осии
Yoel	Joel	Книга Пророка Иоиля
Amos	Amos	Книга Пророка Амоса
Ovadya	Obadiah	Книга Пророка Авдия
Yona	Jonah	Книга Пророка Ионы
Mikha	Micah	Книга Пророка Михея
Nahum	Nahum	Книга Пророка Наума
Havaqquq	Habakkuk	Книга Пророка Аввакума
Tzefanya	Zephaniah	Книга Пророка Софонии
Haggay	Haggai	Книга Пророка Аггея
Zekharya	Zechariah	Книга Пророка Захарии
Malakhi	Malachi	Книга Пророка Малахии

Все поздние Пророки, от Исаии до Малахии, действительно представляют собой книги пророчеств. Обычно последние двенадцать Пророков включались в единый свиток.

---

¹ Такое название этих книг объясняется небольшим объемом. — *Авт.*

Кетувим (Писания)

<i>Название на иврите</i>	<i>Английское название</i>	<i>Русское название</i>
Tehillim	Psalms	Псалтирь
Mishle	Proverbs	Книга Притчей Соломоновых
Iyyov	Job	Книга Иова
Shir Hashirim	Song of Songs	Книга Песни Песней Соломона
Rut	Ruth	Книга Руфь
Ekha	Lamentations	Книга Плач Иеремии
Qohelet	Ecclesiastes	Книга Екклесиаста, или Проповедника
Ester	Esther	Книга Есфирь
Daniyyel	Daniel	Книга Пророка Даниила
Ezra-Nehemya	Ezra-Nehemiah	Книга Ездры, Книга Неемии
Divre Hayyamim	Chronicles	Первая и Вторая книги Паралипоменон

Несомненно, для евреев ядром Священного Писания является Тора, хотя частое употребление сочетания «Тора и Пророки» говорит о том, что эти две части Писания неотделимы друг от друга. Третьей части еврейской Библии — собранию разнотипных текстов, которые, по-видимому, в силу своей неоднородности попали в категорию Писания, — придается несколько меньшее значение. Почетное место в этой группе занимают Псалмы. Пять небольших книг, пять свитков: Песнь Песней, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст и Есфирь — читают в синагоге в дни пра-

здников. Первая и Вторая книги Паралипоменон содержат дословные заимствования из Книг Царств и излагают историю народа Израиля от сотворения мира до возвращения евреев после Вавилонского пленения в Землю Обетованную, что позволяет завершить еврейскую Библию на утешительной ноте и подарить угнетенным евреям надежду на будущее.

Поскольку двенадцать малых Пророков считаются одним свитком (то есть единой книгой), еврейская Библия состоит из 24 книг, что указывает на значимость числа 12 и кратных ему чисел в еврейской традиции: такие числа свидетельствуют о завершенности или полноте. Помимо названных 24 книг Септуагинта включает несколько апокрифов, или второканонических книг, принятых католиками и многими православными христианами: Иудифь; Товит; Первую и Вторую книги Маккавеев; Книгу Премудрости Соломона; Книгу Иисуса, сына Сирахова; Книгу Варуха; греческие дополнения к Книге Даниила — Даниил 3:24–90, глава 13 (история Сусанны) и глава 14 (Вил и дракон). Кроме того, многие православные христиане включают в Писание одну или несколько из следующих книг: Первую Книгу Ездры (Книги Ездры и Неемии в Септуагинте имеют общее название Вторая книга Ездры), Третью и Четвертую Книги Маккавеев, Псалмы Соломона, а иногда еще несколько менее значительных произведений и дополнений. Порядок книг в христианской Библии отличается от того, что принят в еврейской Библии.

Хронология

Данная хронология ни в коей мере не претендует на полноту, здесь приводится лишь краткий перечень дат и эпох, связанных с историческими эпизодами, которые упомянуты в книге. Даты, выделенные жирным шрифтом, являются приблизительными. Даты, касающиеся жизни Авраама и Моисея, представляются к тому же достаточно спорными.

3200 до н. э.	Изобретение письменности в Шумере.
1850	Запись «Эпоса о Гильгамеше». Аврам (Авраам) отправляется в Ханаан.
1750	Обнародован свод законов Хаммурапи.
1720–1552	Египтом правят гиксосы.
1700	Сыны Израилевы перебираются в Египет.
1377–1358	Правителем Египта становится Эхнатон (Аменхотеп IV), который устанавливает единый культ Атона, бога Солнца.

- 1347–1338 Египтом правит Тутанхамон.
- 1304–1290 Трон Египта занимает Сети I, по всей вероятности, тот самый фараон, который «не знал Иосифа» и поработил сынов Израиля.
- 1290–1224 Египтом правит Рамсес II. (Скорей всего, именно в его правление и случился Исход.)
- 1250 Евреи под предводительством Моисея оставляют Египет. Встреча на Синае.
- 1220–1200 Иисус Навин и израильтяне вторгаются в земли Ханаана.
- 1200–1025 Эпоха Судей и союз израильских племен в Ханаане.
- 1030–1010 Объединившимися израильскими племенами правит Саул.
- 1010–970 Объединенным Израильским царством правит Давид.
- 1000 Давид берет Иерусалим и делает его своей столицей.
- 970–931 Израилем правит Соломон. Начинается сбор преданий, которые позднее станут Торой.
- 966 Соломон строит Храм в Иерусалиме.
- 931 Объединенное Израильское царство раскололось на Израиль и Иудею.
- 874–853 Израилем правит Ахав с супругой Иезавелью. Пророчества Илии.

- 750 Начинает пророчествовать Амос, а чуть позднее — Осия.
- 740 Бог взывает к Исаие в Храме. Начало пророчеств Исаии. Пророчества Михея.
- 722 или 721 Войска царя Ассирии Саргона II завершают завоевание Израиля и угоняют в плен его население. Десять северных колен исчезают.
- 716–687 Иудеей правит Езекия, один из последних достойных царей.
- 687–642 В Иудее царствует Манассия. Он поощряет отправление языческих культов в Храме и (согласно более поздней традиции) казнит Исаию.
- 640–609 В Иудее правит Иосия, последний разумный царь. Он пытается осуществить религиозную реформу и поощряет обнаружение важнейших исторических документов: Второзакония, Книги Иисуса Навина, Книги Судей и Книг Царств.
- 605 Иеремия предсказывает Иудее 70 лет изгнания.
- 16 марта 597 Навуходоносор занимает Иерусалим и начинает уводить в Вавилон пленных евреев.
- Июль–август 587 или 586 Навуходоносор разрушает Храм, разоряет Иерусалим; изгнание евреев продолжается еще пять лет.

- 539 Персидский царь Кир входит в Вавилон и возвращает на прежнее место святыни, перемещенные в Вавилон.
- 538 Кир издает указ, позволяющий изгнанникам вернуться в Землю Обетованную.
- Весна 537** Заложен Второй Храм.
- 520–515 Завершено строительство Второго Храма.
- 450 По-видимому, в этот период были написаны Книга Иова, Песнь Песней, Книга Руфь и значительная часть Псалмов.

Оглавление

Предисловие переводчика	9
Введение. <i>Это — евреи</i>	11
I. Храм в лунном свете. <i>Первый религиозный опыт</i>	18
II. Путь во тьме. <i>Переворот в сознании</i>	59
III. Египет. <i>От рабства к свободе</i>	98
IV. Синай. <i>От смерти к жизни</i>	128
V. Ханаан. <i>От племени к народу</i>	171
VI. Вавилон. <i>От многих к одному</i>	209
VII. С тех пор и поныне. <i>Евреи остались собой</i>	248
Книги еврейской Библии	258
Хронология	264

Научно-популярное издание

Томас Кахилл

ДАРЫ ЕВРЕЕВ

**Как племя, кочующее по пустыне,
изменило образ мышления всего мира**

Ответственный редактор *Татьяна Филатова*
Художественный редактор *Егор Саламашенко*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Людмила Быстрова*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 10.08.2005.
Формат издания 84×108¹/₃₂. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,28. Тираж 4000 экз.
Заказ № 1831.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197342, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 15, литера А.
E-mail: info@amphora.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУП ИПК «Лениздат» Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Мне хочется изложить историю западного мира как историю народов, которые подарили нам бесценные сокровища, составляющие духовное наследие Запада. Речь пойдет об эволюции западного мировосприятия, о том, как мы стали теми, кто мы есть, и почему мы думаем и чувствуем так, а не иначе. Это будет рассказ о судьбоносных моментах, когда на карту было поставлено все и могучему потоку, питающему историю Запада, грозила опасность разделиться на сотню никчемных ручейков, замерзнуть или испариться.

ТОМАС КАХИЛЛ

Древние религии и философские учения рассматривали жизнь как часть бесконечного цикла рождений и смертей. Они уподобляли время великому Колесу. Так было, пока народу Авраама и Моисея не открылось, что время подобно повести, финал которой скрыт в будущем. Это прозрение породило новое восприятие человека как личности с уникальной судьбой и нашу веру в прогресс.

Кахилл предпринимает захватывающее путешествие к истокам западной цивилизации... Ему удалось возродить интерес к Библии, показав, что она может сказать нам сегодня.

SAN FRANCISCO CHRONICLE

WWW.AMPHORA.RU

9 785942 789121

ISBN 5-94278-912-6

издательство
амфора